A1 / 608
1483

6605

Рус.-япон. в-на

900/485
Бар. С. Волгдъ
ВО
КиМ

С. Я. Гусевъ

СВѢЖІЯ РАНЫ.

Воспоминанія корпуснаго контролера о Русско-японской войнѣ.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
127-66-65

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

12766-65

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

1500216487

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошло болѣе пяти лѣтъ послѣ окончанія русско-японской войны. Эта война приковала къ себѣ вниманіе всего міра, и понятно, что все русское общество, во всѣхъ его слояхъ, съ болѣзненнымъ напряженіемъ слѣдило за ходомъ военныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ. Но миръ былъ заключенъ и внутри Россіи вспыхнула внутренняя война. Поднялся гигантскій вихрь политическихъ событій и поглотилъ весь интересъ, который былъ до этого сосредоточенъ на злополучной войнѣ. Огромная политическая волна, поднявшись со страшной силой, столь же стремительно упала, ураганъ прекратился, и осталась только мертвая зыбь. Снова пробудился интересъ къ пережитой невзгодѣ, и явилось стремленіе использовать печальные опыты неудачной войны, чтобы исправить всѣ недостатки административно-хозяйственнаго строя, организаціи и боевой тактики нашихъ вооруженныхъ силъ. Въ настоящее время для этой цѣли имѣется достаточно печатнаго матеріала и отчетовъ по разнымъ отдѣламъ полевого управленія дѣйствующихъ армій, и я не претендую на то, чтобы мой трудъ далъ солидное прибавленіе къ этому матеріалу, но, излагая въ хронологическомъ порядкѣ событія и факты, прошедшіе передъ моими глазами, я смѣю думать, что нѣкоторые изъ нихъ не лишены интереса и въ настоящее

время. Кромѣ того, я касаюсь въ своихъ запискахъ хозяйственно-продовольственной стороны, которая, насколько мнѣ извѣстно, не была затронута въ литературѣ по этой войнѣ. Хотя мой богатый дневникъ пропалъ во время отступленія отъ Мукдена, при потерѣ обоза I разряда, но я воспользовался тѣми письмами и замѣтками, которыя я посылалъ въ Россію, и которыя, къ счастью для меня, частью сохранились. Кромѣ того, цѣлый рядъ отдѣльныхъ фактовъ и эпизодовъ настолько глубоко врѣзался въ моей памяти, по силѣ впечатлѣнія, что, при составленіи настоящихъ записокъ, я какъ бы вновь пережилъ все, уже мною видѣнное и испытанное, и я думаю, что всѣ ужасы послѣдней войны будутъ жить въ моей старческой памяти до конца дней моихъ.

Никогда въ жизни я не допускалъ лжи и прикрасъ, считая, что самая горькая правда всегда лучше самой красивой лжи, и этимъ же я руководствовался при составленіи настоящихъ записокъ, въ которыхъ, поэтому, нѣтъ ни фантазіи, ни прикрасъ, ни преувеличенія, а только одна правда, можетъ быть для многихъ и непріятная, но что же дѣлать!.. Про многое я здѣсь умалчиваю, а останавливаюсь, главнымъ образомъ, на томъ, что имѣетъ общественный интересъ, такъ-какъ я имѣлъ въ виду указать на такія отрицательныя стороны послѣдней войны, къ устраненію которыхъ, въ будущемъ, должны быть приняты надлежащія мѣры.

С. Гусевъ.

Мобилизація.

Я былъ назначенъ на должность корпуснаго контролера вновь формируемаго изъ резервныхъ войскъ 6-го Сибирскаго Корпуса.

Штабъ Корпуса формировался въ Москвѣ, куда я и прибылъ съ чинами своего Управленія въ первыхъ числахъ іюня 1904 г.

22 года тому назадъ, молодымъ артилл. офицеромъ я вышелъ въ отставку и въ преклонномъ возрастѣ мнѣ снова пришлось вступить въ ряды арміи. Столь значительный промежутокъ времени въ жизни арміи, конечно, долженъ былъ отразиться на внутреннемъ ея строѣ и я, какъ сторонній наблюдатель, могъ гораздо лучше замѣтить происшедшія перемѣны и, можетъ быть, правильнѣе оцѣнить ихъ, чѣмъ офицеры, продолжавшіе оставаться въ строю. Объ этомъ, впрочемъ, я буду говорить потомъ.

Подъ штабъ Корпуса было отведено помѣщеніе въ огромныхъ Спасскихъ казармахъ, куда, понемногу, доставлялись нижніе чины, лошади и имущество. Все это дѣлалось не спѣша, благо на формированіе дано было цѣлыхъ два мѣсяца.

По плану формированія такъ прекрасно было расписано, что и откуда слѣдовало получить, но это только написано было на бумагѣ. Прислали изъ Тамбовской губерніи лошадей, а конской амуниціи никакъ получить не могли; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ требованій прислали амуницію—оказалась дурного качества; не обошлось безъ пререканій съ интендантскимъ чиновникомъ, но послѣ составленія акта о неисправностяхъ, эту амуницію замѣнили другою, но опять произошла задержка въ доставленіи повозокъ. Лошади стояли безъ

работы, фуражъ для нихъ можно было бы покупать на жел.-дорожной станціи, изъ первыхъ рукъ, но за неимѣніемъ повозокъ приходилось пріобрѣтать въ лабазахъ и переплачивать лишнія деньги. Къ довершенію всего, лошади оказались несъѣзженными, и надо было сначала ихъ объѣзжать въ парныхъ повозкахъ. Запасныхъ нижнихъ чиновъ, 40-лѣтнихъ бородачей, надо было обучать обращенію съ магазинными винтовками, которыя впервые попали имъ въ руки.

Въ этой первой стадіи формированія мнѣ нечего было дѣлать, и я просилъ разрѣшенія командира Корпуса отправиться въ части Корпуса для осмотра матеріальнаго имущества, предчувствуя, что тѣ резервные кадры, изъ которыхъ формируются новыя части корпуса, сбыли имъ всякую залежь и бракъ.

Дѣйствительность превзошла мои предположенія.

Со времени Турецкой Кампаніи мы истратили милліарды на армію и на содержаніе въ исправности неприкосновенныхъ ея запасовъ на случай войны и, казалось бы, должны были отправить на войну и лучшихъ солдатъ, и лучшее имущество.

Такъ поступили пруссаки въ 1870-мъ году, такъ сдѣлали и наши друзья—японцы, а мы—совсѣмъ наоборотъ.

Людей отправляютъ за 10.000 верстъ, въ чужую страну и снабжаютъ ихъ такими сапогами, что черезъ 2 недѣли остаются на ногахъ только голенищи; фуражки едва могутъ прикрыть голову годовалаго ребенка, а шинели вѣроятно изготовлялись по мѣркѣ 10—12 лѣтняго мальчугана.

Командиры частей ходатайствовали объ отпускѣ имъ денегъ на заготовку сапогъ, но интендантство имъ въ этомъ отказало; нѣкоторые полки, не надѣясь на интендантскіе сапоги, сдѣлали заказъ кустарямъ. Я видѣлъ эти кустарнаго заказа сапоги, которые съ удовольствіемъ пріобрѣтались и офицерами и обошлись по 4 р. 65 к. за пару, т. е. на 1 р. дешевле интендантскихъ. Совершенно непонятно, почему Государственный Контроль не принимаетъ никакого участія ни въ громадныхъ заготовительныхъ операціяхъ интендантства, ни въ пріемкахъ заготовокъ отъ поставщиковъ. Вѣдь при каждомъ округѣ существуютъ пріемочныя комиссіи, но въ составѣ ихъ представителя отъ Государственнаго Контроля почему-то не имѣется.

Сухари, отпущенные интендантствомъ, въ общемъ были хороши, но въ одномъ полку были получены негодные сухари, съ большимъ количествомъ червей. Когда командиръ полка составилъ объ этомъ актъ и просилъ о замѣнѣ сухарей другими, то интендантство въ этой просьбѣ отказало, предложивъ полку перебрать сухари, съ цѣлью очистки ихъ отъ червей. Подлинный рапортъ командира полка былъ возвращенъ въ полкъ интендантствомъ съ чьей-то характерной помѣткой: «и опытъ смертнаго сдѣлать безсмертнымъ еще не удавался. Хорошіе сухари спасти въ сырую погоду отъ червивости, при малѣйшемъ даже невниманіи,—даже морякамъ не удавалось; не понимаю — почему такъ строги сухопутные 72 -ой пѣхотной дивизіи».

Авторъ этой интересной тирады, къ сожалѣнію, не подписался...

Но что возмутительнѣе всего—это была конская амуниція. Привожу дословно мой докладъ объ этомъ командиру корпуса:

«Въ 74 и 75 парковыхъ артиллерійскихъ бригадахъ, стоящихъ въ Оренбургѣ, вся конская амуниція совершенно никуда не годна: кожа настолько перегорѣла, что расползается при малѣйшемъ усиліи и разрывается при ушивкахъ, во время починки; нагайки отлетаютъ отъ кнутовищъ при взмахахъ ими ѣздовыхъ; послѣ каждой проѣздки амуниція приходитъ въ такой видъ, что ее нельзя вновь запречь безъ предварительнаго большого ремонта; деревянные ленчики сѣделъ ломаются; путлищные ремни рвутся. Словомъ, конская амуниція парковыхъ бригадъ представляетъ собою имущество, которое нельзя даже продать на вѣсъ по совершенной непригодности. Даже металлическія части, какъ-то: крюки, пряжки,—ломаются, вслѣдствіе глубокой ржавчины въ мѣстахъ соединенія съ кожей, и были даже совершенно невѣроятные случаи поломки желѣзныхъ хомутныхъ клещей. При такомъ состояніи конской амуниціи парки не могутъ выступить въ походъ.

«Не въ лучшемъ состояніи находится инструментъ кузнечный, ковальный, шорный, столярный, конская принадлежность, коновязь и все остальное артиллерійское имущество.

«Указанное негодное имущество принято въ полки изъ сараевъ 6 кадроваго резервнаго артиллерійскаго парка чрезъ посредство каптенармусовъ, безъ описей и актовъ, такъ что никакой пріемки, въ

строгомъ смыслѣ, не было. По повѣркѣ оказалась значительная недостача противъ штатовъ.

Артиллерійскіе парки формировались въ Оренбургѣ, куда одновременно со мною пріѣхалъ начальникъ артиллеріи корпуса, но онъ еще дорогой заболѣлъ и не могъ самъ видѣть, въ какомъ развратномъ видѣ выступали на войну парки. Я показалъ ему образцы упряжи и онъ тотчасъ же телеграфировалъ объ этомъ въ Петербургъ. Интереснѣе всего былъ результатъ. Когда изъ Петербурга были затребованы свѣдѣнія, сколько и какіе предметы должны быть замѣнены, командиры парковыхъ бригадъ отвѣтили, что они приведутъ все въ порядокъ собственными средствами.

Неправда-ли, какой странный и непонятный отвѣтъ со стороны тѣхъ, которые, повидимому, заинтересованы въ томъ, чтобы матеріальная часть ихъ командъ была въ полномъ порядкѣ? Для тѣхъ, кто знакомъ съ порядкомъ пріема имущества отъ кадровой части, при которой хранится неприкосновенный запасъ,—такое отношеніе со стороны командировъ парковыхъ бригадъ—понятно, не посвященнымъ же въ эти тайны предоставляю самимъ найти и *оцѣнить* истинную причину.

Въ нѣкоторыхъ полкахъ оказалось много хомутовъ артиллерійскаго образца, уже давно вышедшихъ изъ употребленія, а въ одномъ полку, въ числѣ комплектной конской амуниціи, были 44 совершенно никуда негодныхъ хомута образца 1866 года.

Относительно состоянія конской амуниціи въ нѣкоторыхъ полкахъ мною изложено было въ докладѣ командиру корпуса такъ: «конская амуниція въ очень плохомъ состояніи, при чемъ хомуты совершенно негодны къ употребленію, какъ по качеству (перегорѣлой, рваной кожи, съ перегорѣлыми войлоками), такъ и по образцу (артиллерійскіе). О непригодности конской амуниціи хотя и составлены акты подлежащими полками, при пріемѣ указаннаго имущества, но таковые остались безъ дальнѣйшаго движенія. Если полки выступятъ въ походъ съ такими хомутами, то при первомъ же переходѣ у лошадей будутъ сбиты шеи, а хомуты перервутся...»

Вновь сформированные полки стояли лагеремъ въ бивачномъ порядкѣ, а кругомъ военнаго лагеря расположились таборомъ семьи

призванныхъ—жены, дѣти и внуки. Частичная мобилизація, какъ показалъ опытъ Русско-Японской войны, не выдерживаетъ никакой критики. Съ стратегической точки зрѣнія было крайне не раціонально пополнять ряды войскъ запасными раннихъ сроковъ, которые не могли представлять собою надежнаго элемента, вливающагося въ составъ дѣйствующей арміи; этотъ элементъ непремѣнно долженъ былъ вносить деморализующее начало, что въ дѣйствительности и подтвердилось на практикѣ. Съ экономической точки зрѣнія частичная мобилизація оказалась страшнымъ вредомъ для земледѣльческаго населенія: въ уѣздахъ, гдѣ производилась мобилизація, всѣ способные къ труду рабочіе были призваны на службу, и въ селеніяхъ остались только не отбывавшіе воинской повинности или неспособные къ труду. Въ однихъ уѣздахъ губерніи были призваны всѣ запасные, и эти уѣзды были обездолены рабочей силой, а другіе уѣзды—вовсе были освобождены отъ этой тяготы. За что же такая несправедливость?

Корпусъ получилъ лошадей по военно-конской повинности изъ Тамбовской губерніи, которая считается «лошадиной» губерніей, и слѣдовало бы ожидать, что лошади будутъ добропорядочныя. Что же оказалось на самомъ дѣлѣ? Комиссіи приняли столько браку, что до выступленія въ походъ пришлось часть лошадей пристрѣлить, продать и замѣнить другими. Въ пріемныя комиссіи, въ большей части случаевъ, отъ войскъ назначались неопытные офицеры, которые принимали все то, что имъ подсовывали. Въ довершеніе всего, около 100 лошадей на каждую дивизію оказались жеребыми кобылами, которыя еще до выступленія въ походъ стали жеребиться, а многія жеребились во время проѣзда по желѣзной дорогѣ и вскорѣ по прибытіи въ Манчжурію. Сколько такихъ лошадей отъ этого переколѣло и сколько перекалѣчилось; между тѣмъ, по положенію о военно-конской повинности, принимать жеребыхъ лошадей запрещается.

Необходимо упорядочить способъ укомплектованія мобилизуемыхъ частей лошадьми по военно-конской повинности, введя въ составъ комиссіи ремонтеровъ и установивъ личную отвѣтственность на членовъ пріемныхъ комиссій. Половина членовъ комиссіи должна быть изъ особо командируемыхъ для этой цѣли ветеринарныхъ врачей, не проживающихъ въ этомъ районѣ.

Надо отдать должное нѣсколькимъ командирамъ полковъ: они цѣлые дни проводили въ своихъ частяхъ и входили во всѣ хозяйственныя мелочи, не забывая, въ то же время, и строевыя занятія, но большинство занималось исключительно заботами о своихъ личныхъ приготовленіяхъ, а ихъ примѣру слѣдовали и офицеры. Поэтому нѣкоторые полки прибыли на театръ военныхъ дѣйствій безъ достаточной боевой подготовки, между тѣмъ, ко времени мобилизаціи корпуса интересующіеся ходомъ кампаніи должны были знать изъ оффиціальныхъ отчетовъ и изъ корреспонденцій о тактикѣ японцевъ. Приняли ли командиры частей въ соображеніе будущую боевую обстановку и воспользовались ли они сообщеніями съ театра военныхъ дѣйствій? Первыя же боевыя столкновенія корпуса дали отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

За трое сутокъ до выступленія штаба въ Москву, проѣздомъ за границу, пріѣхалъ мой братъ, раненый на Ялу. По его телеграммѣ я встрѣтилъ его на поѣздѣ и былъ пораженъ его видомъ. Это былъ старикъ, паралитикъ, слѣпой на одинъ глазъ и полуглухой, а, между тѣмъ, ему было всего 46 лѣтъ. Его горная батарея была въ авангардѣ при наступленіи японцевъ на Ялу, и онъ былъ пассивнымъ свидѣтелемъ этого наступленія, потому что снаряды его орудій не могли долетать до японцевъ, а тѣ, въ это время, осыпали съ далекаго разстоянія его батарею, и одинъ изъ ихъ снарядовъ выбросилъ брата изъ строя. Много грустнаго онъ намъ разсказалъ про наши постоянныя неудачи и про ту обстановку, въ которую мы скоро попадемъ.

По указанію брата, я сильно облегчилъ свой багажъ и впослѣдствіи на собственномъ опытѣ убѣдился, что совершенно достаточно того имущества, которое можетъ помѣститься въ полувьюкѣ. Я обходился во всю кампанію тремя смѣнами бѣлья. Остальныя вещи хранились въ чемоданѣ, который помѣщался въ обозѣ II-го разряда, и я въ первый разъ раскрылъ его только по прибытіи на зимнюю стоянку, послѣ ратификаціи мирнаго договора.

Хотя штатами обоза и нормированъ вѣсъ офицерскаго имущества, но, къ сожалѣнію, эта норма не соблюдается, и наши обозы были сильно перегружены, въ ущербъ ихъ подвижности. Генералъ Куропаткинъ, заботясь о приданіи обозамъ большей подвижности, усилилъ

ихъ составъ, тогда какъ слѣдовало прежде всего обратить вниманіе на неправильную его утилизацію.

Я помню, сколько заботъ вызвало въ штабѣ корпуса пріобрѣтеніе паровой прачешной и огромнаго шатра для офицерской столовой и сколько денегъ было потрачено на это. И что же въ результатѣ? Прачешной попробовали воспользоваться одинъ разъ, и выяснилось, что примитивный способъ стирки руками денщиковъ побилъ рекордъ, и прачешная была брошена безъ употребленія, а шатеръ ни разу не ставили, а все возили и возили до тѣхъ поръ, пока онъ не достался въ призъ японцамъ, въ числѣ прочаго имущества, брошеннаго подъ Мукденомъ.

О томъ, какъ были использованы во время кампаніи перевязочныя средства, я изложу подробнѣе при описаніи дѣятельности обозовъ, а пока упомяну только, что въ виду предстоящихъ операцій корпуса въ пересѣченной, гористой мѣстности, обозъ его былъ увеличенъ противъ дѣйствующихъ штатовъ военнаго времени.

Въ началѣ іюля при штабѣ уже были сформированы всѣ Управленія корпуса, кромѣ самаго важнаго — корпуснаго интендантства. Мы только знали по приказу, что корпуснымъ интендантомъ назначенъ полковникъ К., завѣдующій сухарнымъ заводомъ въ одномъ изъ западныхъ округовъ.

Наконецъ, въ началѣ іюля К. появился въ Москвѣ, чтобы представиться командиру корпуса, и, кажется, на другой же день опять исчезъ къ себѣ. Это былъ очень и очень пожилой человѣкъ и, вдобавокъ, болѣзненный.

Онъ самъ говорилъ намъ, что совершенно неподготовленъ къ новой должности и самъ чувствуетъ, что вслѣдствіе болѣзни и старости не годится на эту отвѣтственную должность. Когда я его спросилъ, почему онъ все-таки принялъ это назначеніе, то услышалъ отъ него отвѣтъ, очень удивившій насъ всѣхъ. Назначеніе его было большой для него неожиданностью, и онъ сейчасъ же телеграммой просилъ объ освобожденіи его отъ должности корпуснаго интенданта, а затѣмъ и самъ поѣхалъ въ Петербургъ просить, чтобы его оставили при его сухарномъ заводѣ, мотивируя свою просьбу сознаніемъ непригодности къ службѣ въ дѣйствующей арміи, но ничто не помогло...

Этотъ фактъ самъ по себѣ достаточно рисуетъ отношеніе Главнаго Интендантскаго Управленія къ столь серьезному вопросу, какъ назначеніе личнаго состава въ армію. Вѣдь Главное Интендантское Управленіе отлично знало, что мы совершенно не были подготовлены къ войнѣ, а вопросъ о довольствіи войскъ представлялся поэтому особенно сложнымъ и серьезнымъ на Дальнемъ Востокѣ. Каково-же было, и безъ того тяжелое, положеніе интенданта арміи, генерала Губера, при такихъ сотрудникахъ, какъ полковникъ К?

Кстати, припоминаю, что изъ Петербурга въ составъ интендантства былъ командированъ одинъ мой бывшій сослуживецъ по Государственному Контролю, уволенный со службы за разныя хорошія дѣла; я слышалъ про него, что онъ сдѣлался темнымъ аферистомъ и про него ходили слухи, что въ одномъ изъ игорныхъ домовъ онъ занимаетъ почетное амплуа шулера. По протекціи же изъ Петербурга онъ нѣкоторое время занималъ должность Корпуснаго интенданта въ одномъ изъ корпусовъ арміи. Когда я случайно встрѣтилъ его въ арміи, я не вѣрилъ своимъ глазамъ и только когда мнѣ сказали его фамилію, я убѣдился, что это онъ.

Вѣдь два, три такихъ субъекта кладутъ пятно на все вѣдомство, а, между тѣмъ, справедливость заставляетъ сказать, что въ послѣднюю войну интедантство армій было выше всякихъ похвалъ. Конечно, въ семьѣ не безъ урода, но такіе субъекты, какъ только что упомянутый мною, составляли исключеніе.

Итакъ, полковникъ К—ій опять уѣхалъ на свой сухарный заводъ; между тѣмъ, отъ частей въ штабъ посыпался цѣлый дождь запросовъ по интендантской части, которые изъ штаба стали направлять ко мнѣ.

Вѣдь я не интендантъ и въ распорядительную часть входить не могъ, а между тѣмъ, въ то же время отлично понималъ положеніе частей и сознавалъ необходимость предварительныхъ распоряженій со стороны интендантства, но ни одного интендантскаго чиновника не было на лицо. Я отправился къ командиру корпуса, чтобы доложить ему о такомъ положеніи дѣла и о своихъ соображеніяхъ о необходимости цѣлаго ряда подготовительныхъ дѣйствій, какъ здѣсь, въ корпусѣ, такъ и въ районѣ военныхъ дѣйствій. Корпусный командиръ, вызвавъ телеграммой К—го, приказалъ ему немедленно сформировать Упра-

вленіе, а затѣмъ выѣхать впередъ, съ однимъ изъ первыхъ эшелоновъ корпуса. Свое промедленіе въ явкѣ къ новому мѣсту службы К—ій объяснилъ тѣмъ, что онъ ждалъ своего замѣстителя для сдачи сухарнаго завода...

Если это не поклепъ на главнаго интенданта, въ интересахъ самооправданія, то такой фактъ тоже заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Въ концѣ концовъ, изъ всего штатнаго состава интендантства, соштабомъ корпуса выѣхало только трое, на которыхъ впослѣдствіи и легла каторжная работа въ теченіе всей кампаніи, это капитаны М--ій и П--къ и бухгалтеръ К—въ. Я все время удивлялся работоспособности и добросовѣстности этихъ незамѣтныхъ тружениковъ, несшихъ на своихъ плечахъ огромную и отвѣтственную работу въ канцеляріи Управленія.

Отъ Москвы до Мукдена.

За часъ до выступленія перваго эшелона штаба Корпуса на платформѣ собралась огромная масса провожающихъ. Сквозь открытыя двери товарныхъ вагоновъ виднѣлись то лошадиныя морды, съ любопытствомъ смотрѣвшія на собравшуюся публику, то мелькающія при слабомъ свѣтѣ вагонныхъ фонарей фигуры солдатъ, устраивавшихъ себѣ уютныя помѣщенія для 40 дневнаго пути.

Явились депутаціи, говорились рѣчи, игралъ оркестръ военной музыки... Провожавшіе перебрасывались отрывочными фразами съ отъѣзжающими, говорилось о совершенно постороннемъ, никому неинтересномъ и ненужномъ... Чувствовалось, что это все не то, что хотѣлось говорить, что у каждаго была какая-то скрытая мысль, которую не хотѣлось высказать. Каждый думалъ: «увидимся ли опять?»... Горнистъ сыгралъ «сборъ» и солдатики, обнявшись въ послѣдній разъ съ родными и знакомыми, полѣзли въ свои вагоны. Раздались обычныя шаблонныя пожеланія здоровья и скораго возвращенія, оркестръ заигралъ русскій гимнъ, раздались громогласные крики «ура», и поѣздъ медленно двинулся впередъ, унося свой живой грузъ на Дальній Востокъ для тяжелой и опасной борьбы. Послѣ жаркаго дня наступила такая холодная ночь, что пришлось кутаться въ шинели.

Изъ оконъ вагона виднѣлись костры крестьянъ, ночующихъ въ поляхъ, чтобы не терять золотого времени для уборки хлѣба и посѣва озимей, съ которыми они очень опоздали, не имѣя во-время новыхъ сѣмянъ. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ была объявлена мобилизація, сельское населеніе выставило отъ 8—12 тысячъ человѣкъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, лишившись работниковъ въ самую тяжелую страдную пору.

Частыя и иногда продолжительныя стоянки не только не утомляли людей, но наоборотъ, онѣ были необходимы, какъ отдыхъ. Во время остановокъ, обычно, люди поятъ и чистятъ лошадей, и сами пьютъ чай, а при болѣе продолжительныхъ стоянкахъ дѣлаютъ выводку и проѣздку лошадей. Отъ непривычной стоянки въ вагонѣ лошади нервничали, дѣлались пугливыми и съ ними очень трудно было справиться. Желѣзныя дороги должны были бы непремѣнно отводить особыя загороженныя мѣста для проводки лошадей, чего, къ сожалѣнію, не было сдѣлано, между тѣмъ маневрирующіе паровозы своими рѣзкими свистками пугали лошадей, которыя сбрасывали сѣдоковъ, вырывались изъ рукъ конюховъ, отрывались отъ коновязи... Въ нашемъ эшелонѣ было два случая, когда сброшенныхъ сѣдоковъ подняли въ безсознательномъ состояніи, и лошадей едва поймали; одна лошадь, вырвавшись отъ конюха, убѣжала за 9 верстъ и ее едва нашли. Хорошо, что стоянка была достаточно продолжительная,—кто отвѣчалъ бы за пропавшую лошадь, если бы ее не успѣли поймать?

Вообще слѣдуетъ сказать, что частныя желѣзныя дороги не особенно внимательно относились къ требованіямъ министерства путей сообщенія, въ цѣляхъ предоставленія удобствъ воинскимъ поѣздамъ.

Такъ, напримѣръ на всѣхъ станціяхъ для войскъ долженъ былъ отпускаться безплатно кипятокъ, между тѣмъ на станціи Сасово буфетъ требовалъ по 2 коп. за чайникъ кипятку, а когда начальникъ эшелона заявилъ объ этомъ начальнику станціи, то этотъ господинъ не только не принялъ никакихъ мѣръ къ удовлетворенію требованія военной власти, но наоборотъ, погрозилъ сопровождавшему поѣздъ желѣзнодорожному агенту, что онъ пошлетъ жалобу управляющему дорогою, обвиняя этого агента въ возбужденіи военныхъ противъ желѣзнодорожной администраціи. Между тѣмъ начальникъ эшелона

не составилъ акта о неимѣніи на станціи безплатнаго кипятку только по просьбѣ поѣздного агента, который обѣщалъ телеграммами предупреждать станціи о заготовкѣ кипятку. Вообще слѣдуетъ сказать, что насколько были услужливы и деликатны агенты, сопровождавшіе поѣздъ, настолько же грубы и самовольны были многіе начальники станцій или ихъ замѣстители.

Сырая вода для питья людей и поенія лошадей заготовлялась въ металлическихъ бакахъ, между путями, куда наливалась изъ водокачекъ чрезъ старые рваные пеньковые рукава, изъ которыхъ цѣлые фонтаны воды заливали мѣсто кругомъ бака; небрежность станціоннаго начальства доходила до того, что властъ имущіе находили совершенно излишнимъ положить двѣ-три шпалы для удобнаго подхода, и потому нижніе чины должны были шлепать по щиколку въ лужѣ воды, чтобы подойти къ баку. Баки не промывались и не имѣли крышекъ, и въ одномъ и томъ же бакѣ содержалась вода и для людей, и для лошадей. И все это ради увеличенія доходовъ акціонеровъ. Министерству путей сообщенія слѣдовало бы послать инспекторовъ для надзора за исполненіемъ желѣзными дорогами правилъ воинской перевозки!

Погода намъ благопріятствовала. Дождливое, холодное лѣто смѣнилось дивными теплыми солнечными днями.

Нашъ штабъ двигался двумя эшелонами; въ первомъ эшелонѣ строевая часть и обозъ I разряда, во второмъ—обозъ II разряда, мое управленіе, интендантство, казначейство и почтово-телеграфное управленіе. Командиръ корпуса въ Рязани пересѣлъ на экспрессъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба и разрѣшилъ мнѣ воспользоваться его купэ въ I-мъ эшелонѣ. Для насъ въ поѣздѣ было прицѣплено два классныхъ вагона и мы размѣстились довольно просторно. У меня былъ довольно большой запасъ книгъ для чтенія, фотографическій аппаратъ и кромѣ того, я задался серьезнымъ намѣреніемъ вести подробный дневникъ. Не очень надѣясь на своего конюха, я поручилъ своихъ лошадей денщику, а къ себѣ прикомандировалъ, для услугъ въ пути, постояннаго вѣстового, Елизарова. Отбывавшій когда-то воинскую повинность въ нестроевой командѣ, онъ представлялъ изъ себя лѣниваго, съ хитрицей мужиченка, который былъ солдатомъ только развѣ по формѣ, въ которую его вырядили. У меня былъ маленькій складной

самоваръ, составлявшій принадлежность походнаго погребца. Сдавая на попеченіе погребецъ, я показалъ ему, какъ надо собирать самоваръ и главное его вниманіе обратилъ на то, чтобы ножки хорошо были привинчены. Первый разъ самоварчикъ былъ поданъ ко мнѣ въ купэ, но уже на слѣдующій день Елизаровъ приноситъ мнѣ чай въ стаканѣ.

— Елизаровъ,—отчего ты не подаешь самоваръ?

— Такъ что, зачѣмъ вамъ, ваше пр-во, вы будете утруждать себя? Не извольте безпокоиться, я буду вамъ подавать такъ.

— Неси сюда самоваръ.

— Слушаюсь!

Налѣво кругомъ и исчезаетъ... Долго его что-то нѣтъ, наконецъ появляется съ полѣномъ, которое укладываетъ на полу, снова исчезаетъ и приноситъ самоваръ, который устанавливаетъ, упирая одинъ его край на полѣно.

— Что это за полѣно? Отчего ты не даешь самоваръ на столъ?

— Такъ что, ваше пр-во, не сподручно ему на столѣ стоять.

— Отчего не сподручно?

— Не могу знать, куда-то одна ножка задѣвалась...

Очевидно, онъ уже успѣлъ ее потерять.

На слѣдующій день самоваръ былъ уже объ одной ножкѣ, а вечеромъ мнѣ былъ поданъ чай въ стаканѣ.

— Отчего опять нѣтъ самовара? Послѣднюю ножку что ли потерялъ?

— Никакъ нѣтъ, храни Богъ. Я, ваше пр-во, ваше добро соблюдаю.

— Почему же ты не принесъ самоваръ?

— Не могу знать, ваше пр-во, только въ немъ вода не держится.

— Какъ не держится? Значитъ распаялся?

— Никакъ нѣтъ, этого мы не допустимъ, а только что воду не держитъ.

— Принеси показать.

Елизаровъ приноситъ самоваръ объ одной ножкѣ, безъ крана.

— Вотъ, извольте поглядѣть. Какъ начнешь наливать, изъ этой дырки вся вода вытекаетъ.

При этихъ словахъ дѣлаетъ преглупѣйшую физіономію.

— Что ты дурака-то строишь. Вѣдь тутъ нѣтъ крана. Гдѣ онъ?

— Не могу знать. Должно выскочилъ утромъ, какъ я уголья вытрясалъ.

— Какъ хочешь, а чтобы обѣ ножки и кранъ были у самовара.

— Слушаюсь.

На какой-то большой стоянкѣ Елизаровъ пропалъ и чрезъ 2 часа вернулся, съ торжествомъ показывая мнѣ самоваръ со всѣми ножками и съ краномъ. За это исправленіе я долженъ былъ вернуть ему потраченный имъ рубль; потомъ я узналъ отъ денщика, что и ножки новыя сдѣланы, и кранъ старый подобрали въ городѣ даромъ, какъ для «солдатика», идущаго на войну. Елизаровъ сразу, попавъ въ нашъ эшелонъ, сдѣлался аристократомъ, какъ и всѣ вообще денщики, особенно штабные; это уже крупныя единицы, къ которымъ всѣ прочіе относятся съ почтеніемъ, какъ къ начальствующимъ лицамъ.

Въ этой средѣ такое же хамство, какъ и во многихъ учрежденіяхъ, гдѣ льстятъ и подличаютъ предъ мелкими чиновниками особыхъ порученій только потому, что они бываютъ близко къ свѣтилу.

Послѣ Рязани въ нашихъ вагонахъ вдругъ откуда-то появились запасы водки, вина и пива, и во время обѣда и ужина эти сосуды опоражнивались очень быстро. Появились и карты, но играли только въ винтъ и по маленькой, больше для препровожденія времени. Да и то сказать, вѣдь пришлось отъ Москвы до Мукдена ѣхать 40 сутокъ въ вагонѣ!.. Остановки въ пути были продолжительныя, главнымъ образомъ на разъѣздахъ, гдѣ кромѣ маленькой станціонной постройки ничего не было.

Нѣсколько разъ приходилось обгоняться со 2-мъ эшелономъ нашего штаба, гдѣ всѣ спутники раздѣлились по отдѣльнымъ группамъ, по управленіямъ и держались какъ бы особнякомъ. Одинъ изъ моихъ успѣлъ сильно повздорить съ командиромъ обоза и дорогой пришлось разбирать его жалобу.

На слѣдующей остановкѣ снова пришлось мнѣ и замѣстителю начальника штаба быть арбитрами въ столкновеніи нѣсколькихъ лицъ. И причины то все были ничего не стоющія, а страсти разгорались такъ, что съ трудомъ удавалось залить начало пожара.

Въ нашемъ эшелонѣ ѣхали все время очень весело, дружно. Вспоминаю одного изъ спутниковъ, очень почтеннаго по возрасту, котораго

называли «орломъ» и «отцомъ». Выпить не дуракъ,—и очень веселый. Можетъ пить хоть цѣлую ночь и даже соло. Помню, разъ просыпаюсь утромъ рано и выхожу изъ купэ. Въ коридорѣ «орелъ», нагрузившись, разговариваетъ съ Елизаровымъ.

— Елизаровъ,—подойди ко мнѣ!

Тотъ подходитъ и останавливается въ трехъ шагахъ.

— Ближе!

Елизаровъ дѣлаетъ еще шагъ.

— Цѣлуй меня!

Елизаровъ стоитъ на вытяжку, руки по швамъ и молчитъ.

— Цѣлуй, чортовъ сынъ, если приказываютъ!

— Не достоинъ этой чести, ваше высокоблагородіе!

— Ахъ, ты скотина... И послышался ударъ оплеухи.

Но тутъ я поспѣшилъ прекратить эту сцену, схвативъ «орла»» за руку и послалъ Елизарова приготовить мнѣ умыться. Оказывается, «орелъ» всю ночь сидѣлъ и пилъ соло, въ то время, какъ его спутникъ по купэ спалъ.

«Орелъ» былъ своего рода типъ, который, думаю, только и можно встрѣтить у насъ на Руси.

Хорошій товарищъ, честный человѣкъ, любящій отецъ,—онъ подъ вліяніемъ вина превращался въ безпринципнаго забулдыгу съ бреттерскимъ пошибомъ, способнымъ на самые безнравственные поступки, а пилъ онъ часто и много, и когда хочетъ выпить, то, не стѣсняясь, тащитъ чужую бутылку, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что это такое же воровство, какъ и присвоеніе какой-либо вещи. Въ трезвомъ состояніи онъ былъ всегда молчаливъ, но за рюмкой превращался въ болтливаго старикашку и не безъ юмора и остроумія, такъ что въ его обществѣ, за столомъ, было всегда весело.

Незамѣтно мы доползли до Сызрани, куда поѣздъ прибылъ въ 2 часа ночи. Здѣсь была назначена стоянка въ теченіе сутокъ... Безчисленные пути этого важнаго узла были заняты воинскими, санитарными и товарными поѣздами, отправляющимися одинъ за другимъ на Дальній Востокъ.

Какъ только начало разсвѣтать, мы цѣлой компаніей вылѣзли изъ вагона и отправились посмотрѣть на знаменитый Сызранскій

мостъ чрезъ Волгу. Но это оказалось дѣломъ не легкимъ: жандармы насъ на мостъ не пустили. Пришлось опять пройти назадъ, на станцію, около 3-хъ верстъ и тамъ, усѣвшись на баластный поѣздъ, мы безпрепятственно въѣхали на мостъ, а такъ какъ поѣздъ шелъ очень тихо, то на самомъ мосту мы слѣзли и пошли пѣшкомъ, рядомъ съ поѣздомъ. Перейдя на ту сторону Волги, мы захотѣли снять фотографію съ моста, но и этого намъ не позволили жандармы, хотя на станціяхъ вездѣ продавались открытки съ видомъ моста! Солнце высоко поднялось. Стало сильно припекать и, кромѣ того, намъ всѣмъ захотѣлось поѣсть. Поэтому мы рѣшили вернуться, но не тутъ то было: жандармы насъ обратно не пустили, а переговоры начальника эшелона, по телефону, съ начальникомъ охраны моста, оказались безрезультатными. Къ нашему счастью, на станцію возвращался порожній баластный поѣздъ, на который мы влѣзли и благополучно переѣхали чрезъ злополучный мостъ. Спрашивается, къ чему это усердіе не по разуму? Хорошо, что нашъ эшелонъ имѣлъ продолжительную остановку, а если бы мы, вслѣдствіе этой задержки, опоздали къ его отходу? Вѣдь насъ было 8 человѣкъ изъ штаба Корпуса.

Задержали оба раза пѣшихъ и безпрекословно пропустили оба раза на баластномъ поѣздѣ!

Въ 10 часовъ вечера, оставивъ эшелонъ, я поѣхалъ на пароходѣ въ Самару, а въ 8 часовъ утра отправился оттуда далѣе на сибирскомъ экспрессѣ.

Ѣхать было жарко. Въ вагонѣ столовой за всѣми столиками сидѣли за напитками со льдомъ.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Уралу, тѣмъ виды становились красивѣе и мы поневолѣ просиживали большую часть времени въ столовой, любуясь черезъ стеклянныя стѣны вагона на величавую природу Уральскихъ горъ, покрытыхъ густой щетиной темнозеленой хвои. На станціи Златоустъ я хотѣлъ купить дорожный ножъ-кинжалъ мѣстнаго производства, но былъ крайне удивленъ, когда мнѣ предложили нѣсколько ножей «тульскихъ» кустарей, а когда я ихъ забраковалъ, то продавецъ усиленно рекомендовалъ мнѣ пріобрѣсти одинъ ножъ съ англійскимъ клеймомъ! И это въ Златоустѣ, славящемся производствомъ стальныхъ клинковъ!

Дорогой мы безпрерывно обгоняемъ воинскіе эшелоны, откуда несутся звуки гармоники и удалыхъ русскихъ пѣсенъ. Около ихъ вагоновъ, на станціяхъ, всегда цѣлое сборище мѣстнаго населенія и на первомъ планѣ бабы въ красныхъ рубахахъ и цвѣтныхъ платкахъ.

На большихъ станціяхъ покупаю всѣ попадающіяся подъ руку газеты и телеграммы, и по дорогѣ бросаю ихъ въ встрѣчающіеся эшелоны. И то, и другое съ жадностью хватается и офицерами, и нижними чинами. Я самъ уже испыталъ газетную голодовку, самъ выпрашивалъ у пассажировъ проходящихъ поѣздовъ газеты и радъ, что могу услужить другимъ. Отъ станціи Курганъ начинается безконечная сибирская равнина, не представляющая никакого интереса.

Въ Омскѣ я покинулъ поѣздъ и рѣшилъ здѣсь ждать эшелона, съ которымъ поѣду дальше. Городъ находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ желѣзной дороги, при сліяніи Оби съ Иртышемъ. Водопровода не имѣется и жители пьютъ мутную грязную воду Иртыша, которая даетъ сильный отстой всякой дряни.

При желѣзнодорожной станціи былъ устроенъ заводъ доктора Шидловскаго для приготовленія мяса на дѣйствующую армію. Хотя докторъ Шидловскій и рекламировалъ способъ препарированія на его заводѣ мяса, какъ свое изобрѣтеніе, но въ дѣйствительности этотъ способъ уже давно извѣстенъ подъ названіемъ «моргановскаго». Посолка мяса производилась особою комиссіей отъ главнаго интендантскаго управленія. Энергичный предсѣдатель комиссіи вмѣстѣ съ остальными членами ея, сознавая важность возложенной на него задачи, являлся на заводъ съ ранняго утра и уходилъ послѣ окончанія работъ.

Шидловскій обязался поставить въ армію въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 350.000 пудовъ мяса. Для выполненія этого условія, ежедневно нужно было препарировать 4,000 пудовъ, на что потребно 500 воловъ, между тѣмъ до пріѣзда предсѣдателя комиссіи въ сутки едва могли приготовить мясо отъ 100 животныхъ. Заводъ былъ совершенно не оборудованъ на контрактное количество. Ко времени моего посѣщенія на заводѣ шли спѣшно постройки новыхъ помѣщеній и установлены были три новые бака для разсола.

Въ способѣ изготовленія мяса на заводѣ былъ одинъ большой недостатокъ. Какъ я уже упоминалъ, вода въ Оби съ сильнымъ отстоемъ, и такая же вода употреблялась для разсола. Правда, ее прогоняли черезъ холщевый мѣшокъ, но это такой сомнительный фильтръ, что о немъ не стоитъ и говорить. Конечно, слѣдовало воду предварительно фильтровать, а затѣмъ непремѣнно кипятить ее.

Кому теперь неизвѣстно, что сырая вода служитъ лучшимъ очагомъ заразы. Предсѣдатель комиссіи обратилъ на это обстоятельство вниманіе, но, къ сожалѣнію, не могъ понудить контрагента приготовлять для разсола фильтрованную и кипяченую воду, потому что это условіе контрактомъ не было предвидѣно.

Не этимъ ли обстоятельствомъ можно объяснить тотъ фактъ, что были нерѣдки случаи порчи мяса, приготовленнаго докторомъ Шидловскимъ?

Опытъ нынѣшней кампаніи указалъ на то, что вопросъ о довольствіи огромной арміи мясомъ представляется весьма сложнымъ, между тѣмъ моргановскій способъ засолки мяса оказался превосходнымъ; поэтому казалось бы необходимымъ устроить нѣсколько такихъ заводовъ въ мирное время и имѣть запасъ соленаго мяса на случай военныхъ дѣйствій. Эти запасы всегда могутъ освѣжаться войсками и морскими командами, которыя въ плаваніи довольствуются солониной. Кромѣ заводовъ для приготовленія соленаго мяса, обязательно слѣдуетъ устроить рефрежираторы, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ мѣстнаго скота мало и приходится пріобрѣтать его въ отдаленныхъ пунктахъ. Вотъ уже 5 лѣтъ прошло со времени ратификаціи портсмутскаго договора и интересно узнать, что сдѣлало интендантство за это время, чтобы будущая война не застала это вѣдомство врасплохъ.

При сосредоточеніи огромной арміи въ малокультурной и непріязненной странѣ, каковою въ эту кампанію была Манчжурія, организація продовольственной части войскъ составляла вопросъ чрезвычайной важности, который долженъ быть предметомъ особой заботы командующаго арміею.

У насъ многіе удивлялись, почему изъ Россіи отправляется на театръ военныхъ дѣйствій, по Сибирской желѣзной дорогѣ, очень незначи-

тельное количество войскъ, сравнительно съ пропускной способностью дороги, не зная того, что одновременно съ войсками, по той же магистрали, надо было отправлять: повозки, лошадей, огнестрѣльные припасы и продовольствіе, не говоря уже про прочіе воинскіе грузы, какъ напримѣръ: санитарные поѣзда, предметы снаряженія госпиталей и военно-врачебныхъ заведеній, рельсы и подвижной составъ для полевыхъ переносныхъ желѣзныхъ дорогъ въ районѣ расположенія арміи и, сверхъ всего этого, грузы морского вѣдомства. Насколько наша публика даже среди военнаго міра была мало освѣдомлена въ этомъ вопросѣ, приведу примѣръ: въ началѣ іюля мѣсяца полковой адъютантъ одного изъ отправляющихся въ Манчжурію полковъ разсказывалъ моему пріятелю, что полкъ беретъ съ собой довольствія для нижнихъ чиновъ и лошадей на цѣлый мѣсяцъ, чтобы успокоить солдатъ, которымъ злонамѣренные люди говорили, что «тамъ» не столько умираютъ отъ ранъ, какъ отъ голода. Такую нелѣпость могъ сказать только штатскій человѣкъ, а никакъ не полковой адъютантъ, а мой пріятель этому повѣрилъ. Да и какъ было не повѣрить полковому адъютанту, между тѣмъ нелѣпость сказаннаго очевидна: суточная дача, при 3-хъ фунтахъ хлѣба, составляетъ на одинъ полкъ 425 пудовъ, т.-е. на 1 мѣсяцъ 12750 пудовъ, а такъ какъ пароконная повозка для Манчжурской арміи подымала 21 пудъ, то для одного провіанта, безъ фуража, потребно было на одинъ полкъ 655 повозокъ, при 1310 лошадяхъ!

Въ Омскѣ, несмотря на приказъ генерала Сухотина, въ нашемъ эшелонѣ былъ сдѣланъ запасъ сахару, мяса и фуража. Еще когда нашъ эшелонъ прибылъ въ Челябинскъ, намъ былъ предъявленъ приказъ Сухотина о томъ, чтобы всѣ проходящія войска отнюдь не покупали предметовъ довольствія на сторонѣ, но непремѣнно обращались-бы съ требованіями на продовольственные пункты. Этотъ приказъ былъ вызванъ тѣмъ, что нѣкоторые эшелоны (неопытные) обращались съ требованіями на продовольственные пункты, но при пріемѣ отказывались отъ предлагаемыхъ продуктовъ, въ виду ихъ недоброкачественности, а потомъ и всѣ части перестали обращаться на «пункты», составившіе себѣ очень дурную репутацію. Чтобы принудить войска брать на пунктахъ заготовленные продукты и такимъ

образомъ освободить пунктъ отъ недоброкачественной залежи, генералъ Сухотинъ издалъ упомянутый приказъ.

Конечно, лучше было бы повременить съ отдачей такого приказа и предварительно выяснить причину, почему войска такъ избѣгаютъ пунктовъ.

Въ Петропавловскѣ намъ хотѣли всучить гнилое сѣно и тухлое мясо. Мы рѣшительно отказались отъ того и другого, несмотря на приказъ Сухотина. Завѣдующій продовольственнымъ пунктомъ оказался очень настойчивымъ человѣкомъ: намъ на станціи говорили, что уже 4 прошедшихъ предъ нами эшелона отказались отъ этого мяса, а онъ упорно продолжаетъ его настойчиво предлагать вновь прибывающимъ частямъ, ссылаясь на указанный циркуляръ.

Ни врача, ни полиціи, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за доброкачественностью пищевыхъ продуктовъ—не было.

Вѣроятно потомъ уже до Сухотина какъ-нибудь дошли свѣдѣнія о томъ, что «пункты», вмѣсто помощи проходящимъ войскамъ, сбываютъ имъ разную гниль, потому-что, при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи, намъ сообщили о новомъ приказѣ Сухотина, разрѣшающемъ войскамъ пріобрѣтать провіантъ и фуражъ гдѣ угодно. Впрочемъ, позже мы слышали, что это сдѣлано въ виду того, что пункты оказались вообще несостоятельными въ несеніи возложенныхъ на нихъ обязанностей по довольствію проѣзжающихъ войскъ.

Сѣно и овесъ мы покупали чрезъ посредство начальниковъ станцій, которые на этой операціи хорошо заработали. Сильно нажились и нѣкоторые офицеры пограничной стражи на поставкахъ фуража, который они за безцѣнокъ пріобрѣтали у китайцевъ, подвозили къ станціямъ и черезъ посредство начальниковъ станцій ставили проходящимъ эшелонамъ по хорошей цѣнѣ.

По дорогѣ начинаетъ попадаться охрана изъ ополченцевъ. Подходимъ къ грандіозному мосту чрезъ Обь, зорко охраняемому стражей изъ ополченцевъ. Въ Сибири на все другіе масштабы, чѣмъ въ Европейской Россіи. Къ западу отъ Урала многіе не имѣютъ представленія о Сибирскихъ рѣкахъ. Возьмите Обь, при пересѣченіи ея желѣзною дорогою, или Енисей у Красноярска: и та, и другая рѣки

пересѣкаются дорогою въ верхней ихъ части, а между тѣмъ, посмотрите сверху, съ моста, на ихъ величавое теченіе и вамъ поневолѣ бросится въ глаза масса воды, которую онѣ несутъ въ своихъ бурныхъ мутныхъ волнахъ. Полюбуйтесь на мощную ширину этихъ кормильцевъ Сибири и приложите къ нимъ россійскій масштабъ, сравнивъ ихъ съ Волгой въ ея среднемъ теченіи. Пожалуй, сравненіе будетъ не въ пользу матушки-Волги.

На станцію Обь поѣздъ пришелъ вечеромъ. Погода была довольно скверная—дулъ холодный сѣверный вѣтеръ и моросило. Мы всѣ предпочли остаться въ своихъ уютныхъ вагонныхъ каютахъ, къ которымъ мы уже достаточно привыкли за двѣ недѣли сухопутнаго плаванія. Здѣсь мы опять нагнали 3 воинскихъ эшелона, которые, впрочемъ, скоро, одинъ за другимъ, пошли впередъ. Наблюдая въ пути за воинскими поѣздами, я пришелъ къ убѣжденію, что порядокъ въ нихъ зависитъ исключительно отъ того, какъ ведетъ себя командный составъ: тамъ, гдѣ офицеры держатъ себя благопристойно и не пьютъ—и въ эшелонѣ все въ порядкѣ и почти нѣтъ пьяныхъ, а если офицерство распустится, то и нижніе чины, глядя на нихъ, тоже начнутъ безобразничать, но уже такъ, что нужны особыя команды, чтобы ихъ успокоить. Въ одномъ изъ эшелоновъ нашего корпуса г.г. офицеры везли двухъ дѣвицъ, которыя иногда мѣняли свои женскіе костюмы, одѣваясь въ офицерскія рубахи съ погонами и надѣвая офицерскія фуражки, такъ-что, во время стоянокъ, проходившіе нижніе чины должны были отдавать имъ честь и что хуже всего—эти солдаты знали, что они отдаютъ воинскую честь не офицерамъ, а какимъ-то дѣвицамъ. Какое отношеніе эти дѣвицы имѣли къ офицерамъ эшелона—неизвѣстно, но онѣ называли себя: одна—женою офицера, находящагося на войнѣ, а другая—женою дѣлопроизводителя одного изъ полковъ дѣйствующей арміи, но еврейско-польскій акцентъ и слишкомъ развязныя манеры, съ наглой, вызывающей улыбкой, заставляли сомнѣваться въ правдивости ихъ словъ. Въ томъ же эшелонѣ нижніе чины, желая помочь одному бѣдному юношѣ добраться безплатно до Красноярска, помѣстили его въ одномъ изъ вагоновъ, но станціонный жандармъ, узнавъ объ этомъ, потребовалъ высадки юноши, а когда солдаты, отказавъ ему въ этомъ, наградили жандарма

очень нелестными эпитетами—онъ обратился съ жалобой къ начальнику эшелона.

Солдаты не послушали и своего начальника.

— Вы, ваше благородіе, сами двухъ дѣвокъ везете, а намъ не разрѣшаете богоугоднаго дѣла совершить; вѣдь малаго въ дорогѣ обокрали—какъ ему на родину безъ нашей помощи добраться? Мы рѣшили, ваше благородіе, всѣмъ міромъ,—не выдавать его.

На это со стороны офицера посыпался цѣлый рядъ ругательствъ и угрозъ.

Въ отвѣтъ, изъ солдатскаго вагона, послышалась площадная брань по адресу офицера.

Видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, офицеръ обратился за помощью къ охранной стражѣ и послѣ схватки порядокъ былъ водворенъ. О томъ, кто является виновникомъ этой исторіи, не можетъ быть вопроса. Казалось бы, офицеры должны были опомниться и высадить своихъ пассажирокъ, но они, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали путь и только на станціи Обь, когда командиру полка сдѣлалось извѣстнымъ о происшедшемъ, распоряженіемъ его пассажирки были выселены изъ поѣзда. Имъ, однако, удалось устроиться, правда, не такъ весело, но болѣе удобно; въ нихъ принялъ очень большое участіе мѣстный комендантъ станціи. Угостивъ хорошимъ ужиномъ, онъ помѣстилъ ихъ въ очередномъ почтовомъ поѣздѣ, въ которомъ онѣ и поѣхали далѣе, за поисками путевыхъ приключеній.

Комендантъ весь вечеръ былъ очень занятъ этими особами, а на другой день вовсе не показывался на станціи и мы только незадолго до отхода поѣзда совершенно случайно узнали, что при станціи имѣется очень хорошая баня для офицеровъ и нижнихъ чиновъ... Для чего, спрашивается, выстроена эта баня, если проходящіе эшелоны объ этомъ не оповѣщаются? Это совершенно непростительная небрежность. Если почему-либо нельзя указывать въ маршрутахъ эшелоновъ пункты, гдѣ есть бани, то это слѣдуетъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность комендантамъ и начальникамъ станцій. Наученные опытомъ, мы потомъ на всѣхъ большихъ остановкахъ справлялись, нѣтъ ли бань. Между прочимъ, въ Красноярскѣ я обратился съ этимъ вопросомъ къ станціонному жандарму.

Этотъ строгій стражъ общественной безопасности, по привычкѣ, сначала испытующимъ взглядомъ окинулъ меня, а затѣмъ, вытянувшись въ струнку, отвѣтилъ:

— Слыхать, ваше благородіе, слышалъ, что есть казенныя воинскія бани, а о мѣстѣ ихъ пребыванія точно не освѣдомленъ. Извольте пройти на продовольственный пунктъ,—тамъ покажутъ.

Пришлось освѣдомиться на «пунктѣ». Оказалось, что бани находились тутъ же, налицо, но только не имѣли установленнаго вида на жительство, т. е. вывѣски.

Навстрѣчу намъ стали попадаться поѣзда, переполненные ранеными, но, къ сожалѣнію, всегда на разъѣздахъ, во время остановокъ внѣ расписанія, такъ что не удавалось ни съ кѣмъ изъ нихъ поговорить, а нашимъ солдатикамъ такъ хотѣлось поразспросить ихъ о походной и боевой жизни въ незнакомой странѣ.

Наконецъ мы вступили въ царство тайги. Вотъ она, та таинственная тайга, про которую приходилось читать и слышать такъ много интереснаго...

На станціи Тайга нашъ поѣздъ стоялъ 4 часа и мы цѣлой компаніей отправились черезъ полотно дороги въ чащу тайги. На каждомъ шагу встрѣчаются сваленныя вѣтромъ деревья; кустарникъ, чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлается гуще, но благодаря позднему времени года, когда листъ уже облетѣлъ, мы довольно свободно пробираемся сквозь чащу голыхъ стеблей; еще дальше начинается болото. Намъ нѣтъ охоты безъ нужды мочить ноги и вязнуть въ липкой грязи и мы возвращаемся на станцію, тѣмъ болѣе, что начинаетъ темнѣть. Здѣсь сумерки очень непродолжительныя и послѣ дневного свѣта быстро наступаетъ темнота.

Послѣ ужина всѣ расходятся по своимъ каютамъ.

Въ одномъ купэ играютъ въ винтъ по маленькой, на импровизированномъ столикѣ изъ досокъ, который смастерилъ во время похода кто-то изъ денщиковъ; въ другомъ купэ идутъ разсказы изъ полковой жизни, приправляемые остротами и каламбурами, подъ аккомпаниментъ гомерическаго хохота собравшейся публики.

Остальные забрались на свои диваны и либо читаютъ, либо пишутъ письма, либо занимаются канцелярскимъ дѣломъ; въ походѣ прихо-

дится открыть канцелярію и работать такъ же, какъ и на мѣстѣ: пишутся приказы, ведутся денежныя книги и вся отчетность, идетъ подготовительная работа къ прибытію корпуса.

Денщики запаслись кипяткомъ на станціи и хлопочутъ о чаѣ для своихъ господъ. Изъ разныхъ чемоданчиковъ, бауловъ, погребцовъ появляются банки съ вареньемъ, сушеные фрукты, печенье, конфеты и т. п. вкусныя вещи, которыя «близкіе» дали на дорогу. Все это съ удовольствіемъ поглощается всей дорожной компаніей безъ разбора, на коммунистическихъ началахъ. Надо покончить со всѣми деликатесами, пока еще ѣдемъ въ вагонѣ, а тамъ все равно выбросить придется. Одинъ вскрылъ банку сгущеннаго молока, которое понемногу все вылилось на диванъ; такая же участь постигла и другую банку— консервированнаго шоколада. Первый блинъ оказался комомъ. Неудобство этихъ жестянокъ часто ощущалось потомъ на войнѣ, тогда какъ оно весьма легко устранимо, если при жестянкѣ сдѣлать такую же пробку, какъ при флаконахъ масляной краски для живописи. Сначала консервированное молоко, кофе, какао казались намъ довольно вкусными, но, Боже, какъ они надоѣли во время кампаніи— и сейчасъ никакихъ консервовъ въ ротъ не могу взять.

Ночью, при подходѣ къ одной изъ станцій участка Чернорѣченская-Красноярскъ, съ нашимъ поѣздомъ чуть-чуть не случилась катастрофа. Машинистъ, на прямой, замѣтилъ идущій на насъ поѣздъ и сталъ подавать тревожные свистки. Тормоза были пущены въ ходъ. Встрѣчный поѣздъ тоже принялъ всѣ надлежащія мѣры и мы остановились другъ передъ другомъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Встрѣчный поѣздъ, который былъ пущенъ со станціи раньше времени, пошелъ тихимъ ходомъ обратно, и мы, вслѣдъ за нимъ, приползли на станцію. Утромъ тоже было маленькое приключеніе: вторая половина нашего поѣзда заупрямилась и, не захотѣвъ продолжать длиннаго скучнаго пути, остановилась на дорогѣ, а первая половина, оторвавшись, послушно пошла за паровозомъ. Замѣтивъ этотъ маневръ, паровозъ вернулся за своимъ хвостомъ, причемъ въ наказаніе, такъ хватилъ по лбу первый непокорный вагонъ, что всѣ, охъ какъ!.. почувствовали силу наказанія. Про машинистовъ вообще слѣдуетъ сказать, что они совершенно забывали, что везутъ не товаръ, а воинскій поѣздъ

съ живымъ грузомъ; вслѣдствіе этого, не только при остановкахъ и выходахъ со станцій, но и во время самого движенія вагоны получали сильные толчки, такъ что нѣкоторыя лошади падали. Ни угрозы принести жалобу, ни составленіе актовъ не помогали: мы, жалобщики, пройдемъ дальше и можетъ быть никогда не вернемся обратно, а если даже и возвратимся, то кому изъ насъ захочется поднимать старую исторію, о которой на другой же день уже забудешь! За что терпѣли бѣдныя животныя, которымъ и безъ того не легко совершить сорокодневный путь въ тряскомъ товарномъ вагонѣ! Нѣкоторыя изъ нихъ, съ болѣе слабыми ногами падали отъ такихъ толчковъ.

На горизонтѣ, съ правой стороны, начали показываться холмы, отроги Саянскаго горнаго хребта, къ которому мы должны были приближаться. Мѣстность начала становиться болѣе живописною; особенно красивы отдѣльные холмы, покрытые темной зеленью пихты и сосны, на фонѣ которой, мѣстами, вкраплены ярко-желтые и оранжевые мазки разукрашенныхъ осенними колерами лиственныхъ деревъ; мѣстами встрѣчались мазки яркаго кармазиннаго цвѣта, чудно контрастирующаго съ желтыми березками.

Съ утра холодъ и сильный вѣтеръ, который непріятно завываетъ въ вентиляторѣ вагона и реветъ, стараясь пробиться черезъ окно. Поднимаю занавѣску. Небо свинцово-сѣрое, тучи холодныя, зимнія. Посыпалъ мелкій дождь и забарабанилъ частой дробью по стеклу. Не хочется вылѣзать изъ-подъ теплаго одѣяла. Входитъ денщикъ съ кипяткомъ.

— Холодно сегодня?

— Точно такъ, ваше пр—во, страсть, какъ холодно. Вода, сказываютъ, въ кадкахъ на станціи замерзла.

— А тебѣ не холодно было въ вагонѣ?

— Никакъ нѣтъ. Мы спали запершись кругомъ. Народу у насъ въ вагонѣ много, такъ нагрѣли, что лучше и не надо. Вонъ денщикъ Гребенка, такъ и вовсе раздѣвшись спалъ, равно какъ у себя въ избѣ. Прочіе ребята, что при лошадяхъ, тѣ жалуются, что допрежъ было холодно, а потомъ, какъ вынули шинели, и ничего, согрѣлись.

Въ Елизаровѣ не было ничего солдатскаго, ни въ манерахъ, ни въ голосѣ, ни въ фигурѣ. Ему было уже сорокъ лѣтъ, когда его при-

звали изъ запаса, стало быть онъ оставилъ военную службу пятнадцать лѣтъ тому назадъ; за это время онъ успѣлъ жениться, обзавестись пятью дѣтьми и, съ призывомъ на войну, пришлось бросить и семью, и свое незавидное, но собственнымъ пòтомъ нажитое хозяйство и идти драться съ людьми, которыхъ онъ не только не видалъ, но и понятія никакого о нихъ не имѣлъ. Елизаровъ былъ очень доволенъ, когда его забраковали для строя и онъ попалъ въ вѣстовые. Вѣдь вѣстовой въ солдатскомъ быту—это крупная фигура и жизненная обстановка его лучшая, чѣмъ у строевого: онъ и чайку господскаго попьетъ, и трапезу его раздѣлитъ, и копейка лишняя въ карманъ перепадетъ, а въ бояхъ денщикъ все-таки въ сравнительной безопасности.

Поѣздъ подошелъ къ Нижнеудинску.

Хотѣли пройти въ городъ, но оказалось, что отъ желѣзной дороги онъ находится въ трехъ съ половиной верстахъ. Между тѣмъ лилъ дождь и не было ни одного возницы. Мы всѣ собрались въ маленькомъ станціонномъ залѣ и терпѣливо ждали прихода «барышни отъ кіоска», за которой послали сторожа, чтобы достать у нея послѣднія газеты.

Тѣмъ временемъ насъ занималъ разсказами о видѣнномъ и слышанномъ отъ проѣзжающихъ войскъ и раненыхъ очень симпатичный молодой офицеръ, который стремился въ армію изъ запаса, пріобрѣлъ дорогую верховую лошадь и отправилъ ее съ однимъ пріятелемъ въ Манчжурію, надѣясь попасть въ дѣйствующую армію, но не успѣлъ самъ перебраться за Иркутскъ, какъ его назначили сюда, заставивъ служить по передвиженію войскъ.

Станція Зима встрѣтила насъ дѣйствительно по-зимнему: выпалъ снѣгъ и сдѣлалось очень холодно. На послѣднемъ разъѣздѣ передъ Зимой насъ остановили; по справкамъ оказалось, что дежурный паровозъ на этой станціи сошелъ съ рельсовъ и свалился, такъ что движеніе было остановлено на пять часовъ.

На другой день къ вечеру, мы пріѣхали на станцію Иннокентьевскую. Огромная станціонная площадка вся изрѣзана безчисленнымъ множествомъ путей, загроможденныхъ воинскими эшелонами и громадными товарными поѣздами, приготовленными къ отправленію на востокъ.

При станціи выстроено двухъэтажное военное собраніе, гдѣ имѣется столовая, буфетъ и номера. Около помѣщаются: продовольственный пунктъ, чайная для нижнихъ чиновъ и баня. Иркутскъ лежитъ въ шести верстахъ отъ Иннокентьевской и въ городъ можно попасть только по желѣзной дорогѣ. Отъ жел.-дорож. станціи путь въ городъ лежитъ черезъ рѣку Ангару, по очень неказистому плашкоутному мосту. Но зато что за красавица эта рѣка! Широкая, прозрачная и замѣчательно быстрая, она никогда не замерзаетъ, даже въ лютые морозы, да и лѣтомъ она немного теплѣе, чѣмъ зимою: въ Иркутскѣ нѣтъ ни одной купальни на Ангарѣ; говорятъ, никто не можетъ купаться въ этой холодной и быстрой рѣкѣ. Городъ самъ по себѣ очень богатый, но не имѣетъ ни мощеныхъ улицъ, ни порядочнаго освѣщенія; исключеніе составляетъ Большая улица—это Невскій проспектъ Иркутска, на которой находятся всѣ лучшіе магазины и рестораны. Рабочія руки очень дороги; цѣны на предметы первой необходимости все растутъ, поэтому жизнь въ Иркутскѣ дѣлается не подъ силу бѣдному люду, несмотря на очень высокую заработную плату. Иркутскъ послѣдній большой русскій городъ, гдѣ военные могли купить то, что они не успѣли или не могли пріобрѣсти до выступленія въ походъ, поэтому всѣ военные обыкновенно отправлялись съ Иннокентьевской въ Иркутскъ и уже здѣсь на станціи ожидали свои эшелоны. Можно себѣ представить, какое сборище было на станціи, которая не въ состояніи помѣстить даже половины публики,—настолько она мала. Совершенно непонятно, почему при такомъ большомъ городѣ, какъ Иркутскъ, построена станція чуть ли не четвертаго разряда.

Къ вечеру на станціи показались сестры милосердія Евгеньевской общины, отправляющіяся въ Никольскъ-Уссурійскій въ качествѣ резерва для замѣны заболѣвшихъ и выбывшихъ. Всего ѣхало сорокъ сестеръ при уполномоченномъ, помощникѣ его и нѣсколькихъ санитарахъ. Какъ просто и вмѣстѣ съ какимъ достоинствомъ держали себя сестры; тѣ нѣсколько плоскія шутки, которыя были сказаны на ихъ счетъ вслухъ, прошли незамѣченными, а говорившіе сами сконфузились.

Пришла группа артиллеристовъ, оставшихся ждать прибытія своего эшелона изъ Иннокентьевской. Это были офицеры нашего

корпуса и я очень обрадовался, что могу провести нѣсколько часовъ въ ихъ обществѣ. Я позабылъ упомянуть, что мой эшелонъ уже ушелъ и я рѣшилъ ѣхать съ первымъ отходящимъ поѣздомъ, на которомъ отправлялись и сестры Евгеньевской общины, воинскій же эшелонъ артиллеріи долженъ былъ выѣхать подъ вечеръ слѣдующаго дня.

Одинъ изъ артиллеристовъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, какъ одинъ начальникъ станціи хотѣлъ попользоваться за счетъ ихъ эшелона, но осѣкся, и вѣроятно ему непоздоровилось. Дѣло въ томъ, что батарея купила на станціи сѣно и погрузила въ свой фуражный вагонъ; послѣ того начальникъ станціи заявилъ, что вмѣстѣ съ купленнымъ захвачено у него еще до пятнадцати-двадцати возовъ, за которые онъ потребовалъ уплаты тридцать восемь рублей. Начальникъ эшелона произвелъ въ присутствіи начальника станціи и жандарма перевѣску купленнаго сѣна и полученный вѣсъ совершенно соотвѣтствовалъ купленному. Тогда начальникъ эшелона составилъ объ этомъ актъ и представилъ по начальству. Не знаю, какъ посмотрѣло желѣзнодорожное начальство на такую милую шутку со стороны начальника станціи, но для примѣра прочимъ, съ нимъ надо было бы поступить по всей строгости закона, чтобы другимъ неповадно было.

Утромъ рано подали поѣздъ и я занялъ мѣсто въ отдѣленіи уполномоченныхъ.

Отъ Иркутска поѣздъ почти все время идетъ по берегу Ангары. Затѣйливо извиваясь по долинѣ, она то приближается къ самому полотну дороги, то убѣгаетъ, разбиваясь на рукава, омывающіе маленькіе островки. Вода такъ чиста, прозрачна, что изъ оконъ вагона отлично видно дно рѣки, по которому тутъ и тамъ сверкаютъ серебряныя раковины. Горы съ южной стороны все болѣе и болѣе надвигаются на полотно. Еще одинъ поворотъ поѣзда и предъ нами открылся видъ на Байкалъ. На вокзалѣ встрѣчаю министра путей сообщенія кн. Хилкова. Въ простой австрійской курткѣ и форменной фуражкѣ, князь спѣшитъ куда то, окруженный нѣсколькими инженерами. Вездѣ виденъ его глазъ, чувствуется его присутствіе; своей замѣчательной энергіей онъ заразилъ всѣхъ окружающихъ и его ближайшіе сотрудники доказали, чего можно достичь постояннымъ и упорнымъ трудомъ. Предполагали сначала, что по Сибирской магистрали

едва можно будетъ пропускать пять паръ поѣздовъ, а въ дѣйствительности пускали ежедневно около восемнадцати паръ. Скромный труженикъ, какимъ я его зналъ со времени постройки Закаспійской желѣзной дороги, князь Хилковъ сдѣлалъ огромное дѣло такъ же тихо, спокойно, безъ эффекта, какъ всегда—и скромно стушевался. Только теперь вполнѣ можно оцѣнить громадную важность труда князя Хилкова и ближайшихъ его сотрудниковъ, по приведеніи великаго сибирскаго пути къ такой пропускной способности, какъ восемнадцать паръ поѣздовъ въ сутки.

Началась обычная среди пассажировъ сутолока. Бросились разыскивать носильщиковъ. У каждаго, вслѣдствіе дальности пути, съ собой въ вагонѣ куча ручного багажа. Шумъ, гамъ, крики висятъ въ воздухѣ. И все понапрасну: на пароходъ никого не пускаютъ иначе, какъ послѣ перваго свистка, чтобы матросы успѣли во-время все вымыть и привести пароходъ въ порядокъ. Въ дѣйствіяхъ коменданта станціи и всей желѣзно-дорожной администраціи видно невозмутимое спокойствіе; каждый знаетъ свое дѣло и методично выполняетъ его. Задержанные на пароходной пристани пассажиры располагаются со своимъ багажемъ на пристани; нѣкоторые идутъ обратно на желѣзнодорожную станцію, чтобы пообѣдать. Перевозка пассажировъ чрезъ Байкалъ производилась на пароходѣ «Ангара», имѣющемъ три класса, каюты для пассажировъ I и II классовъ и каютъ-компанію. «Ангара» только что пришла, съ опозданіемъ на нѣсколько часовъ, по случаю вѣтра на озерѣ.

Этотъ же пароходъ привезъ транспортъ раненыхъ, принятыхъ имъ на той сторонѣ изъ санитарнаго сибирскаго поѣзда. Всего сдано двѣсти сорокъ человѣкъ, изъ которыхъ около тридцати не раненыхъ, но больныхъ, которымъ необходимо леченіе при особыхъ условіяхъ. Это былъ тотъ самый санитарный поѣздъ, который подъ Дашичао вывезъ послѣдній транспортъ раненыхъ за полчаса до занятія станціи японцами. Поѣздъ разсчитанъ всего на двѣсти пятнадцать человѣкъ, но въ Дашичао помѣщено было въ вагоны четыреста человѣкъ. Раненые лежали всюду, гдѣ только можно было; не говоря уже про то, что весь служебный персоналъ отказался отъ своихъ мѣстъ, раненые лежали на полу, между сидѣньями и койками и всѣмъ была своевре-

менно оказана первая медицинская помощь. Раненыхъ перенесли черезъ пристань на ожидавшій ихъ поѣздъ, который былъ для этого поданъ къ самой пристани, а по окончаніи перегрузки поѣздъ безъ замедленія оттянули къ станціи и отправили тотчасъ же далѣе, на западъ.

Раздался пароходный свистокъ и вся публика хлынула на пароходъ, спѣша занять скорѣе мѣста. Излишняя поспѣшность. Пароходъ разсчитанъ по числу мѣстъ настолько, что можетъ помѣстить свободно всѣхъ пассажировъ двухъ поѣздовъ. Несмотря на холодъ, пассажиры I и II классовъ высыпали на верхнюю площадку, чтобы полюбоваться открывшимся видомъ. И дѣйствительно, было на что полюбоваться. Видъ на Байкалъ и окружающія его горы былъ дивно хорошъ. Успокоившись послѣ утренняго вѣтра, слегка волнующаяся поверхность величаваго Байкала сверкала миріадами блестокъ; огромное водное пространство замыкалось прямо передъ нами сплошною стѣною горъ. Казалось, что горы находятся отъ насъ не далѣе двадцати, двадцати пяти верстъ, но въ дѣйствительности разстояніе до того берега около ста верстъ,—такъ обманчиво разстояніе на водѣ.

Верхняя часть горъ была освѣщена яркимъ солнцемъ, а нижняя оставалась въ тѣни. Сами по себѣ бѣлыя вершины сдѣлались еще бѣлѣе отъ только что выпавшаго снѣга и очень напоминали величественный видъ цѣпи снѣжныхъ горъ Кавказа, который изрѣдка удается видѣть въ ясный солнечный день съ вершины знакомаго всѣмъ туристамъ Бермамута.

Солнце начало быстро садиться.

Низъ горъ принялъ темно-синій оттѣнокъ, а верхняя часть точно покрылась легкой свѣтло-розовой прозрачной пеленой. Очертанія горъ рѣзко обрисовались на свѣтло-палевомъ фонѣ неба, перешедшемъ выше въ чудный розовый цвѣтъ, окрасившій половину небосвода. Скоро солнце спряталось и на чистомъ небѣ засвѣтила луна, осеребривъ широкую полосу легкой ряби величаваго озера. Только холодъ заставилъ уйти въ каютъ-компанію,—не хотѣлось оторваться отъ чуднаго вида моря-озера, освѣщеннаго фантастическимъ свѣтомъ луны.

Наконецъ показались яркія точки освѣщенной пристани: пароходъ подходилъ къ тому берегу. Снова суетня, крики, иногда руга-

тельства. Всѣ пассажиры бросаются къ вагонамъ, чтобы успѣть занять мѣста. Но и здѣсь желѣзнодорожные агенты спокойно усаживаютъ пассажировъ, предоставляя первыя мѣста лицамъ, отправляющимся въ дѣйствующую армію и задерживая неспокойныхъ, а иногда и буйныхъ пассажировъ до слѣдующаго поѣзда. Каждый торопится, у каждаго есть свое дѣло, но никто не хочетъ знать, что нужды арміи должны быть на первомъ планѣ. При мнѣ какой-то пассажиръ очень внушительныхъ размѣровъ подошелъ къ начальнику станціи и заявилъ ему, что если онъ не распорядится отвести ему мѣсто, то будетъ выброшенъ въ Байкалъ. Начальникъ станціи хладнокровно отвѣтилъ, что сейчасъ придетъ къ нему съ жандармомъ и тогда отвѣтитъ на его грубое требованіе; пассажиръ сейчасъ же стушевался.

Для сестеръ милосердія было отведено два вагона, но въ одномъ изъ нихъ какой-то старецъ съ женою и ребенкомъ помѣстился раньше и ни за что не хотѣлъ выходить изъ занятаго имъ отдѣленія подъ тѣмъ предлогомъ, что его жена только что вынесла серьезную операцію. Сестры рѣшили, насколько возможно, потѣсниться ради больной женщины, тѣмъ болѣе, что старецъ обѣщалъ въ Верхнеудинскѣ освободить помѣщеніе. Обѣщаніе это однако осталось только на словахъ и когда въ Верхнеудинскѣ старца попросили выйти изъ вагона, онъ категорически отказался уйти. Зато и отплатилъ же онъ сестрамъ за ихъ снисходительность: онъ распустилъ по поѣзду слухъ, что сестры держали себя ночью настолько неприлично съ бывшими тамъ мужчинами, что мѣшали ему и женѣ спать. Вотъ какъ сочиняются и распускаются слухи. Между прочимъ, одинъ изъ находившихся въ поѣздѣ врачей Краснаго Креста, не провѣривъ насколько основателенъ пущенный слухъ, позволилъ себѣ сдѣлать одной изъ сестеръ замѣчаніе по поводу неприличнаго ихъ поведенія. И вотъ мало того, что слухъ распущенъ, есть и свидѣтели, въ родѣ упоминаемаго врача, которые, какъ очевидцы, будутъ подтверждать справедливость слуховъ... У насъ по большей части всегда въ каждой сплетнѣ есть такіе очевидцы.

Въ результатѣ, какъ выяснилось потомъ, старецъ всѣхъ надулъ: отдѣленіе I класса ему нужно было для декорума, ибо оказалось, что онъ завлекалъ къ себѣ пижоновъ, ѣдущихъ на войну и обыгры-

валъ въ азартныя игры, а его компаньонка, (но не жена) ему помогала, спаивая молодыхъ барашковъ, попадавшихъ въ руки этой четѣ.

Вотъ и городъ Чита, съ именемъ котораго связано столько воспоминаній о декабристахъ! Городъ находится въ четырехъ верстахъ отъ товарной станціи, гдѣ нѣтъ ни одного извозчика; мѣстное населеніе для сообщенія съ городомъ пользуется «ученическими» поѣздами, отправляющимися каждые два часа. Главная улица Амурская. Цѣны на предметы первой необходимости страшно поднялись. Такъ, напримѣръ, фунтъ сахара сорокъ копеекъ, фунтъ керосина пятьдесятъ копеекъ, стеариновыя свѣчи по сорокъ пять копеекъ, сѣно едва можно было достать по рублю тридцати копеекъ за пудъ, а овесъ стоилъ по полтора рубля за пудъ.

Хотя главной причиной вздорожанія было отсутствіе подвоза въ виду усиленнаго воинскаго движенія, тѣмъ не менѣе мѣстные купцы очень этимъ злоупотребляли. Одинъ коммерсантъ, ѣхавшій съ женою изъ Иркутска, очень развязно объяснялъ пассажирамъ, что гг. офицеры такъ много получаютъ денегъ во время войны, что съ нихъ не грѣхъ и взять побольше. Единственно, что пока держалось безъ повышенія, это цѣна на мясо.

Въ Читѣ былъ военный клубъ и общественное собраніе, почти никѣмъ не посѣщаемые, такъ что безъ ущерба для военнаго общества ихъ клубъ временно переходилъ въ распоряженіе Краснаго Креста. При самомъ въѣздѣ въ городъ виднѣется православный соборъ, но безъ креста на главномъ куполѣ. Можетъ быть не хватило денегъ на крестъ надлежащихъ размѣровъ, или зодчій не сумѣлъ опредѣлить по проэкту размѣръ креста—неизвѣстно, но соборъ производитъ такое впечатлѣніе, будто крестъ снятъ для починки или соборъ еще не оконченъ постройкой. Желѣзнодорожный вокзалъ настолько миніатюренъ по размѣрамъ, что въ немъ нѣтъ даже мужской уборной. Отъ Читы дорога замѣтно подымается по склону хребта, а между Адріановской и Сѣдловой подъемъ уже такъ великъ, что поѣздъ идетъ шагомъ. Дорога дѣлаетъ удивительные зигзаги, подымаясь все время кверху и не продвигаясь впередъ ни на шагъ, такъ что черезъ полчаса движенія, внизу подъ нами, виднѣются тѣ зигзаги, по которымъ мы

проходили раньше, совершенно такъ, какъ при подъемѣ къ Байдарскимъ воротамъ по крымскому шоссе.

Отъ станціи Бурятской дорога идетъ значительнымъ уклономъ, такъ что приходится нерѣдко пускать въ ходъ всѣ тормоза.

На станціи Харноръ намъ пришлось дѣлать большую остановку. Одновременно съ нами на Харнорѣ собралось пять воинскихъ эшелоновъ. Ужасно досадно стоять столько времени на одномъ мѣстѣ, чувствуя, что тамъ, около Мукдена, каждый солдатъ на счету и что тамъ съ нетерпѣніемъ ждутъ подкрѣпленій съ сѣвера. Скоро уже и станція Мацѣевская, пройдя которую мы вступимъ въ предѣлы Манчжуріи. Странно подумать, что какихъ-нибудь десять—пятнадцать лѣтъ эта страна совершенно никого изъ насъ не интересовала и никому изъ русскихъ не было никакого дѣла ни до китайцевъ, ни до корейцевъ, а тѣмъ болѣе до японцевъ. Но вдругъ явился такой моментъ, когда Манчжурія сдѣлалась намъ дорогой, нашей, частью нашего государства, и мы идемъ проливать свою кровь въ борьбѣ съ чуждымъ намъ народомъ за этотъ клочекъ земли, на который предъявилъ претензію нашъ дальній сосѣдъ. У насъ, среди идущихъ въ армію эшелоновъ, прошелъ слухъ, что въ числѣ наступавшихъ на Лаоянъ японцевъ находилось очень много хунхузовъ и регулярныхъ китайскихъ войскъ, а также были и корейцы, такъ что вся армія японцевъ насчитывала въ своемъ распоряженіи около шестисотъ тысячъ человѣкъ. Силы для борьбы были очевидно неравныя.

Послѣ постоянныхъ задержекъ на разъѣздахъ и продолжительной стоянки у семафора, насъ привезли наконецъ на станцію Манчжурія. Мы фактически находимся въ чужой и далеко не дружелюбной странѣ! Всѣ пути заняты громадными воинскими поѣздами, въ перемежку съ возвращающимся обратно порожнимъ подвижнымъ составомъ; на нѣкоторыхъ путяхъ виднѣются санитарные поѣзда.

Къ моему удивленію, кромѣ военныхъ, на станціи находилось нѣсколько дамъ, ѣхавшихъ къ своимъ мужьямъ и пять-шесть штатскихъ. Эти пассажиры уже нѣсколько дней сидѣли на станціи и ждали возможности прицѣпиться къ какому-нибудь воинскому эшелону. Отъ станціи Манчжурія пассажирскіе поѣзда не ходятъ, и тѣ немногіе пассажиры, которые попали въ этотъ пунктъ, должны были

придумывать различные способы, чтобы какъ-нибудь приткнуться къ какому-нибудь воинскому эшелону или обратному санитарному поѣзду.

На меня очень тяжелое впечатлѣніе произвелъ случай самоубійства одного солдата на глазахъ всѣхъ бывшихъ на станціи. Въ то время, когда очень медленно, еле ворочая колесами, къ платформѣ подходилъ воинскій эшелонъ, какой-то солдатикъ спрыгнулъ съ платформы и бросился между колесъ проходившаго вагона. Это сдѣлано было такъ быстро и неожиданно, что всѣ растерялись, хотя двѣ-три секунды онъ лежалъ на рельсахъ, пока не подкатилась пара колесъ, которая и гильотинировала его. Однополчане его говорили, что въ пути съ нимъ «что-то стряслось»: онъ дичился всѣхъ и проводилъ время въ углу вагона, разговаривая самъ съ собою. Очевидно, это былъ психически больной.

Около станціи образовался поселокъ изъ русскихъ и китайцевъ, которые отлично уживаются другъ съ другомъ. Въ поселкѣ были двѣ бани и я долженъ былъ болѣе двухъ часовъ терпѣливо дожидаться очереди, чтобы воспользоваться этимъ благомъ. Въ походѣ баня имѣетъ весьма важное значеніе и многіе солдаты, не имѣя возможности помыться въ банѣ, во время стоянокъ днемъ, отходили въ сторонку отъ поѣзда и, съ помощью двухъ ведеръ воды, устраивали импровизированную баню на чистомъ воздухѣ; нѣкоторые ухитрялись въ это время вымыть и даже высушить свое бѣлье.

На другой день утромъ, пересѣвъ въ удобный огромный пульмановскій вагонъ Китайской желѣзной дороги, мы тронулись въ дальнѣйшій путь. Началась безконечная степь, на которой съ обѣихъ сторонъ дороги идетъ рядъ невысокихъ холмовъ, покрытыхъ жесткой травой, въ родѣ нашей осоки. И нигдѣ ни малѣйшаго кустика, указывающаго на близкое присутствіе деревьевъ.

По распоряженію властей на каждой станціи долженъ быть кипятокъ для воинскихъ эшелоновъ и для этой цѣли на станціяхъ были устроены очаги съ огромными котлами. Кто не ѣздилъ съ воинскими эшелонами, да еще въ холодное время, тотъ не можетъ понять, насколько драгоцѣненъ для войскъ кипятокъ въ пути.

Пріѣзжаемъ на станцію Маньдухэ. Солдаты повыскакали изъ вагоновъ съ чайниками и побѣжали къ сарайчику съ знакомой имъ над-

писью: «кипятокъ безплатно». Но каково было ихъ разочарованіе, когда котелъ оказался совсѣмъ холоднымъ и дрова очевидно только-что подожженными. Ѣхавшій съ нами генералъ потребовалъ къ себѣ начальника станціи.

— Отчего у васъ нѣтъ на станціи кипятку?

— Только что, ваше превосходительство, передъ вами прошелъ воинскій эшелонъ, который забралъ всю воду.

Такъ какъ въ сарайчикѣ помѣщаются два котла и очень большихъ размѣровъ, настолько, что каждый можетъ дать кипятку на цѣлый эшелонъ людей, между тѣмъ оба котла были совершенно холодные и было явно, что начальникъ станціи говорилъ ложь, то генералъ Я. послалъ управляющему дорогою жалобу на начальника станціи.

Изъ разговоровъ съ станціоннымъ жандармомъ выяснилось, что недостатокъ кипятку на этой станціи составляетъ явленіе хроническое и всѣ проходящіе эшелоны заявляютъ о томъ претензіи. Узнавъ объ этомъ, генералъ Я. рѣшилъ послать управляющему дорогою вторую телеграмму, сообщивъ въ ней слышанное отъ жандарма, но каково же было его удивленіе, когда телеграфистъ заявилъ ему, что безплатной телеграммы принять не можетъ, хотя бы и по военнымъ обстоятельствамъ.

— Почему же у меня приняли $^1/_4$ часа назадъ такую же телеграмму безплатно?

— Вотъ, ваше превосходительство, ваша телеграмма. Я сказалъ начальнику станціи, что не могу ее принять безплатно.

Генералу не оставалось сдѣлать ничего другого, какъ послать управляющему дорогою телеграмму на свой счетъ.

Я нарочно остановился на этомъ эпизодѣ, чтобы указать, какъ начальники станцій заботились о проходящихъ войскахъ. И хуже всего то, что жалобы военнаго начальства только «принимались» начальникомъ станцій, но «не отправлялись по назначенію». Я увѣренъ, что платная телеграмма генерала Я. не была отправлена, такъ какъ начальникъ станціи былъ увѣренъ въ томъ, что генералъ Я. не будетъ въ Харбинѣ справляться у управляющаго дорогою, получилъ-ли онъ его жалобную телеграмму.

Ѣдемъ скучнѣйшею степью. Опять приходится подолгу стоять на разъѣздахъ и маленькихъ станціяхъ, пропуская обратные поѣзда и дожидаясь «пути» отъ впереди лежащихъ станцій.

За станціею Хинганъ входимъ въ туннель длиною въ 1,410 саженъ, освѣщенный внутри электрическими лампочками, которыя нанизаны на стѣнахъ туннеля по низу. Свѣтъ лампочекъ слишкомъ слабъ и мы безпрестанно погружаемся въ темноту. Мѣстами выступающіе изъ стѣнъ камни свода подходятъ такъ близко къ окну, что, если немного высунуться изъ окна, можно оторвать голову. Поѣздъ идетъ томительно медленно.

Почти чрезъ полчаса тихаго хода въ туннелѣ гигантскій паровозъ вынесъ нашъ поѣздъ изъ подземнаго коридора. Мы подходили къ «петлѣ». При выходѣ изъ туннеля желѣзнодорожная линія образуетъ полный замкнутый кругъ, все время идя по едва замѣтному уклону, и, замкнувши кругъ, проходитъ подъ полотномъ только-что пройденнаго пути чрезъ небольшой туннель, опускаясь на всемъ протяженіи петли на $1^1/_2$—2 сажени. Туннель охраняется съ обѣихъ сторонъ стражею; построены небольшія укрѣпленія, въ которыхъ стоятъ орудія. Отсюда начинаютъ встрѣчаться китайскія деревушки и начинается культурная полоса.

Не доѣзжая Цицикара, поѣздъ медленно вползаетъ на желѣзный мостъ чрезъ рѣку Нонну, протяженіемъ въ 300 саженъ. Этотъ мостъ также бдительно охраняется стражей. По обоимъ его концамъ выстроены небольшіе форты съ блиндированными помѣщеніями для солдатъ. На фортахъ стоятъ орудія, всегда готовыя встрѣтить желѣзнымъ дождемъ дерзкія шайки хунхузовъ, посягающихъ на цѣлость моста. Въ огражденіе разрушенія отъ плавучихъ минъ поперекъ рѣки положены боны.

Предъ входомъ на мостъ насъ задержали у семафора. Надо удивляться остротѣ зрѣнія машиниста, сумѣвшаго замѣтить крохотный огонекъ семафора; сторожъ при мнѣ вынулъ изъ семафора лампу, у которой все стекло было черно отъ копоти.

— Я, баринъ, совсѣмъ измаялся, прочищая стекло для каждаго поѣзда. Въ лампѣ должна быть шайбочка, а ея, вишь, нѣту; она и коптитъ, такъ что огня вовсе не видать съ путей.

— Отчего же ты не скажешь начальству?

— Сколько разъ докладалъ, да не любятъ начальственныя лица, чтобы ихъ по пустякамъ тревожили.

Я невольно подумалъ: «Великъ Богъ земли русской». Изъ-за недостающей шайбочки лампа семафора можетъ такъ закоптиться, что машинистъ не увидитъ, что путь занятъ—и въ результатѣ крушеніе, порча моста и остановка въ движеніи всѣхъ войскъ.

На станціи Сяохяоцзы насъ продержали цѣлый день.

Около поѣзда, противъ станціи, помѣщается рота охранной стражи, пріютившаяся въ мазанкахъ и вросшихъ въ землю шалашахъ изъ старыхъ шпалъ. Двѣ женщины въ русскихъ костюмахъ стирали бѣлье; около нихъ маленькая дѣвчурка возилась съ собакой; тутъ же лежала корова, а рядомъ съ ней нѣсколько овецъ. Я залюбовался на картину русской сельской жизни, напоминавшей мнѣ далекую родину.

Утромъ мы пришли на одинъ вновь открытый разъѣздъ: зданіе для служащихъ стоитъ въ степи и на 15 верстъ кругомъ нѣтъ никакого жилья. На разъѣздѣ живетъ пять служащихъ и больше никого. Нельзя сказать, чтобы жизнь ихъ отличалась разнообразіемъ. Единственное развлеченіе—это прибытіе воинскаго поѣзда.

Вотъ уже третій день, какъ мы пьемъ воду, напоминающую, по виду, разбавленное молоко: это вода съ сильнымъ растворомъ соды.

Отъ брошеннаго въ нее кусочка лимонной кислоты она шипитъ, какъ настоящая содовая вода, и послѣ того принимаетъ прозрачный видъ. Солдатики, узнавъ объ этомъ, сейчасъ же принялись въ этой водѣ мыть свое бѣлье и вскорѣ всѣ вагоны разукрасились цвѣтными рубахами, провѣшанными для просушки. Солнце свѣтитъ ослѣпительно; даже на тѣневой сторонѣ больно смотрѣть. Въ это время года въ Манчжуріи температура подвергается очень сильнымъ колебаніямъ: на солнцѣ бываетъ до 30° и въ то же время въ тѣни 8—10°, а когда солнце заходитъ, эта разница дѣлается особенно ощутительной. Ночью температура падаетъ ниже 0.

Около 10 часовъ вечера показались огни Харбина. Небольшая остановка, а затѣмъ мы медленно входимъ на Сунгарскій мостъ, тщательно охраняемый цѣпью часовыхъ и укрѣпленіями по обѣимъ концамъ. Наконецъ-то мы прибыли въ Харбинъ.

Приходилось вѣрить на-слово мѣстнымъ аборигенамъ, что Харбинъ чрезъ нѣсколько лѣтъ превратится въ европейскій городъ, но наружный его видъ этого не обѣщалъ. Я былъ въ сухое время года и видѣлъ улицы, по которымъ невозможно проѣхать безъ риска застрять въ густой грязи, доходящей до ступицъ экипажа. Говорятъ, въ дождливое время нерѣдко можно видѣть брошенныя на улицахъ арбы, застрявшія въ грязи. Цѣны на все были подняты ужасно. Каждый торговецъ пользовался случаемъ и сбывалъ гнилой и залежавшійся товаръ по огромной цѣнѣ. Видишь это и все-таки покупаешь въ силу необходимости. Около станціи для военныхъ была баня, подъ названіемъ «Царская», но почему-то всѣмъ офицерамъ говорили на станціи, что она закрыта, и мы должны были направиться въ частныя бани, дожидаясь тамъ по 2—3 часа очереди, между тѣмъ царская баня топилась, а завѣдующій ею офицеръ удивлялся, почему никто изъ военныхъ не пользуется ею.

Послѣ непродолжительной стоянки въ Харбинѣ, мы двинулись далѣе на югъ.

Отъ Харбина охрана желѣзной дороги усилена; каждая команда охранной стражи помѣщается въ каменныхъ зданіяхъ, окруженныхъ высокою каменною стѣною, съ амбразурами для стрѣльбы изъ ружей и съ круглыми башнями по угламъ. Эти маленькія укрѣпленія очень напоминаютъ наши старинныя крѣпости, въ которыхъ сидѣли воеводы и отстрѣливались отъ враговъ изъ луковъ и пищалей.

Переѣзжаемъ рѣку Итун-хэ по большому металлическому мосту, также охраняемому бдительной стражей, скрытой въ небольшихъ укрѣпленіяхъ по обоимъ концамъ. Кромѣ того, какъ и при всѣхъ другихъ мостахъ, на рѣкѣ имѣются дежурныя лодки и катера. Достаточно 2—3 минутъ, чтобы вся команда охраны была на коняхъ въ сборномъ пунктѣ, готовая отразить нападеніе хунхузовъ или пуститься въ погоню за шайкой, напавшей на мирныхъ китайцевъ. Я очень заинтересовался отношеніями къ намъ китайцевъ, находящихся на службѣ на желѣзной дорогѣ. По общему отзыву, лучшихъ служащихъ трудно сыскать: трудолюбивы, мало требовательны, исполнительны и по собачьи привязаны къ тѣмъ, кто хорошо къ нимъ относится. Пришлось разговориться съ однимъ образованнымъ

китайцемъ южнаго Китая, хорошо говорящимъ по-русски, объ отношеніяхъ Китая къ русско-японской войнѣ вообще и въ частности къ русскимъ. Передаю его отвѣтъ въ подлинникѣ:

— «Зарѣжьте меня, если Китай возстанетъ противъ русскихъ. «Генералъ Ма своими войсками охраняетъ Китай и отъ русскихъ, «и отъ японцевъ. Генералъ Ма думаетъ: пускай русскіе дерутся «съ японцами изъ-за Манчжуріи и кто изъ нихъ побѣдитъ, тотъ пусть «ее и беретъ, а въ Китай никого не пущу. Пускай Ма поступаетъ «такъ. Когда окончится ваша война, въ Китаѣ будетъ много перемѣнъ. «Мы, южно-китайцы, видимъ, что настало для насъ время реформы и мы «будемъ ихъ требовать. Теперь надо подождать, когда наступитъ миръ».

Этотъ китаецъ, по своему, довольно вѣрно опредѣлилъ политическое положеніе Китая, которое онъ занялъ по отношенію къ русско-японской войнѣ.

За рѣчкой Итун-хэ, на чрезвычайно живописномъ высокомъ мѣстѣ, расположилась красивая китайская деревня, гдѣ пріютился нашъ Красный Крестъ. Мѣсто выбрано превосходно. Кажется, въ этомъ мѣстѣ расположился одинъ изъ земскихъ отрядовъ и въ этомъ пунктѣ предполагалось устроить госпиталь для легочныхъ больныхъ и раненыхъ.

Въ нашемъ эшелонѣ помѣстился одинъ студентъ изъ отряда, который работалъ подъ огнемъ японцевъ, обстрѣливавшихъ Красный Крестъ, при отступленіи подъ Дашичао.

Большая часть пораненій, разсказывалъ онъ намъ, —головныя раны; это, значитъ, часть попала подъ огневой смерчъ шрапнелей, разрывающихся въ воздухѣ и осыпающихъ людей сверху градомъ пуль и осколковъ или же эти раненые попали подъ бризантные снаряды, начиненные лидитомъ. Разрушительная сила заряда страшная и снарядъ разрывается на мельчайшіе осколки, дающіе очень сильныя пораненія. Между прочимъ, студентъ разсказалъ намъ про трогательную смерть одного забайкальскаго казака. Когда его минуты были сочтены и онъ корчился отъ страшныхъ болей, студентъ наклонился къ нему, спрашивая, не нужно ли что-нибудь сообщить его роднымъ.

— Моя винтовка, ваше благородіе, лежитъ въ складѣ, прикажите сдать въ команду... И съ этими словами бѣдняга умеръ.

Предъ смертью этотъ, никому невѣдомый герой вспомнилъ, что казенная винтовка, которая составляетъ для солдата святыню, можетъ пропасть, и въ послѣднія минуты жизни, онъ, забывая о своихъ родныхъ, близкихъ, заботится, чтобы винтовка не пропала. Такъ умирать можетъ только русскій солдатъ!

Одинъ солдатикъ, съ раздробленной ступней, ни за что не хотѣлъ лечь на носилки.

— Самъ, ваше благородіе, дойду. Пущай берутъ на носилки тяжко раненыхъ.

Только подъ угрозой, что его не примутъ въ госпиталь, онъ согласился лечь, а чрезъ $^1/_2$ часа ему отняли ступню, потому что у него началась гангрена.

Характерное проявленіе дисциплины, на почвѣ самоуправленія, замѣчается въ госпиталяхъ и лазаретахъ. Въ каждой палатѣ на 20—25 человѣкъ раненые непремѣнно сами, по собственному почину, избираютъ изъ своей среды старшаго, который слѣдитъ за порядкомъ и помогаетъ врачебному персоналу.

При большомъ скопленіи раненыхъ, когда не хватаетъ служителей, сами раненые предлагаютъ свои услуги по разноскѣ пищи и другимъ работамъ.

Тотъ же студентъ разсказывалъ, что въ Харбинѣ, когда привозили транспорты раненыхъ и врачи съ сестрами милосердія не успѣвали дѣлать перевязки, на станцію являлись добровольцами проживающія въ городѣ дамы и служебный народъ, и врачи съ благодарностью принимали ихъ помощь при перевязкахъ, хотя онѣ никакихъ курсовъ не проходили. А между тѣмъ сколькимъ желающимъ ѣхать въ качествѣ сестеръ милосердія было отказано, несмотря на то, что эти лица имѣли достаточную подготовку!

Ѣдемъ къ югу сравнительно быстро, безъ задержекъ.

Поѣздъ подходитъ къ станціи Гунджулинъ. Наканунѣ хунхузы убили сторожа на послѣднемъ разъѣздѣ и начали разбрасывать рельсы, но къ счастью не успѣли взорвать путь; отрядъ охранной стражи во время прибылъ на мѣсто, гдѣ найдено было нѣсколько шашекъ. Отрядъ бросился въ погоню за хунхузами, но ночью было получено на постъ донесеніе, что онъ окруженъ шайкой

въ 600 человѣкъ, вооруженныхъ винтовками, и проситъ помощи. Тотчасъ же на выручку была послана сотня съ двумя орудіями. Хунхузы вооружены винтовками Винчестера, Маузера и японскими. Были случаи, когда у убитыхъ хунхузовъ находили ружья, изготовленныя на Ижевскомъ заводѣ, но со спиленными клеймами. Интересно, откуда у нихъ Винчестеръ и Маузеръ. Ружья Ижевскаго завода системы полковника Мозина очевидно принадлежатъ къ числу забракованныхъ на самомъ заводѣ и затѣмъ кѣмъ-то украденныхъ.

Въ нашъ поѣздъ постоянно садились офицеры, возвращающіеся въ свои части; большею частью это уже бывшіе въ дѣлахъ, украшенные только-что полученными орденами; есть и георгіевскіе кавалеры, останавливающіе на себѣ наше вниманіе.

Большая группа собралась около артиллериста, бывшаго въ 7 дѣлахъ и получившаго Георгіевскій крестъ за Дашичао. Онъ, какъ спеціалистъ, охарактеризовалъ намъ дѣйствія японской и нашей артиллеріи. Сначала мы несли огромный уронъ, потому что не были знакомы съ тактикой японской артиллеріи, а теперь отлично къ ней примѣнились. Наши орудія не только не уступаютъ японскимъ, но скорострѣльныя орудія лучше, чѣмъ у противника. По нашей тактикѣ, мы сначала помѣщали орудія на гребняхъ сопокъ и японцы разстрѣливали ихъ превосходно. Тогда мы стали ставить свои орудія за гребнями, но и тутъ мы несли такой же уронъ, потому что японцы, стрѣляя перекиднымъ огнемъ, при крутизнѣ сопокъ косили все, попадающееся на пути движенія снаряда, который летитъ параллельно склону сопки. Теперь мы ставимъ свои орудія, по примѣру японцевъ, отступя сажень 100 отъ подошвы сопки. Артиллерійская стрѣльба производится по невидимой цѣли, батареи «нащупываютъ» непріятеля, производя обстрѣливаніе площадями, но если только цѣль видима, пораженіе ужасно. Нынѣшнія орудія замѣчательно мѣтки и отличаются огромною настильностью, т. е. снарядъ, вслѣдствіе страшной скорости, летитъ почти по горизонтальной линіи.

Про японцевъ этотъ офицеръ говорилъ, что они удивительно стойки и идутъ, не дрогнувши, на вѣрную смерть. Офицеры идутъ всегда впереди, относясь съ презрѣніемъ къ смерти и духъ японской

арміи поддерживается офицерами. Бывали случаи, когда японскіе офицеры рубили шашками и разстрѣливали своихъ солдатъ, которые обращались въ бѣгство.

Между прочимъ, артиллеристъ разсказалъ намъ одинъ эпизодъ изъ ляоянскаго боя. Японцы и русская охотничья команда заняли окопы на одной и той же сопкѣ, въ 50—60 шагахъ другъ противъ друга, но никто не рѣшался стрѣлять, боясь высунуться, а это значило—быть убитымъ.

Окопы русскихъ находились выше. Наскучивъ лежать, русскіе охотники начали съ боку сталкивать на японцевъ камни. Вдругъ изъ японскихъ окоповъ кто-то закричалъ по-русски:

— Что бросаете камни? Должно быть патроновъ больше нѣтъ?!

На это съ нашей стороны послышался отвѣтъ:

— Для васъ, сволочи, не стоитъ тратить пуль, а довольно камнями бить, какъ собакъ.

Неизвѣстно, къ чему бы привела эта перебранка, но японская артиллерія помирила противниковъ, скосивъ своими выстрѣлами и тѣхъ, и другихъ.

Въ числѣ больныхъ встрѣчаются и психически разстроенные и это очень понятно: семь мѣсяцевъ страшно тяжелой боевой жизни на позиціяхъ, подъ постояннымъ огнемъ непріятеля; нервы напряжены до послѣдней степени; достаточно побывать въ одномъ, двухъ дѣлахъ, гдѣ ужасный артиллерійскій огонь коситъ живыхъ людей, какъ серпъ искуснаго жнеца, снимающаго рядами созрѣвшую ниву,—чтобы получить нервное разстройство.

Къ вечеру мы подъѣхали къ Мукдену, конечному пункту нашего продолжительнаго сухопутнаго плаванія.

Первые дни подъ Мукденомъ.

Второй часъ ночи. Поѣздъ остановился передъ семафоромъ. Вдали мелькаютъ въ сумракѣ темной ночи бивачные огни. У моихъ спутниковъ замѣчается какая-то тревожность, нервная суетливость... Повидимому всѣхъ начинаетъ волновать одна и та же мысль: конецъ длиннаго пути

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

и начало активной роли въ томъ великомъ дѣлѣ, которое сосредоточило на себѣ вниманіе всего свѣта. Кругомъ темная ночь и будущее такъ же темно... Что-то ожидаетъ тамъ, дальше? Можетъ-быть, никогда не придется вновь увидѣть родину, близкихъ и дорогихъ, а вмѣсто этого занять свое приготовленное судьбою мѣсто въ братской могилѣ, или, можетъ быть, вернуться никуда негоднымъ калѣкой... Невеселыя мысли!..

Поѣздъ томительно долго держатъ за семафоромъ. Вещи всѣ давно уложены, денщики ждутъ тутъ же... Разговоръ не вяжется, наступаетъ тягостное молчаніе, точно въ комнатѣ, гдѣ находится покойникъ. Наконецъ, поѣздъ медленно трогается, и черезъ нѣсколько минутъ мы подъѣзжаемъ къ станціи Мукденъ.

Съ фонаремъ въ рукѣ, насъ встрѣчаетъ начальникъ штаба и объявляетъ, что въ теченіе часа поѣздъ долженъ быть разгруженъ и штабъ долженъ занять бивакъ въ $1^1/_2$ верстахъ къ югу отъ станціи.

Начинается обычная возня съ выводкой лошадей, скатываніемъ повозокъ, запряжкой и т. п. При свѣтѣ фонарей лошади пугаются, бьются, слышна безпрерывная брань, безъ которой русскій человѣкъ не можетъ обойтись. Предоставивъ всю это возню командиру обоза, мы направляемся на вокзалъ. Всѣхъ интересуетъ вопросъ: какая задача возложена на нашъ корпусъ? Будетъ ли онъ въ резервѣ, войдетъ-ли въ боевую линію, или его двинутъ въ Корею? Ничего опредѣленнаго намъ начальникъ штаба не сообщилъ, кромѣ того, что предполагается общее наступленіе на Ляоянъ, и что нашъ корпусъ приметъ активное участіе въ этомъ движеніи.

Кромѣ тепленькаго чая мы ничего получить на вокзалѣ не могли: спиртные напитки были запрещены, а дневной запасъ провизіи съѣденъ. Голодные и холодные мы отправились на бивакъ и стали помогать денщикамъ устанавливать свои палатки. Сильно подмораживало, несмотря на то, что было только 21 сентября.

Въ 6 часовъ утра палатки уже были разбиты, но никто не ложится спать: около офицерскихъ палатокъ денщики разводятъ костры для кипятку или раздуваютъ самовары. Помывшись ледяной водой, съ удовольствіемъ сажусь на вьюкъ и пью чай съ вкуснымъ солдатскимъ сухаремъ.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

Солнце поднялось надъ горизонтомъ и сразу сдѣлалось тепло. Еще проходитъ полчаса и солдаты начинаютъ сбрасывать свои сѣрыя шинели. Солдатская шинель! Какую огромную роль она играетъ въ жизни русскаго солдата. Она одинаково защищаетъ его и отъ знойной жары, и отъ леденящаго холода. Въ свою сѣрую поношенную шинель русскій солдатъ кутался, переходя Сенъ-Готардъ и Шипку, съ ней-же онъ не разставался и при африканской жарѣ средне-азіатской пустыни, во время хивинскаго похода и Ахалъ-Текинской экспедиціи!

Въ 9-мъ часу къ намъ приходитъ на бивакъ командиръ корпуса и объявляетъ, что намъ дается 3 дня на отдыхъ, и что мы, затѣмъ, идемъ походнымъ порядкомъ къ югу.

Интендантство и я извлекаемъ изъ обоза сундуки съ канцеляріею и открываемъ свои дѣйствія. На этихъ же сундукахъ вмѣсто столовъ, сидя на землѣ, интендантскіе чины составляютъ ассигновки, а мои сотрудники тутъ-же ихъ провѣряютъ, и работа кипитъ.

Въ теченіе 40 дневнаго пути командиры частей израсходовали всѣ деньги и имъ необходимо сейчасъ же, въ Мукденѣ, произвести заготовки фуража и провіанта, но казначей съ олимпійскимъ величіемъ заявляетъ, что денегъ онъ не отпуститъ, не имѣя отъ казначея арміи кредитнаго предписанія.

Я сейчасъ же доложилъ объ этомъ командиру корпуса и посовѣтовалъ ему дать предписаніе казначею—удовлетворить войска за счетъ общаго фонда; тутъ же я изготовилъ предписаніе, командиръ корпуса его подписалъ и я торжественно вручилъ его казначею.

Въ 12 часовъ былъ назначенъ при ставкѣ командующаго арміею молебенъ, по случаю предстоящаго наступленія. Такъ какъ мнѣ надо было въ тотъ же день выѣхать въ Тьелинъ на съѣздъ корпусныхъ контролеровъ, то я рѣшилъ съѣздить въ Мукденъ, чтобы познакомиться съ городомъ, а кстати сдѣлать проѣздку своимъ верховымъ лошадямъ, и купить кое-что для похода.

Нѣкоторые изъ насъ захотѣли, для разнообразія, пообѣдать на желѣзно-дорожной станціи и были за это сильно наказаны. Не говоря уже про омерзительную грязь въ буфетѣ, на столахъ, въ кухнѣ, умалчивая про невозможно высокія цѣны на всѣ кушанья, долженъ ска-

зать, что намъ подали такой скверный обѣдъ, какой навѣрно не подадутъ и въ извощичьемъ трактирѣ.

Послѣ невозможнаго обѣда, мы компаніей поѣхали въ китайскій Мукденъ, отстоящій отъ станціи въ 4—5 верстахъ. При въѣздѣ въ предмѣстье, дорога проходитъ мимо небольшой кумирни и китайскаго монастыря. Я воспользовался случаемъ, чтобы осмотрѣть кумирню. На мой зовъ выскочилъ какой-то китаецъ и когда я жестами показалъ ему, что хочу осмотрѣть кумирню, то онъ протянулъ мнѣ руку, ладонью кверху; я понялъ въ чемъ дѣло и сейчасъ-же полѣзъ за кошелькомъ. Китаецъ ловко спряталъ монету, побѣжалъ къ воротамъ и, отперевъ висѣвшій на нихъ замокъ, съ поклономъ распахнулъ ихъ предъ мною. Это было какъ бы преддверіемъ кумирни. По обѣ стороны находились глиняныя фигуры боговъ, около 2 сажень высотою, съ свирѣпыми лицами. На ихъ плечахъ, локтяхъ, животѣ, колѣняхъ, и ступняхъ были изваяны такія-же свирѣпыя лица. Одинъ изъ боговъ, вѣроятно богъ веселья, держалъ въ рукахъ огромный струнный инструментъ, что-то среднее между гитарой и балалайкой, но лицо его было столь-же свирѣпо, какъ и у остальныхъ боговъ.

По выходѣ оттуда, предо мною открылся большой, вымощенный камнемъ дворъ, съ нѣсколькими деревьями. Одно дерево было настолько старо, что оно держалось на подставкахъ и стволъ его расщеплялся ногтемъ. По срединѣ двора стоялъ чугунный жертвенникъ, а впереди—главная кумирня, къ которой ведетъ небольшая широкая каменная лѣстница. Китаецъ долго не соглашался впустить меня въ кумирню, увѣряя, что за это ему могутъ сдѣлать «контрами», т. е. снять голову, но двѣ серебряныхъ монетки открыли мнѣ дверь въ самую кумирню. Прямо, противъ входа, на золоченыхъ тронахъ, помѣщены изваянія боговъ, съ женоподобными физіономіями, держащихъ правыя руки, какъ бы для благословенія. Фигуры позолочены. У правой и лѣвой стѣнъ по 4 фигуры боговъ, въ стоячемъ положеніи, съ совершенно одинаковыми лицами и тоже съ руками, сложенными для благословенія. Потолокъ отдѣланъ кессонами и изукрашенъ разноцвѣтными орнаментами съ позолотой. Мотивы орнамента на потолкѣ и на пьедесталахъ троновъ очень напоминаютъ наши русскіе старинные орнаменты. Къ сожалѣнію, у меня было слишкомъ мало времени

для художественно-архитектурной экскурсіи и, ударивъ въ громадный барабанъ, стоявшій въ кумирнѣ, чѣмъ я привелъ въ ужасъ китайца, я положилъ на жертвенный столъ, предъ богами, къ кучкѣ китайскихъ монетъ и свою лепту—русскую кредитку и поспѣшно вышелъ къ товарищамъ, дожидавшимся меня у лошадей.

Предмѣстье города представляетъ собою длинную немощеную улицу, по обѣимъ сторонамъ которой идетъ сплошной рядъ лавокъ со всевозможнымъ товаромъ. Шумъ, гамъ, покрикиваніе погонщиковъ муловъ и ословъ, завываніе продавцовъ, скрипъ немазаныхъ арбъ съ саженными тяжелыми колесами, щелканіе китайскихъ бичей для длинныхъ запряжекъ, вскрикиваніе стоящихъ ословъ—все это, вмѣстѣ взятое, производитъ на свѣжаго человѣка какое-то одуряющее впечатлѣніе.

Нѣсколько разъ приходилось останавливаться—нельзя было проѣхать отъ запрудившихъ улицу арбъ, фудутунокъ и воинскихъ повозокъ. Тотчасъ же на мѣсто пробки появлялись русскіе и китайскіе полицейскіе и быстро водворяли порядокъ, пуская въ ходъ—одинъ нагайку, а другой—палку. Тутъ же гонятъ гурты скота, купленнаго воинскими частями для довольствія людей.

Послѣ нѣсколькихъ остановокъ, наглотавшись мелкой, ѣдкой пыли, мы подъѣхали къ первымъ городскимъ воротамъ.

Въ этотъ моментъ мнѣ страстно захотѣлось поднять историческую завѣсу прошедшихъ вѣковъ и взглянуть на Москву въ дореформенный періодъ; я думаю, что предо мной воскресла торговая старая Москва, съ тою только разницей, что вмѣсто бородатыхъ степенныхъ бояръ и русско-татарскаго населенія видишь безобразныя китайскія рожи, съ длинными грязными косами, спускающимися по спинамъ ихъ бабьихъ короткихъ кофтъ. За воротами тѣ же сплошные ряды лавокъ по обѣимъ сторонамъ улицы, но нѣсколько богаче на видъ и съ вычурными рѣзными вывѣсками. Китайскія вывѣски расположены не по фасаду домовъ, а представляютъ собою длинныя ажурныя фигуры, съ причудливыми рѣзными украшеніями, раскрашенныя и раззолоченныя, подымающіяся вертикально кверху; нѣкоторыя вывѣски стоютъ по полторы—двѣ тысячи рублей.

Во всѣхъ лавкахъ толкотня и базаръ. Все идетъ и ѣдетъ въ Мукденъ за покупками.

Вслѣдствіе огромнаго спроса, съ прибытіемъ русскихъ войскъ, цѣны на все поднялись ужасно.

Китайцы совершенно ошалѣли и не знали, сколько запрашивать: то, что сегодня продавалось за 3 рубля, уже завтра дешевле 5 рублей не купишь. Я думаю, что мы сами были въ этомъ виноваты.

У китайцевъ, въ оцѣнкѣ вещей, уже больше не было копеекъ, а все рубли и десятки. Увидалъ я бѣлую папаху и рѣшилъ купить ее, чтобы въ ней спать, а то очень холодно головѣ въ морозныя ночи.

— Что стоитъ?

— Піать лублей.

— А три хочешь?—спрашиваю я, показывая три пальца. Китаецъ молча киваетъ головой и завертываетъ папаху. Довольный тѣмъ, что я сторговалъ два рубля, иду дальше и вижу у товарища совершенно такую же папаху, которую онъ купилъ въ сосѣдней лавкѣ за 1 рубль. Будьте увѣрены, что завтра вездѣ установится цѣна на такую папаху— 3 рубля.

Въ одномъ мѣховомъ магазинѣ я залюбовался на тигровую шкуру необыкновенно большого размѣра. Спросилъ цѣну—325 рублей. Въ слѣдующій разъ съ меня за эту же шкуру запросили 400 рублей, а когда, чрезъ двѣ недѣли, я опять попалъ въ Мукденъ и зашелъ посмотрѣть мѣхъ, то цѣна ему была назначена въ 550 рублей. Многіе русскіе любовались на эту шкуру, многіе и приторговывались—значитъ шкура цѣнная и китаецъ хозяинъ лавки началъ подымать цѣну, боясь продешевить.

Меня очень занимало, какимъ образомъ русскіе солдаты объясняются съ китайцами, находятъ все имъ нужное и покупаютъ, сравнительно, недорого. Для того, чтобы быть понятымъ китайцами, они невозможно коверкали русскія слова и, къ удивленію моему, китайцы ихъ понимали. Очень охотно торговцы принимали наши бумажныя русскія деньги и старались сбыть, давая сдачу, китайскія серебряныя монеты, которыя, однако, обратно принимали съ большой неохотой. Падкость на русскія бумажки объясняется тѣмъ, что такія деньги легче было прятать и русско-китайскій банкъ ихъ всегда принималъ, а желаніе отдѣлаться отъ китайскаго серебра вызвано было тѣмъ,

что японцы наводнили южную Манчжурію поддѣльной китайской серебряной монетой.

Всѣ привозные предметы самаго низшаго качества—бракъ, но раскупались нарасхватъ, несмотря на невозможно высокія цѣны. Сахаръ и стеариновыя свѣчи въ лавкахъ были англійскаго производства и очень плохіе; консервы тоже англійскіе и невысокаго качества. Единственно, что было хорошо и дешево, это сингапурскіе ананасы въ жестянкахъ, но и то цѣна одной жестянки была различная, отъ 25 до 50 копеекъ.

По улицамъ тянутся безконечныя вереницы обозныхъ повозокъ, присланныхъ за покупками для потребностей войскъ. Чего только не найдешь въ этихъ повозкахъ: картофель, китайская капуста, красная китайская рѣдька чередуется съ войлоками, цыновками, вьюками, китайскими сѣдлами. Тутъ же виднѣются груды китайскихъ ватныхъ халатовъ и курмъ, (кофтъ), рядомъ съ которыми лежатъ груды пшеничныхъ короваевъ. Между повозками снуютъ маленькіе китайчата, назойливо предлагающіе свои услуги въ несеніи покупокъ. У этихъ мальчугановъ такія задорныя, веселыя мордочки, что я каждому изъ нихъ далъ по свертку и такимъ образомъ меня сопровождала свита изъ шести китайчатъ. За это удовольствіе я заплатилъ имъ по гривеннику каждому и надо было видѣть, съ какой радостью они побѣжали домой, зажавши въ кулаченки полученныя ими монеты.

Въ снующей толпѣ встрѣчаются и китаянки, въ длинныхъ синихъ кофтахъ, съ вычурными прическами на непокрытыхъ головахъ; нѣкоторыя изъ нихъ сильно нарумянены.

Въ Мукденѣ было нѣсколько китайскихъ фотографій, довольно порядочно работавшихъ; фотографіи видовъ и китайскихъ портретовъ можно было купить по 10 коп. во многихъ лавкахъ и на открытыхъ ларяхъ.

Къ шести часамъ вечера торговый городъ замираетъ. Двери и окна закрываются ставнями во всю высоту стѣнъ и на улицахъ остаются только рабочіе, которые спѣшно подметаютъ улицы и убираютъ мусоръ.

Съ наступленіемъ темноты, надъ каждой лавкой, подъ крышею, вѣшается небольшой фонарь, едва мерцающій своимъ маленькимъ огонькомъ изъ-подъ навѣса крыши.

Въ это же время огромныя, окованныя желѣзомъ ворота запираются, и китаецъ, который не успѣлъ къ этому времени вернуться въ городъ, обреченъ ночевать внѣ дома. При каждыхъ воротахъ на ночь остается русской военный караулъ, у котораго находятся ключи отъ воротъ.

Какъ только солнце начало садиться, сразу стало холодно и мы поспѣшили крупной рысью къ себѣ домой, чтобы заблаговременно приготовить теплый ночлегъ въ холодной палаткѣ.

Ночью, говорятъ, морозъ доходилъ до 4 градусовъ по Реомюру. Я легъ спать, не раздѣваясь и укутавшись съ головой въ бурку, но около часу ночи проснулся отъ холода въ ногахъ. Вспомнивъ, что во вьюкѣ лежатъ бурочные сапоги, быстро вскочилъ съ постели и скоро ихъ нашелъ. Какъ пріятно было ногамъ, когда я замѣнилъ холодные, кожаные сапоги теплыми войлочными. Благодаря ночному холоду, весь бивакъ въ 6 часовъ утра былъ уже на ногахъ и къ этому раннему часу на ночныхъ кострахъ уже кипѣлъ чай въ походныхъ мѣдныхъ чайникахъ. Всѣмъ предстояло не мало работы: надо было пересмотрѣть и перековать всѣхъ лошадей, перебрать всѣ обозныя повозки, конскую амуницію, обмундировку нижнихъ чиновъ и все это привести въ порядокъ для выступленія въ походъ. Никто не зналъ, куда мы пойдемъ и гдѣ будемъ оперировать, въ равнинной мѣстности, или въ горахъ. Пока намъ было извѣстно, что мы временно входимъ въ составъ арміи Куропаткина и что части нашего корпуса уже заняли боевыя позиціи на правомъ флангѣ передовой линіи.

Говорили, что на нашъ корпусъ будетъ возложена самостоятельная и серьезная задача.

Вечеромъ мнѣ необходимо было поѣхать по желѣзной дорогѣ въ Тьелинъ, на съѣздъ корпусныхъ контролеровъ.

Къ 8 часамъ я былъ уже на станціи, но, не зная, сколько времени я пробуду въ отсутствіи, распорядился конюху ждать меня съ обѣими лошадьми, послѣ ухода штаба съ бивака, около станціи при одномъ изъ бараковъ. Мнѣ необходимо было отправиться на съѣздъ, такъ какъ я не получилъ ни инструкцій, ни какихъ бы то ни было руководящихъ указаній для своей предстоящей дѣятельности. Полагая, что Тьелинъ большой городъ и, при нахожденіи въ немъ тыловыхъ учрежденій арміи, вѣроятно найдутся помѣщенія, гдѣ можно будетъ оста-

новиться, я выѣхалъ совершенно налегкѣ, въ одной шведской курткѣ, имѣя багажемъ только полевую сумку съ папиросами. Вѣдь проѣхать надо было по желѣзной дорогѣ какихъ-нибудь 60 верстъ, но несмотря на такой короткій путь, я, выѣхавъ въ 10-мъ часу, въ товарномъ пустомъ поѣздѣ, пріѣхалъ въ Тьелинъ только въ 5 часовъ утра. Ночью подмораживало. Къ моему счастью, въ одномъ изъ вагоновъ ѣхало нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ, которые захватили съ собой соломы для подстилки; я перебрался въ ихъ вагонъ и мы всѣ въ повалку улеглись, покрывшись солдатскими шинелями.

Хотя съѣздъ продолжался, кажется, три дня, но новаго и интереснаго для себя я мало оттуда вынесъ: дѣло, очевидно, еще только налаживалось и никакой опредѣленной программы выработано не было и я пришелъ къ заключенію, что придется руководствоваться собственной иниціативой. При обратномъ слѣдованіи изъ Тьелина пришлось сидѣть на станціи и ловить какой-нибудь поѣздъ. Даютъ знать, что ночью идетъ на югъ интендантскій грузъ. Съ трудомъ взлѣзаю въ одинъ изъ товарныхъ вагоновъ; въ обоихъ концахъ лежатъ короваи печенаго хлѣба; уже 10 часовъ вечера, темно и холодно. Ложусь на полъ и подкладываю подъ голову одинъ изъ короваевъ.

Не желаю никому испытать то, что я испыталъ въ эту ночь. Проклятый старый, тряскій вагонъ, со старыми рессорами, такъ подпрыгивалъ, что я и получаса не выдержалъ этой пытки и, вскочивъ, началъ бѣгать въ пространствѣ между вагонными дверьми, чтобы какъ нибудь отогрѣться; усталость и сонъ въ концѣ концовъ начали сказываться.

Я забираюсь на верхушку бунта и располагаюсь прямо на короваяхъ, но они уже подмерзли и сильно напоминали крупные булыжники, а вагонъ упорно продолжалъ подпрыгивать. Это была своего рода безкровная пытка. Слѣзаю съ короваевъ и снова начинаю бѣгать, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ. Я никогда не забуду этой подлой ночи. Въ 7-мъ часу утра, наконецъ, мое разбитое тѣло было доставлено на станцію Мукденъ. На вокзалѣ выпиваю стаканъ отвратительнаго подогрѣтаго кофе и иду разыскивать своего конюха. Солнце уже вступило въ свои права и мои окоченѣлые члены начинаютъ согрѣваться.

Болѣе часу разыскиваю конюха. Заспанная, распухшая рожа и сильнѣйшій запахъ сивухи указываютъ, что накануне было дѣло по винной части. Идемъ къ лошадямъ. Стоятъ обѣ голодныя и грызутъ столбъ, къ которому привязаны. Этотъ негодяй пьянствовалъ на оставленныя мною деньги, а бѣдныя животныя голодали. Хорошее начало службы въ дѣйствующей арміи. Неужели они всѣ таковы!.. Послалъ конюха за фуражемъ и начинаю самъ чистить своего коня; очевидно, конюху былъ недосугъ. У вьючной лошади одной подковы не хватало вовсе, а одна сильно хлябала. Только въ 9 часовъ утра сѣлъ въ сѣдло. Но куда ѣхать? Знаю, что къ югу, чрезъ рѣку, но куда именно—понятія не имѣю. Отправляюсь на развѣдки, на оставленный бивакъ. Тамъ стоятъ разныя части, но никто никакихъ свѣдѣній дать не могъ. Измученный, отправился на станцію поѣсть, но Боже, что тамъ дѣлалось! Не только всѣ столы были заняты, но сидѣли на чемоданахъ, на окнахъ, и едва можно было протолкаться къ стойкѣ, чтобы самому захватить что-нибудь. Посуду не успѣвали мыть и одна и та же тарелка переходила изъ рукъ въ руки съ остатками несъѣденнаго и обладатель ея спѣшилъ скорѣе къ стойкѣ получить какую-нибудь порцію. Мнѣ надо было купить кое-какіе запасы въ Мукденѣ и я отправился туда верхомъ. Въ городѣ были двѣ гостиницы: «Мукденъ» и «Манчжурія».

Рѣшивъ отправиться на поиски штаба на другой день, я приказалъ конюху увести лошадей на станцію, а на завтра къ 8 часамъ придти въ гостиницу «Мукденъ», гдѣ думалъ остаться ночевать. Побродивъ по городу, къ вечеру я пришелъ въ гостиницу, но всѣ номера были заняты. Я заявилъ, что лягу на столѣ, но и тутъ неудача: столъ уже былъ абонированъ. По указанію гостиницы, я нанялъ рикшу, который повезъ меня въ «Манчжурію». Долго рикша везъ меня по какимъ-то глухимъ закоулкамъ съ громадными каменными стѣнами и, наконецъ, остановился у воротъ высокой глухой стѣны. На нашъ стукъ вышелъ китаецъ, говорящій по-русски и заявилъ, что гостиница уже болѣе мѣсяца, какъ не существуетъ и въ доказательство указалъ на вывѣску, которая лежала въ углу двора.

— Что же теперь здѣсь помѣщается?

— Иностранные корреспонденты.

— Веди меня къ нимъ. Я здѣсь буду ночевать.

— Каптэнъ, никакъ нельзя. Всѣ уѣхали на югъ и комнаты заперты.

— Я тебѣ сказалъ, что я отсюда не уйду. Какъ хочешь, а давай мнѣ помѣщеніе.

— Ну, идемъ, я вамъ свою комнату дамъ.

Китаецъ повелъ меня въ свою комнату, которая была оклеена обоями и въ бумажныхъ окнахъ были вмазаны куски стекла. Я очень обрадовался возможности выспаться въ такомъ прекрасномъ помѣщеніи. Китаецъ внезапно исчезъ и вновь появился съ жаровней, наполненной горячими угольями. Это было очень кстати, потому что послѣ заката солнца начало уже подмораживать. Услужливый китаецъ принесъ 2 свѣчи, самоваръ и изготовленный по-европейски горячій ужинъ.

Изъ разспросовъ его я узналъ, что онъ арендовалъ бывшую гостиницу «Манчжурія», и у него помѣстились иностранные корреспонденты на полномъ пансіонѣ.

Послѣ ужина я отправился осматривать помѣщеніе, занимавшее огромную площадь, съ нѣсколькими внутренними дворами, и, замѣтивъ въ одной изъ фанзъ свѣтъ, пошелъ на огонекъ. То была огромная комната, имѣвшая назначеніе столовой для корреспондентовъ. За столомъ сидѣлъ какой-то французъ и производилъ денежные разсчеты съ китайцами. Мое неожиданное появленіе сначала озадачило его, но, видимо, онъ обрадовался встрѣчѣ съ европейцемъ. Это былъ корреспондентъ какой-то большой французской газеты. Мы познакомились и когда онъ покончилъ свои дѣла съ китайцами, вступили въ дружную бесѣду. Французъ сбѣгалъ къ себѣ въ номеръ и принесъ полбутылки превосходнаго коньяку и бутылку шампанскаго. Бесѣда наша продолжалась до 3-хъ часовъ ночи. Наблюдательный французъ сообщилъ мнѣ очень много интереснаго, но при всемъ его стараніи нѣсколько смягчить произведенное на меня впечатлѣніе, я былъ крайне удрученъ слышаннымъ.

Французъ высказалъ и свои предположенія о вѣроятномъ результатѣ кампаніи, которыя такъ поразительно оправдались. Онъ не вѣрилъ и въ возможность побѣдъ. По его мнѣнію, армія уже деморали-

зована, и, если она быстро не будетъ увеличена вдвое свѣжими силами, съ новымъ команднымъ составомъ, ее ожидаетъ такая же участь, какъ французскую армію въ 1870 году; онъ оказался, къ несчастію, пророкомъ.

Такъ какъ намъ обоимъ предстояло утромъ ѣхать на позиціи, мы сговорились выѣхать вмѣстѣ въ 8 часовъ утра.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, я, не раздѣваясь, легъ на канъ, укрылся одѣяломъ, которое мнѣ приготовилъ китаецъ и какъ убитый проспалъ до 7 часовъ. Наскоро помывшись, я приказалъ будить француза, а самъ отправился въ гостиницу «Мукденъ» къ своимъ лошадямъ. Здѣсь меня ожидала непріятность: мой конюхъ привелъ къ назначенному времени лошадей, но узнавъ въ гостиницѣ, что я тамъ не ночевалъ, повелъ лошадей обратно на станцію, а это составляло около 5 верстъ разстоянія. Нечего дѣлать, беру рикшу и ѣду на станцію. Къ счастью, предъ станціей нагоняю конюха и мѣняю мягкую коляску рикши на сѣдло. Ѣду опять въ Мукденъ, за французомъ, но уже не застаю его.

Нечего дѣлать, придется прогуляться въ обществѣ одного конюха. Но куда ѣхать? Знаю только одно—на югъ. Вынимаю компасъ и по указанію стрѣлки беру направленіе, но пришлось все-таки выѣхать чрезъ западныя ворота, гдѣ я встрѣтилъ процессію китайскихъ войскъ, ведущихъ хунхуза на казнь. Хунхузъ бодро шагаетъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, повидимому, совершенно безучастно относясь къ тому, что чрезъ нѣсколько минутъ ему придется разстаться съ жизнью, но на меня эта сцена произвела сильное вепчатлѣніе и я перешелъ въ крупную рысь, чтобы скорѣе уѣхать отъ процессіи и отогнать отъ себя мрачныя мысли.

Длинной улицей Мукдена пришлось ѣхать очень долго. Русскихъ почти совсѣмъ не видно; одни мирные китайцы сидятъ около фанзъ, или шмыгаютъ по улицѣ, въ своихъ синихъ халатахъ. По выѣздѣ изъ города, беру направленіе къ югу и никакъ не могу попасть на прямую дорогу: вездѣ идутъ небольшія дорожки, которыя сразу прерываются то канавой, то пашней. Наконецъ, выбираюсь на широкую дорогу, которая выходитъ къ рѣкѣ. Предполагалось, что корпусныя управленія станутъ бивакомъ на южномъ берегу рѣки, за мостомъ, значитъ

найти будетъ легко. Переѣхавъ мостъ, начинаю искать деревню, но ни селенія, ни бивака нигдѣ не видно. Приходится ѣхать по полямъ, держась близко берега. Натыкаюсь на другой мостъ и спрашиваю мостовую стражу: «гдѣ здѣсь близко стоятъ какія-нибудь части?»

— Не могу знать. Должно у моста № 2. Тамъ много вчерась нашихъ проходило. Може какіе и остались на дневку.

— А далеко мостъ № 2?

— Нѣтъ, вонъ въ той сторонѣ,—и солдатъ рукой показалъ въ ту сторону, откуда я пріѣхалъ.

Когда я объяснилъ ему, что я тамъ только что былъ и никого не нашелъ, солдатъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать къ третьему мосту.

Я изъѣздилъ оба берега вдоль и поперекъ и нигдѣ ни одной части не нашелъ. Уже вечерѣло. Кругомъ никакого жилья не видно, и не къ кому обратиться.

Всѣ войска, очевидно, направились къ югу. Большая дорога, которая пересѣкаетъ рѣку, идетъ тоже на югъ, слѣдовательно, если я поѣду по ней, то непремѣнно долженъ наткнуться на какую-нибудь воинскую часть и тогда узнаю, куда держать путь. Эта большая дорога, какъ я впослѣдствіи узналъ, называлась Мандаринской дорогой, а рѣка къ югу отъ Мукдена—Хунь-хэ. Когда я добрался до Мандаринской дороги, уже совсѣмъ стемнѣло, но я все-таки двинулся въ путь. Некормленныя съ утра лошади замѣтно начали уставать; почувствовалъ голодъ и я.

Немного жутко было ѣхать по неизвѣстной дорогѣ, неизвѣстно куда, въ чужой странѣ и ѣхать наудачу въ темнотѣ, рискуя наткнуться на хунхузовъ.

Становится уже такъ темно, что лошади идутъ, осторожно ступая и мой конь безпрестанно подымаетъ голову и настораживается. Наконецъ, онъ остановился и высоко поднялъ голову. Раздался окликъ:

— Кто идетъ?

Я страшно обрадовался голосу часового.

— Свои,—отвѣчаю я и даю лошади шенкеля. Предо мною выросла фигура часового, стоящаго около мостика.

— Послушай, братецъ, какая часть здѣсь стоитъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, здѣсь сегодня этапъ открыли.

— А гдѣ комендантъ этапа?

— Ѣзжайте прямо по этой дорогѣ, скрозь деревню. Влѣво будетъ большая башня и фонарь на дорогѣ. Тутъ и есть ихъ высокоблагородіе.

— Спасибо, братецъ!

— Ваше благородіе!—крикнулъ часовой въ догонку.—Держись правой стороны, а какъ встрѣнешь косогоръ, переходи налѣво, а то какъ бы въ колодецъ не угодить. Вишь, не успѣли загородить его.

Осторожно ѣду по указанію часового и доѣзжаю до фонаря.

Гигантской башни совсѣмъ не видно въ темнотѣ, и, не будь фонаря, долго еще пришлось бы плутать по огромной деревнѣ Байта-пу, въ которой, къ моему счастью, только что въ этотъ день былъ открытъ этапъ.

Комендантъ этапа встрѣтилъ меня очень любезно въ своей небольшой, но уютной фанзѣ. Скоро появился на столѣ самоваръ, водка и кусокъ голландскаго сыра. Я безъ церемоніи набросился на сыръ съ чернымъ хлѣбомъ. На этапѣ были еще какихъ-то два заѣзжихъ офицера, которые приняли участіе въ ужинѣ. Коменданта постоянно отрывали по дѣлу, а офицеры не были словоохотливы, а можетъ быть такъ же, какъ и я, чувствовали усталость и имъ было не до разговора.

Благодаря любезности коменданта, мои лошади получили вволю сѣна, а конюхъ пристроился къ этапной командѣ.

Хотя этапъ уже открылся, но еще не былъ оборудованъ. Были очищены фанзы для офицеровъ и нижнихъ чиновъ проходящихъ командъ и устроены небольшіе склады провіанта и фуража.

Почувствовавъ, что начинаю клевать носомъ и глаза начинаютъ слипаться отъ усталости послѣ девятичасового путешествія верхомъ, я просилъ указать мнѣ помѣщеніе. Мнѣ дали проводника, вооруженнаго фонаремъ, который довелъ меня до конца деревни, гдѣ помѣщалась «офицерская фанза». Ни оконъ, ни дверей въ фанзѣ не было, но въ ней уже спали мертвымъ сномъ три врача и офицеръ.

Конюхъ принесъ мнѣ сѣдельную подушку и я съ удовольствіемъ улегся въ углу широкаго кана.

Въ шесть часовъ утренній холодъ меня разбудилъ. Я вскочилъ и тотчасъ же побѣжалъ разыскивать, въ этапной командѣ, своего конюха. Люди команды уже начали вставать и на дворѣ на большомъ

кострѣ весело бурлилъ кипятокъ въ огромномъ, черномъ отъ копоти, чайникѣ.

Пока конюхъ кормилъ лошадей, я отправился по деревнѣ и прежде всего наткнулся на лавочку какого-то восточнаго человѣка; заспанный хозяинъ съ всклокоченной отъ сна рыже-черной бородой, такого же цвѣта, какъ заломленная на макушкѣ азіатская папаха, открывалъ ставень, обнаруживая содержаніе своей лавки. Я явился къ нему первымъ покупателемъ и пріобрѣлъ чаю, сахару и небольшой флаконъ коньяку.

Съ этимъ товаромъ я вернулся въ этапную команду и, передавъ чай и сахаръ унтеръ-офицеру, просилъ угостить меня и конюха чаемъ.

Хотя металлическая кружка обжигаетъ губы, импровизированная ложка изъ куска гаоляноваго стелбя плохо размѣшиваетъ сахаръ и придаетъ своеобразный вкусъ чаю, я пью его съ наслажденіемъ, съ чернымъ сухаремъ. Коньякъ оказался невозможнымъ по вкусу и я его оставилъ въ полное распоряженіе унтера.

Чай выпитъ, лошади осѣдланы и можно ѣхать.

Вчера на этапѣ опредѣленнаго ничего не узналъ, а потому и рѣшилъ держаться Мандаринской дороги. Это очень широкая дорога, по виду напоминающая плохо содержимый большой почтовый трактъ.

Видъ Мандаринской дороги представлялъ оригинальное зрѣлище. Послѣ сильныхъ дождей, во всю ширину дороги, образовалось глубокое мѣсиво вязкой грязи, по которой, очевидно, недавно проходили обозы. Изрѣзанная и взбитая колесами тяжелыхъ повозокъ, грязь не успѣла улечься и отъ внезапно наступившихъ морозовъ подмерзла, а потомъ понемногу высохла. Посреди дороги, мѣстами, торчали увязшія въ грязь, брошенныя поломанныя повозки, обломки дышлъ, колесъ, куски вальковъ и т. п. Въ двухъ мѣстахъ я видѣлъ трупы павшихъ лошадей, до половины засосанные грязью и усердно разрываемые стаями собакъ.

По такому застывшему мѣсиву нельзя ни проѣхать, ни пройти и потому обозы пробили себѣ дорогу рядомъ.

Въ пути попадались, въ сторонѣ отъ дороги, китайскія заброшенныя деревни съ полуразрушенными фанзами, безъ дверей и оконныхъ переплетовъ. Кое-гдѣ, вдали, мелькали одиночныя фигуры китай-

цевъ въ ихъ характерныхъ синихъ курмахъ (кофтахъ), да стаи бродячихъ собакъ, оставленныхъ хозяевами и ищущихъ пропитанія на поляхъ и дорогахъ.

Совершенно незамѣтно, я съѣхалъ съ дороги и, уклонившись къ западу, подъѣзжаю къ какой-то довольно широкой, но неглубокой рѣкѣ. Переѣхавъ въ бродъ по указанію свѣжей колеи, подымаюсь на крутой и высокій берегъ.

Дорога дѣлаетъ крутой поворотъ вправо, но я уже здѣсь слышу знакомое мнѣ громыханіе обозныхъ повозокъ. За поворотомъ, дѣйствительно, ѣхало нѣсколько пароконныхъ повозокъ.

— Чей, ребята, обозъ?

— Штаба 10-го армейскаго корпуса.

— Второго разряда?

— Такъ точно.

— Гдѣ стоите?

— А вотъ версты полторы отселева, прямо по этой дорогѣ, въ деревнѣ. У самой дороги большая вывѣска виситъ Корпуснаго Казначейства. Тамъ и обозъ нашъ помѣщается.

Какъ это кстати вышло. Лошадь подъ конюхомъ захромала и ее можно будетъ оставить здѣсь, а можетъ быть можно что-нибудь узнать и про нашъ корпусъ.

Чрезъ четверть часа я уже былъ въ указанной мнѣ деревнѣ, гдѣ, къ моей радости, помѣщался и Корпусный Контроль. Все-таки свое вѣдомство.

Здѣсь я былъ встрѣченъ совершенно по родственному. Корпусный контролеръ Н—въ очень радушно меня принялъ, накормилъ меня съ конюхомъ и нашихъ лошадей и проводилъ насъ до дороги, ведущей на желѣзнодорожную станцію Суятунь. Н—въ тоже не могъ сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній о нашемъ корпусѣ, но посовѣтовалъ справиться у коменданта станціи.

Въ Суятуни мнѣ только указали на то, что близъ желѣзнодорожной линіи, южнѣе моста чрезъ рѣку Шахэ, помѣщается штабъ 17-го корпуса и что въ этомъ штабѣ, вѣроятно, имѣются свѣдѣнія о 6-мъ корпусѣ. Моя лошадь была хорошо выкормлена, другую лошадь Н—въ оставилъ у себя для поправки и далъ моему конюху свѣжую лошадь

и мы крупной рысью поѣхали вдоль линіи, къ югу, по правой сторонѣ.

Доѣзжаю до моста, но проѣхать невозможно—настила нѣтъ. Нечего дѣлать, спускаюсь по очень крутому берегу и съ трудомъ вскарабкиваюсь на другую сторону. Слышу грохотъ орудійныхъ выстрѣловъ гдѣ-то влѣво, за сопками, но какъ нинапрягаю зрѣніе—ни чего не видать. Интересно проѣхать туда, за сопки; вѣроятно, тамъ наша артиллерія жаритъ. Разстояніе 3—4 версты—это менѣе получасу.

Прибавляю рыси. Вдругъ слышу очень близко орудійный выстрѣлъ, но уже вправо, за ближайшей сопкой и вслѣдъ за тѣмъ разрывъ шрапнели. Я еще прибавляю ходу, точно боюсь, что опоздаю увидѣть картину боя. Въ это время навстрѣчу мнѣ галопомъ скачутъ два штабъ-офицера.

— Куда вы, развѣ не видите, что эту сопку обстрѣливаютъ?

— Да развѣ это японцы?

— Ну, конечно, японцы, а то кто же другой!..

— Скажите, пожалуйста, гдѣ помѣщается штабъ 17-го корпуса?

— Э, вона! Вы его давно проѣхали. Это версты три отсюда, къ западу отъ дороги, въ деревнѣ.

По примѣру своихъ спутниковъ, я поскакалъ галопомъ, но они свернули вправо отъ полотна, а я поѣхалъ по дорогѣ, вдоль линіи. По переѣздѣ Шахэ, я увидѣлъ на пригоркѣ группу офицеровъ.

Это былъ штабъ 17 корпуса. Нѣкоторые слѣдили въ бинокль, другіе сидѣли на корточкахъ, разглядывая раскинутую по землѣ карту мѣстности, гдѣ шелъ бой. Тутъ же стояли спѣшенные казаки—конвоя и конные ординарцы.

На мою просьбу указать мнѣ, гдѣ находится штабъ 6-го Сибирскаго корпуса, который, несомнѣнно, уже долженъ былъ установить связь съ 17-мъ корпусомъ, полковникъ генеральнаго штаба, къ которому я обратился съ этимъ вопросомъ, показалъ мнѣ на картѣ треугольникъ, составляющій районъ 6-го корпуса, но гдѣ именно находится штабъ—ему не было извѣстно, такъ какъ связи они не успѣли установить.

Связь между корпусами устанавливается посредствомъ командированія офицеровъ отъ каждаго корпуса въ штабы другихъ корпусовъ.

Эти офицеры, какъ ихъ называютъ «офицеры для связи», находятся при штабахъ чужихъ корпусовъ съ нѣсколькими конными ординарцами, при посредствѣ которыхъ они сообщаютъ всѣ свѣдѣнія о военныхъ операціяхъ и о всѣхъ передвиженіяхъ въ свой штабъ. Это, такъ сказать, военные корреспонденты отъ штабовъ другихъ корпусовъ.

Я быстро набросалъ въ своей записной книжкѣ планъ и поблагодаривъ за указаніе, сталъ садиться на лошадь.

Въ это время меня окликаетъ какой-то пѣхотный полковникъ.

— Вы ищете 6-ой корпусъ?

— Да, полковникъ.

— Возьмите полъ-оборота направо и поѣзжайте въ этомъ направленіи. Чрезъ 3—4 версты вамъ встрѣтится большая деревня, а въ ней стоитъ Юхновскій полкъ вашего корпуса. Тамъ, вѣроятно, вамъ укажутъ, гдѣ помѣщается штабъ.

Я пришпориваю усталаго коня и мчусь напрямки, по глубокимъ, мерзлымъ бороздамъ убраннаго гаоляноваго поля. Наталкиваюсь на небольшую рощу, въ сторонѣ отъ деревни, гдѣ, судя по ямкамъ для котелковъ и остаткамъ соломы, помѣщался какой-то бивакъ. Въ началѣ деревни стоитъ какой-то обозъ. Ѣду туда...

— Какая часть здѣсь находится?

— Обозъ II разряда П—скаго пѣхотнаго полка

— А не знаешь, гдѣ находится Юхновскій пѣхотный полкъ?

— Не могимъ знать, ваше высокоблагородіе, мы только сегодня ночью вступили сюда.

— Есть кто-нибудь изъ гг. офицеровъ?

— Такъ точно. Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, я провожу васъ вонъ до той палатки.

Ѣду по указанію и спрашиваю офицера, не знаетъ ли онъ гдѣ находится Юхновскій полкъ.

— Вчера онъ здѣсь стоялъ бивакомъ, а на разсвѣтѣ ушелъ, только не знаю, куда именно. Слыхалъ, будто приказано было отступить, потому что 6-ой корпусъ очень продвинулся впередъ.

— Какъ-же, поручикъ, если части отступаютъ, то вашъ обозъ II разряда находится здѣсь?

Поручикъ нѣсколько сконфузился, но все-таки нашелся.

— Я вѣдь говорю про вашъ корпусъ, а наши войска занимаютъ позиціи правильно. А, впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ, наступаемъ мы, или отступаемъ. Я со своими обозами столько исколесилъ, что теперь для меня совершенно безразлично, стоять ли на мѣстѣ, или продолжать утаптывать Манчжурскія поля на позиціи или въ тылу.

Распрощавшись съ поручикомъ, я рѣшилъ въ двухъ направленіяхъ пересѣчь треугольникъ расположенія нашего корпуса, заѣзжая во всѣ попутныя деревни, но встрѣчалъ только одни обозы разныхъ частей, отъ которыхъ не могъ добиться толку. Послѣ довольно продолжительнаго плутанія, я, наконецъ, наткнулся на линію походнаго телеграфа. Вотъ и путеводная нить! При посредствѣ компаса опредѣливъ, гдѣ находится желѣзнодорожная станція, я поѣхалъ по линіи телеграфа въ противоположную сторону, рѣшивъ, что эта линія непремѣнно должна соединить штабъ корпуса съ желѣзнодорожнымъ телеграфомъ.

Ѣду вдоль провода и натыкаюсь на охрану.

— Телеграфная охрана?

— Такъ точно!

— Куда телеграфъ проведенъ? въ штабъ дивизіи, или въ штабъ корпуса?

— Не могу знать. Должно—въ дивизію.

— Гдѣ штабъ дивизіи?

— Не могу знать.

Замѣчательно, что въ продолженіе всей кампаніи почти всегда приходилось при всѣхъ разспросахъ слышать одинъ и тотъ же отвѣтъ: «не могу знать».

Ничего не знали нижніе чины и очень мало знали офицеры про расположеніе частей. Сколько разъ мнѣ приходилось при своихъ частыхъ разъѣздахъ разыскивать части и никогда я не могъ получить точныхъ свѣдѣній о сосѣднихъ частяхъ. Генераломъ Куропаткинымъ былъ даже отданъ приказъ, въ которомъ предписывалось непремѣнно вступать въ связь съ каждой сосѣдней или прибывшей частью и вмѣнялось въ обязанность командирамъ частей, чтобы не только офицеры, но и нижніе чины знали названіе мѣстности своего бивака и какія части расположены по сосѣдству. Но этотъ приказъ многими не испол-

нялся и положеніе ординарцевъ, которыхъ посылали съ срочными распоряженіями и донесеніями было очень затруднительное, особенно въ ночное время.

Направляясь вдоль телеграфной линіи, къ сѣверу, натыкаюсь на одного изъ штабныхъ ординарцевъ и по его указанію направляюсь на бивакъ штаба корпуса.

Уже начало смеркаться, когда я добрался, наконецъ, до своихъ. Садились ужинать и я сразу попалъ въ семью, съ которой я уже сроднился и съ которой предстояло дѣлить всѣ трудности наступающей боевой жизни.

Мнѣ пришлось помѣститься въ небольшой фанзѣ съ начальникомъ артиллеріи, двумя его адъютантами и корпуснымъ врачемъ. Если не ошибаюсь, штабъ занималъ деревню Пендіанза, оставленную китайцами. Помѣщеніе тѣсноватое, ютимся всѣ на двухъ канахъ. Каны это ничто иное, какъ лежанки, около аршина вышины отъ пола и шириною около сажени; онѣ тянутся вдоль продольныхъ стѣнъ фанзы и служатъ горизонтальнымъ дымоходомъ отъ очаговъ, находящихся въ сѣняхъ, предъ входомъ въ фанзу. При топкѣ очаговъ, верхняя часть кана нагрѣвается и получается теплая, а иногда и даже горячая лежанка, на которой помѣщаются всѣ обитатели фанзы, на ночь, въ повалку.

Мы, обыкновенно, ставили на эти каны свои походныя кровати, или стлали на нихъ солому, которую покрывали цыновками и бурками, устраивая, такимъ образомъ, свое ложе непосредственно на канахъ. Оконные переплеты заклеены бумагой, которая во многихъ мѣстахъ прорвана, и поэтому въ фанзѣ достаточно холодно, топить же нельзя, такъ какъ очаги разрушены, да и стоитъ ли топить, когда сквозь рваную бумагу оконъ спокойно проникаетъ холодный воздухъ.

Денщикъ поставилъ мою походную кровать на свободномъ мѣстѣ, около окна и я съ удовольствіемъ уснулъ. Въ 5-мъ часу утра просыпаюсь отъ сильнаго холода; подъ окнами расположились лошади и одна изъ нихъ, мордой прорвала бумагу въ окнѣ, какъ разъ надъ моей головой. Нечего дѣлать, снимаю подушку и затыкаю дыру, но оконный переплетъ переломанъ и подушка не держится. Снова укладываюсь и закрываюсь одѣяломъ съ головой, но заснуть не могу. Вскорѣ начинается возня за стѣной: встаютъ денщики; подъ окномъ

фырканіе и ржаніе лошадей и разговоры конюховъ. Надо вставать. Мои сожители тоже начинаютъ шевелиться. Вставать надо по очереди, иначе тѣсно. Выхожу наружу. Денщикъ черпаетъ изъ водопойнаго парусиноваго ведра ледяную воду и льетъ мнѣ на руки изъ металлической кружки, въ которой я буду чрезъ нѣсколько минутъ пить горячій чай. Наконецъ, бивакъ понемногу просыпается и начинается лихорадочная дѣятельность. Въ штабѣ сидятъ за планами, составляютъ диспозиціи; телефонъ заработалъ и ординарцы одинъ за другимъ отправляются съ приказаніями.

Мое Управленіе помѣстилось въ деревнѣ Тасу-дя-пу, къ сѣверозападу отъ штаба, вмѣстѣ съ обозомъ II разряда, казначействомъ и интендантствомъ. Послѣ обѣда ѣду туда. Хотя у меня въ рукахъ и имѣется карта, но руководствоваться ею нельзя: на ней обозначены только нѣкоторыя дороги, да и то невѣрно. По показаніямъ карты, я попалъ въ топь. Кругомъ озера и какая-то рѣченка, чрезъ которую въ бродъ переѣхать нельзя: у берега ноги лошади вязнутъ по брюхо, и съ большимъ трудомъ пришлось вытащить лошадей, для чего я съ казакомъ должны были слѣзть съ коней въ ту же тинистую грязь. Долго пришлось выбираться изъ этого мѣста, пока, наконецъ, мы не наткнулись на дорогу съ обозами, которая привела насъ къ дамбѣ и мосту.

Обозъ II разряда только что расположился на новомъ бивакѣ, куда онъ былъ переведнъ изъ Таа-пу. Невдалекѣ расположились другіе обозы. Помѣщеніе тѣсное, холодное и, главное, темное. Вытащили изъ двуколки сундукъ съ канцеляріею. Этотъ сундукъ, утвержденнаго образца, т. е. форменный—изъ толстыхъ деревянныхъ досокъ, обшитый сверху толстымъ, листовымъ желѣзомъ. Одинъ пустой сундукъ вѣситъ 3 пуда. Для чего таскать такую тяжесть?

Разсмотрѣвъ текущую переписку, я далъ своимъ сотрудникамъ надлежащія инструкціи и распредѣлилъ между ними работы. Близко къ полночи. Ихъ сожители начинаютъ ворчать, что имъ хочется спать, а мы мѣшаемъ. Стелю бурку на канъ, кладу сѣдло подъ голову и моментально засыпаю. На слѣдующій день утромъ я поѣхалъ по дорогѣ, указанной мнѣ въ обозѣ, мимо желѣзнодорожной линіи и нагналъ табунъ монгольскихъ лошадей, конвоируемыхъ какимъ-то офицеромъ съ командой нижнихъ чиновъ.

— Поручикъ, чьи лошади?

— Купилъ для полка, подъ конныхъ охотниковъ.

— Нѣтъ ли у васъ лишнихъ лошадей, про запасъ?

— Какже! Цѣлыхъ три штуки. Не хотите ли пріобрѣсти?

— Съ удовольствіемъ купилъ бы одну лошадку. А какъ цѣна?

— Иноходца могу уступить за полтораста.

— Давайте.

Плачу деньги и передаю иноходца казаку.

При помощи погонщиковъ, казакъ пересѣдлываетъ полудикаго иноходца своимъ сѣдломъ; я беру его лошадь въ поводъ и ѣду дальше, а казакъ понесся на монголѣ.

Мнѣ положено по штату двѣ упряжныхъ лошади и экипажъ, но за всю кампанію, я ни разу въ своемъ экипажѣ не ѣздилъ, предпочитая ѣзду верхомъ. Ни бездорожье, ни рѣки и канавы, ни темныя ночи—ничто не служило мнѣ препятствіемъ при моихъ постоянныхъ разъѣздахъ верхомъ. Что-бы я могъ сдѣлать, если бы я дѣйствовалъ «по положенію» и сталъ бы разъѣзжать по дѣламъ службы въ экипажѣ — это равносильно было бы обречь себя на безвыѣздную (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) службу. Впослѣдствіи оказалось, что мнѣ недостаточно было и 3-хъ лошадей и я вынужденъ былъ пріобрѣсти еще четвертую. Покупка моя оказалась удачною, только надо было быть всегда очень осторожнымъ съ монголомъ: эти лошади не любятъ, когда къ нимъ подходятъ спереди—они бросаются на человѣка и бьютъ его передними ногами и хватаютъ зубами. Несмотря на осторожность, все-таки я разъ попался, но, къ счастью для меня, въ такой моментъ, когда монголъ былъ раскованъ; отъ его удара лѣвая рука долго болѣла, несмотря на мѣховой полушубокъ, на которомъ онъ сорвалъ покрышку изъ солдатскаго сукна.

За ужиномъ, въ штабѣ, потребовали съ меня вспрыски, «чтобы лошадь не унесла меня къ японцамъ».

Въ ночь съ 27-го на 28-ое сентября я проснулся отъ артиллерійской перестрѣлки; рамы фанзы дрожали отъ выстрѣловъ. Укутавшись съ головой подъ бурку, пробовалъ уснуть, но не могъ.

Затрещали частые ружейные выстрѣлы, какъ будто съ нашей стороны. Впечатлѣніе ли пережитаго за послѣдніе дни, или вообще

нервное сильное напряженіе мѣшало, но уснуть я не могъ и ворочался до тѣхъ поръ, пока не начало разсвѣтать. Рядомъ слышался безпрерывный шумъ и стукъ дверей—это пріѣзжали, одинъ за другимъ, конные ординарцы съ донесеніями. Къ 4-мъ часамъ утра, впрочемъ, все затихло. Впослѣдствіи выяснилось, что японцы предприняли ночную атаку, но были встрѣчены нашей артиллеріей и ружейнымъ огнемъ и отошли къ своимъ позиціямъ.

Утро было восхитительное. Напившись чаю, я сѣлъ на свѣжаго коня и поѣхалъ на передовыя позиціи, съ планомъ въ рукахъ.

Мѣстность на западъ отъ желѣзной дороги представляетъ собою огромную равнину, безъ малѣйшей возвышенности; по этой равнинѣ разбросаны тамъ и сямъ китайскія деревни, окруженныя деревьями. Деревни издали такъ похожи одна на другую и ихъ такъ много, что, несмотря на карту, легко сбиться съ пути, тѣмъ болѣе, что карты далеко не всегда вѣрны, а названія деревень, по большей части, перевраны. Да и сами китайцы сплошь и рядомъ не знаютъ названія той деревни, гдѣ они живутъ, а можетъ и знаютъ, да не хотятъ сказать— кто ихъ разберетъ.

Дорогъ почти нѣтъ, а если и есть слѣды конскаго пути, то зачастую онъ упирается въ гаоляновое поле и пропадаетъ. Мѣстами встрѣчаются небольшія межи, которыя тоже перерѣзываются полями.

Хорошо, что при мнѣ былъ компасъ, который и впослѣдствіи мнѣ нерѣдко помогалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Разъѣзжая по деревнямъ и разспрашивая китайцевъ, я нѣсколько разъ имѣлъ случай убѣждаться въ томъ, что они нарочно указывали мнѣ совершенно противоположное направленіе и неизмѣнный компасъ, мнѣ указывалъ на ихъ вѣроломство; если бы я полагался на указанія китайцевъ, то давно попалъ бы въ боевую линію японцевъ.

Проѣзжая по убраннымъ уже полямъ, можно замѣтить окопы только съ тыльной стороны, гдѣ видны лежащіе во рву солдаты и ряды ихъ ружей, спереди же окопы такъ мало подымаются отъ поверхности земли, и такъ хорошо замаскированы пучками брошеннаго гаоляна, что въ 20—25 шагахъ они почти совершенно незамѣтны.

Настолько же хорошо спрятана и наша артиллерія. Орудіе едва высовывается надъ поверхностью поля своимъ дуломъ, спрятавшись

въ вырытый ровъ. Прислуга около орудій тоже прячется въ ровики по обѣимъ сторонамъ орудія настолько хорошо, что можетъ считаться совершенно закрытою отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ. Этого, однако, нельзя сказать, когда непріятель обстрѣливаетъ батарею шрапнелью, т. е. такимъ снарядомъ, который, долетая до опредѣленнаго мѣста, разрывается и сотни пуль, находящихся внутри снаряда, разлетаются, вмѣстѣ съ осколками его стѣнокъ и осыпаютъ сверху огромную площадь.

Не дай Богъ батареѣ попасть подъ густой огонь шрапнельныхъ снарядовъ—это все равно, что попасть подъ свинцовый дождь.

Пришлось побывать и въ пѣхотныхъ окопахъ, и въ артиллерійскихъ. На одну изъ батарей я попалъ во время огня и имѣлъ возможность, чрезъ бинокль, наблюдать за результатами стрѣльбы, т. е., правильнѣе сказать,—за мѣстомъ разрыва и высотою его.

Артиллерія во время стрѣльбы даже не знаетъ, есть ли непріятель тамъ, куда она стрѣляетъ, т. е. бьетъ на ощупь, или какъ говорятъ, нащупываетъ противника, обстрѣливая впереди лежащія мѣста площадями и перенося огонь съ одной площади на другую. Конечно, при такой стрѣльбѣ нерѣдко напрасно расходуется масса снарядовъ и даромъ утомляются люди, но на батареѣ этого никто не знаетъ и знать не можетъ. Впрочемъ, виноватъ, знать можно при условіи, если бы у насъ была организована развѣдывательная артиллерійская служба. Японцы почти до послѣднихъ дней знали, гдѣ находятся наши батареи и, имѣя отличныя карты, съ точнымъ опредѣленіемъ разстоянія, стрѣляли навѣрняка. О мѣстѣ расположенія нашихъ батарей японцамъ сообщали китайцы, сигнализируя имъ, чѣмъ только можно. Мирный китаецъ, жившій въ той же деревнѣ, около которой расположилась наша батарея или какая-либо другая часть, бралъ за пазуху своей широкой синей кофты красную тряпку, или даже бумагу, или зеркало и спокойно выходилъ изъ деревни; такъ же спокойно онъ взбирался на какую-нибудь сопку, или дерево, и навязавъ тряпку или бумагу на гаоляновый длинный стебель или какой-нибудь прутъ, условнымъ маханьемъ давалъ знать японцамъ о расположеніи нашей батареи, или другой части.

Такіе сигналы видны на далекое разстояніе,а еще лучше и чище сиг

налы подаются зеркаломъ: въ солнечный день зеркаломъ можно подать сигналъ на 7—8 верстъ очень ясно, особенно если принять во вниманіе совершенно ровное мѣсто, гдѣ находились наши войска и большое количество высокихъ наблюдательныхъ пунктовъ на линіи расположенія японскихъ войскъ. По картѣ японцы опредѣляли, съ точностью до 10 саженъ, разстояніе до показаннаго имъ китайцами пункта и открывали по этому мѣсту стрѣльбу шрапнелью, засыпая огромную площадь пулями и осколками. Иногда вмѣсто шрапнелей, японцы обстрѣливали насъ бризантными снарядами. Къ счастью, до сихъ поръ еще не существуетъ такихъ совершенныхъ трубокъ, чтобы эти снаряды рвались безъ отказа; обыкновенно, въ среднемъ, на каждые 50—100 бризантныхъ снарядовъ бывалъ одинъ разрывъ, но за то дѣйствіе его страшно разрушительно.

Когда я былъ на батареѣ, командиръ ея разсказалъ мнѣ, что онъ, замѣтивъ, что японцы пристрѣлялись къ его батареѣ,—ночью снялся съ позиціи и переставилъ орудія въ оврагъ, совершенно закрытый отъ непріятеля. Утромъ вдругъ задымилась труба въ пустой фанзѣ, находившейся позади батареи и вслѣдъ за этимъ японцы открыли огонь по батареѣ, перебивъ нѣсколько лошадей, пока ихъ не перевели на другое мѣсто, вмѣстѣ съ людьми. Очевидно, китаецъ-шпіонъ дымомъ далъ сигналъ японцамъ.

На слѣдующей батареѣ пришлось оставить лошадь и идти пѣшкомъ, такъ какъ японцы обстрѣливали конныхъ. На поляхъ попадались въ большомъ количетвѣ неразорвавшіеся тѣла снарядовъ, осколки ихъ, трубки шрапнелей, оборванныя патронныя сумки, вещевые мѣшки, окровавленное бѣлье....

И солдаты, и офицеры боевой линіи помѣщались въ земляныхъ окопахъ. Днемъ тепло, но ночью бывали морозы и спать въ этихъ окопахъ, не имѣя ничего другого, кромѣ сѣрой солдатской шинели,—ой, ой, какъ было скверно. Рыть землянки или устраивать какія-либо приспособленія—нельзя было, потому что это были передовые окопы и обнаруживать ихъ присутствіе недопустимо.

Генералъ Куропаткинъ приказалъ, въ виду возможности скораго наступленія сильныхъ холодовъ и запозданія въ доставкѣ полушубковъ,—пріобрѣсти, пока, теплую китайскую одежду, т.-е. ват-

ныя курмы, халаты и теплые носки и роздать войскамъ, не въ зачетъ теплой одежды. Это была очень разумная мѣра и какъ разъ во-время.

Бодрость, спокойствіе, увѣренность въ себѣ—вотъ что я замѣтилъ въ войскахъ корпуса, объѣзжая ихъ позиціи, особенно среди артиллеристовъ. Пѣхотныя части были сформированы изъ резервныхъ, т.-е. почти всѣ нижніе чины поступили изъ запаса, между тѣмъ какъ артиллерійскія части только развернулись по штатамъ военнаго времени, прибывъ съ прекрасно обученными нижними чинами, отбывающими обязательную службу по общей воинской повинности. Генералъ Соболевъ поселился со своимъ штабомъ недалеко отъ передовой линіи, чтобы быть ближе къ своимъ войскамъ, въ необходимый для того моментъ. Тогда уже говорили, что 6-му корпусу придется принять активное участіе въ общемъ наступленіи нашей арміи, выйдя изъ положенія стратегическаго резерва.

При мнѣ привезли въ окопы въ походной кухнѣ горячую пищу. Продовольственная часть поставлена была хорошо: солдатъ имѣлъ во-время все то, что ему положено. Правда, щи или супъ были не такъ вкусны, какъ въ Россіи, но этому помочь было невозможно.

Китайская капуста, изъ которой здѣсь варили щи, на вкусъ прѣсная и не даетъ щамъ той остроты, къ которой привыкъ русскій солдатъ. Ни уксусъ, ни лимонная кислота, ни стручковый перецъ не могли придать здѣшнимъ щамъ того вкуса, который получается отъ русской квашеной капусты. Картофель тоже замѣнялся бобами, къ которымъ русскій солдатскій желудокъ сразу не могъ примѣниться. Рисъ солдаты ѣли охотно, такъ же, какъ и кашу изъ гаоляновой крупы, очень напоминающую гречневую кашу и видомъ, и вкусомъ. Удивительное растеніе этотъ гаолянъ, или «ковыльянъ», какъ его окрестили наши солдатики. Стебель гаоляна идетъ на покрытіе крышъ, устройство изгородей, плетеніе цыновокъ, и на различныя другія подѣлки и кромѣ того служитъ топливомъ. Не обмолоченныя кисти гаоляна служатъ кормомъ для лошадей и скота, а обмолоченное зерно обдираютъ на крупу, которая идетъ въ пищу людямъ.

Октябрьскіе бои.

Наши войска перешли въ наступленіе и по всей линіи шелъ бой. Приказъ генерала Куропаткина о наступленіи съ восторгомъ читался во всей арміи. Всѣ рвались впередъ, хотя многіе и выражали сомнѣніе въ томъ, что намъ удастся отбросить японцевъ: надо было подождать прибытія хотя-бы одного корпуса и укомплектовать полки и батареи нижними чинами и офицерами, взамѣнъ убитыхъ, чтобы нѣсколько уравнять силы. Изъ центра къ намъ постоянно приходили противорѣчивыя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ: то мы перешли въ наступленіе и потѣснили японцевъ, то они выбили насъ съ передовыхъ позицій и заняли укрѣпленныя нами деревни.

Нашъ корпусъ вошелъ въ составъ праваго фланга и стоялъ, если не ошибаюсь, на крайнемъ флангѣ, заслономъ.

29-го утромъ командиръ корпуса предполагалъ выѣхать на позиціи. Я получилъ отъ него разрѣшеніе сопутствовать ему при его штабѣ. Были получены какія-то важныя свѣдѣнія изъ боевого участка.

Предполагалось, что вернемся поздно и сдѣлано было распоряженіе выслать намъ обѣдъ и ужинъ на какой-то временный бивакъ. Мы выѣхали въ 11 час. утра.

Вотъ и наши батареи виднѣются. Всѣ слѣзли съ коней и пошли пѣшкомъ. Попадаемъ на батарею.

Орудія стоятъ въ какихъ-то ямахъ, поднявъ свои стальныя жерла, а около нихъ, тоже въ ямахъ, прикрытыхъ сверху землей, копошится прислуга. Вдали, на обоихъ флангахъ, виднѣется изогнутая линія окоповъ; люди сидятъ во рву, изъ котораго виднѣются только ихъ головы. Командиръ корпуса проходитъ по линіи, разговаривая съ командирами частей. Издали слышится ружейная перестрѣлка и орудійные раскаты. Но вдругъ всѣ встрепенулись. Прилетѣлъ конный ординарецъ съ какимъ-то важнымъ извѣстіемъ. Командиръ корпуса встревожился и отошелъ съ начальникомъ штаба въ сторону. Видно, что свѣдѣнія получены очень серьезныя. Не подлежитъ сомнѣнію, что нашъ корпусъ вступаетъ въ серьезный бой. Вотъ еще ординарецъ...

Командиръ корпуса спѣшно поворачиваетъ назадъ, къ лошадямъ. Мы всѣ садимся на коней и ѣдемъ. Неужели въ бой! По дорогѣ опять ординарецъ. Пріѣзжаемъ на какія-то новыя позиціи. Я держусь въ сторонѣ и не рѣшаюсь спросить въ чемъ дѣло: хорошо, что позволили здѣсь находиться—гдѣ уже соваться съ праздными вопросами. Какъ потомъ выяснилось, съ утра нѣкоторые полки нашего корпуса вступили въ бой съ японцами и хотя понесли большія потери, но удержались на позиціяхъ, а къ вечеру должны были отойти, въ виду отступленія сосѣдняго 17-го корпуса.

Уже совсѣмъ стемнѣло и мы пріѣхали въ какую-то деревню, гдѣ, насколько мнѣ помнится, предъ тѣмъ помѣщался штабъ 72 дивизіи. Въ темнотѣ пробираемся по деревнѣ, запруженной командами нижнихъ чиновъ. Предполагаю, что это поднятъ резервъ, который выдвигаютъ впередъ. Надо гдѣ-нибудь искать помѣщеніе. Захожу въ первую попавшуюся фанзу и нахожу тамъ ординарца командира корпуса, графа Т. и еще 3-хъ офицеровъ. На уцѣлѣвшемъ столѣ зажженъ огарокъ. Холодно, голодно и какое-то томительно-тягостное чувство. Догадываешься, что тамъ, гдѣ-то недалеко, разгорается бой и представляешь себѣ эту ужасную картину, гдѣ смерть коситъ тысячи людей, которые, сами не зная за что, бьютъ другихъ такихъ-же людей и подставляютъ свои лбы подъ пули тѣхъ, кого они сами собираются разстрѣливать.

Къ графу Т. безпрерывно приходятъ все новые и новые ординарцы съ донесеніями и постоянно слышишь его возгласы: «позвать дежурнаго ординарца»: это значитъ—посылка приказаній въ боевую линію. Роль ординарцевъ исполняютъ казаки 10-го Оренбургскаго полка. Ночью, въ незнакомой странѣ, безъ дорогъ, безъ «языка» они удивительно хорошо оріентируются и всегда очень быстро разыскиваютъ адресата. И у казаковъ, и у ихъ лошадей какое-то дьявольское чутье и особое зрѣніе, благодаря которымъ въ непроглядную ночь казакъ все-таки доѣдетъ до цѣли своего пути. На войнѣ это безцѣнный родъ войска.

Около часу ночи, наконецъ, графъ Т. успокоился. Одинъ изъ казаковъ принесъ котелокъ горячей воды; Т. всыпалъ туда консервовъ сухого бульона, досталъ нѣсколько кусочковъ сухарей, деревянныя ложки у казаковъ и мы мирно раздѣлили этотъ скромный ужинъ. Холодъ

все-таки давалъ себя чувствовать. Я въ одной шведской курткѣ лежу на канѣ, подложивъ руки подъ голову и никакъ не могу согрѣться. Такъ же, какъ и я, ежатся и остальные. Усталость и сонъ все-таки свое берутъ...

Въ 6-мъ часу утра приходитъ ко мнѣ вѣстовой отъ командира корпуса. Иду. Генералъ уже всталъ.

— Идите къ начальнику штаба и выпейте чашку чаю, а это вамъ на закуску.

Съ этими словами, генералъ отрѣзалъ мнѣ отъ небольшого кусочка голландскаго сыра четвертую часть и одинъ ломтикъ хлѣба.

— Больше дать не могу. Остальное надо подѣлить еще на троихъ.

У начальника штаба я получилъ 2 кружки жиденькаго чая, но съ какимъ наслажденіемъ я выпилъ этотъ чай и закусилъ сыромъ.

Здѣсь я узналъ, что японцы большими силами бросились на войска нашего корпуса и центра, и нашимъ резервнымъ полкамъ пришлось принять очень серьезное боевое крещеніе. Несмотря на сильный и стремительный ударъ японцевъ, мы не только удержали за собою позиціи, но два нашихъ полка перешли въ наступленіе, получивъ задачу возстановить прорывъ сосѣдняго корпуса, уже три дня выдерживавшаго сильный натискъ непріятеля.

Приказано сѣдлать лошадей. Выѣзжаемъ. Ливень, какъ изъ ведра.

Говорятъ, что ѣдемъ навстрѣчу Юхновскому и Епифанскому полкамъ, принявшимъ нынче боевое крещеніе и возвращающимся съ боевой линіи, куда, на смѣну, посланы другія части.

Дѣйствительно, вскорѣ начинаютъ намъ попадаться небольшія команды Юхновцевъ. Отъ времени до времени слышатся возгласы командира корпуса:

— Здорово, молодцы. Спасибо за службу!

Но Боже, какой видъ имѣли эти молодцы!

Шинели до пояса совершенно желтыя отъ грязи, которая густыми кусками облѣпила сапоги. Видъ утомленный, несмотря на то, что стараются подбодриться при прохожденіи предъ начальствомъ. Въ нѣкоторыхъ ротахъ едва можно насчитать сотню вмѣсто 250 человѣкъ.

Мнѣ удалось подмѣтить у многихъ изъ проходящихъ солдатъ горделивое чувство радости, точно каждый изъ нихъ относилъ эту благо-

дарность лично къ себѣ. Вѣроятно каждый изъ этихъ незамѣтныхъ маленькихъ людишекъ сознавалъ въ этотъ моментъ, что онъ принималъ участіе и игралъ видную роль въ томъ большомъ дѣлѣ, которое сейчасъ происходило и сердца ихъ загорались гордостью въ сознаніи выполненной роли и вѣроятно эта минута никогда не изгладится изъ ихъ памяти. Во-время и умѣло сказанное слово можетъ изъ зауряднаго солдата сдѣлать льва и хорошій начальникъ непремѣнно долженъ быть психологомъ и знатокомъ солдатской души, чтобы въ минуту необходимости превратить его въ героя.

Вотъ и временно командующій Юхновскимъ полкомъ — командиръ батальона. Подъѣзжаетъ къ командиру корпуса и рапортуетъ о потеряхъ: командиръ полка раненъ, одинъ батальонный убитъ, одинъ раненъ, 15 офицеровъ и около 1000 человѣкъ нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя.

Докладываетъ, а у самого голосъ дрожитъ отъ волненія: въ какой-нибудь, можетъ быть, одинъ часъ и такія потери среди своихъ товарищей-однополчанъ, да и самому сколько сильныхъ ощущеній пришлось пережить. Видишь всѣ эти проходящія команды, слышишь привѣтственные шаблонные возгласы командира корпуса—точно во снѣ, именно какъ во снѣ, когда видишь какой-нибудь страшный сонъ: хочешь кричать—голоса нѣтъ, хочешь бѣжать,—ноги парализованы. И тутъ, сейчасъ, чувствуется, что какая-то сила парализовала мыслительныя способности и не можешь сосредоточиться ни на чемъ, а между тѣмъ чувствуешь, что какая-то одна страшная мысль засѣла въ головѣ и копошится тамъ въ мозгахъ, но какъ ни силишься, не можешь ее уловить и дать ей опредѣленную форму. Случилось что-то ужасное, тамъ, недалеко, откуда идутъ эти люди, эта «сѣрая скотинка», посланная кѣмъ-то и для чего-то на убой и возвращающаяся съ бойни, гдѣ царитъ смерть, широко раскрывъ свои объятья и уноситъ смѣльчаковъ, которые съ безумной отвагой бросились ей навстрѣчу...

Пропустивъ мимо себя команды, командиръ ѣдетъ на перевязочный пунктъ. Дождь пересталъ и выглянуло солнце; начинаешь согрѣваться.

Вдали показался огромный шатеръ, на которомъ высоко развивался флагъ съ крестомъ кроваваго цвѣта.

Господи! Вотъ гдѣ я почувствовалъ весь ужасъ войны! Шатеръ былъ заполненъ ранеными, надъ которыми работало нѣсколько врачей и сестеръ милосердія съ засученными выше локтя, окровавленными руками, въ красныхъ отъ человѣческой крови передникахъ.

Вездѣ все кровь и кровь, точно на бойнѣ, гдѣ потрошатъ битый скотъ. Отъ времени до времени изъ палатки выбрасываютъ въ выкопанную тутъ-же яму охабки окровавленныхъ кусковъ ваты, тряпокъ, рванаго бѣлья, съ запекшеюся почти черной кровью, которая смѣшалась съ желтой грязью; вмѣстѣ съ этими отбросами иногда мелькаютъ бѣлыя, какъ воскъ, ампутированныя руки, ноги....

Санитары, съ бѣлыми повязками на лѣвой рукѣ, мѣрнымъ шагомъ, въ ногу, одинъ за другимъ, подносятъ носилки съ ранеными и ставятъ ихъ около шатра, подъ-рядъ. Сдѣлавъ свое дѣло, идутъ, молча, за свободными носилками и быстро исчезаютъ за новыми жертвами. Это все тяжело раненые, большею частью въ безпамятствѣ. Отъ волненія у меня подгибаются ноги, но какая-то неудержимая сила тянетъ меня ближе къ нимъ, къ этимъ несчастнымъ страдальцамъ. Вотъ, ближе къ шатру, лежитъ бородачъ, съ искаженнымъ отъ боли блѣднымъ лицомъ и громко стонетъ; онъ прикрытъ шинелью, густо пропитанной у ногъ кровью. Подошедшій къ носилкамъ фельдшеръ приподнялъ шинель—вмѣсто правой ноги выглядывалъ только кусокъ ея, обмотанный въ красную отъ сочившейся крови повязку: отъ колѣна нога была оторвана. У другого все лицо залито кровью, которая медленно вытекаетъ изъ-подъ сбившейся на головѣ повязки; онъ въ безпамятствѣ и только колыхающаяся грудь показываетъ, что онъ еще живъ. Тамъ, дальше, какой-то раненый хрипитъ и дико вращаетъ безсмысленными глазами и съ каждымъ хрипомъ у него изо рта выливается темная кровь. Вотъ снова принесли носилки и поставили около меня; на нихъ совершенно спокойно лежалъ раненый съ бѣлымъ, точно восковымъ лицомъ. Мнѣ казалось, что этотъ раненый переживалъ послѣднія минуты и уже не чувствовалъ болей и я не ошибся—чрезъ нѣсколько минутъ по тѣлу раненаго пробѣжала судорога, онъ весь точно вздрогнулъ и застылъ навѣки. Изъ шатра выходитъ докторъ и подходитъ къ ближнимъ носилкамъ; лежащій на нихъ раненый, блѣдный, съ всклокоченной, обнаженной головой, прилипшими ко

лбу мокрыми прядями волосъ, приподымаетъ въ это время голову, вытягиваетъ кверху руки и съ сдавленнымъ хрипомъ вновь падаетъ навзничь. Врачъ подходитъ къ нему, щупаетъ пульсъ, дотрагивается до сердца и молчаливымъ жестомъ показываетъ санитарамъ на другой конецъ шатра, гдѣ госпитальный священникъ уже исполняетъ печальный обрядъ надъ «въ брани убіенныхъ», лежащихъ у свѣже вырытой братской могилы....

Боже, сколько смертей, сколько калѣкъ на всю жизнь, сколько сирыхъ семей, оставшихся безъ кормильцевъ!..

Ужасъ, ужасъ! За что?.. За что руками неизвѣстныхъ намъ людей, которые мирно жили въ другомъ полушаріи, казнено и изувѣчено столько здоровыхъ, полныхъ жизни и силъ людей!

Ужаснѣе всего—это совершенная безцѣльность этихъ массовыхъ казней невинныхъ людей и то, что казнены они не за какіе-нибудь проступки, а только за то, что они безпрекословно выполняли свой долгъ, повинуясь приказу начальства. И вотъ, что еще ужасно: эта массовая казнь, эта страшная, ненужная бойня вызвана тѣмъ, что плохой начальникъ неумѣло распорядился во время боя и благодаря его грубой и глупой ошибкѣ столько ввѣренныхъ его попеченію людей погибло и пострадало. Я уже упоминалъ, что нѣкоторые командиры частей, вмѣсто того, чтобы готовиться къ войнѣ, погрузились въ личныя заботы, а тутъ еще какъ разъ два изъ нихъ, съ объявленіемъ мобилизаціи, женились и проводили медовый мѣсяцъ. Одинъ изъ этихъ господъ и завелъ свою часть въ клинъ, подъ перекрестный огонь японцевъ, да и повелъ-то своихъ солдатъ чуть-ли не сомкнутой колонной.

Много раненыхъ приходитъ, опираясь на ружья, или на плечи здоровыхъ товарищей. Отъ нихъ не слышно ни стоновъ, ни жалобъ; они терпѣливо дожидаются своей очереди, пока не кончатъ съ «тяжелыми» или же идутъ дальше, къ станціи, гдѣ ихъ, вѣроятно, дожидается санитарный поѣздъ.

А надъ всей этой ужасной картиной человѣческихъ страданій и смерти, на безоблачномъ небосводѣ, величаво выплываетъ ослѣпительное солнце и въ своемъ гордо спокойномъ, безмятежномъ величіи, какъ-бы говоритъ: я даю всѣмъ жизнь и для меня всѣ равны и если

безумцы сами не хотятъ пользоваться самымъ дорогимъ своимъ благомъ—жизнью и въ своей безумной ярости посягаютъ на жизнь другихъ—мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла; они ничто, маленькая песчинка въ сравненіи съ остальнымъ міромъ, который всегда съ радостью встрѣчаетъ мое появленіе...

Около шатра были собраны двуколки, на которыхъ предстояло перевезти раненыхъ на ст. Суятунь и передать ихъ на санитарные поѣзда. Тѣ легко раненые, которымъ была сдѣлана перевязка на первомъ перевязочномъ пунктѣ, на позиціяхъ, предпочли идти пѣшкомъ, чѣмъ трястись на этихъ невозможныхъ двуколкахъ. Если на томъ свѣтѣ существуютъ муки, то я, незлобивый человѣкъ, пожелалъ бы, что бы того, кто подалъ мысль о перевозкѣ раненыхъ на двуколкахъ и того, кто привелъ ее въ исполненіе,—цѣлый мѣсяцъ, безъ отдыха,возили-бы на этихъ «зубодробилкахъ», какъ у насъ называли двуколки.

Это такая повозка, на которой и здоровый человѣкъ много не проѣдетъ по плохой дорогѣ, особенно въ лежачемъ положеніи, а для раненаго перевозка на этомъ инструментѣ—настоящая пытка, особенно если принять въ соображеніе, что большинство ранъ было въ животъ, т. е. такихъ ранъ, когда раненому нуженъ абсолютный покой.

Военный обозъ составляетъ слабую сторону нашей арміи. Сами по себѣ, повозки страшно громоздки, неустойчивы, тяжелы и неповоротливы; этимъ, отчасти, объясняется, почему, при походномъ движеніи, обозы I разряда, обыкновенно, всегда отстаютъ отъ своихъ частей. Если нашу пароконную повозку сравнить съ простой крестьянской телѣгой, то сравненіе всегда будетъ въ пользу послѣдней, а финляндскія двуколки неизмѣримо выше нашихъ обозныхъ двуколокъ, во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ легкости, а въ настоящую войну, при передвиженіи въ горахъ, это качество должно было быть поставлено на первомъ планѣ. На моихъ глазахъ одинъ и тотъ-же обозъ три раза проходилъ мимо перевязочнаго пункта, два раза возвращаясь къ одному и тому же мѣсту, такъ какъ не зналъ, куда ему нужно идти. Командиры обозовъ и ихъ помощники непремѣнно должны быть снабжены картами и диспозиціями, съ указаніемъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ должны находиться обозы.

Въ теченіе двухъ боевыхъ дней чрезъ дивизіонные лазареты нашего корпуса прошло 1515 раненыхъ нашихъ полковъ и 1100—сосѣдняго корпуса; всѣмъ, кому нужно, была сдѣлана вторая перевязка и затѣмъ раненые были тотчасъ-же эвакуированы. Медицинскому персоналу и санитарамъ пришлось много поработать, чтобы принять, осмотрѣть, перевязать и отправить дальше 2615 раненыхъ и все это сдѣлано, такъ сказать, своими средствами, безъ содѣйствія и какой либо помощи отъ учрежденій Краснаго Креста.

Нынѣшняя война была безпримѣрна по числу раненыхъ и убитыхъ, и это обстоятельство, вѣроятно, не имѣлось въ виду при установленіи правилъ и штатовъ санитарной службы; поэтому штатъ санитаровъ, по 8 человѣкъ на роту, оказался слишкомъ незначительнымъ. Обыкновенно, переноска тяжело-раненаго производится четырьмя санитарами, стало-быть ротная команда санитаровъ можетъ вынести изъ боя всего двухъ раненыхъ. Вслѣдствіе этого, обязанности санитаровъ, поневолѣ, приходилось возлагать на строевыхъ чиновъ, которые находятся въ бою и такимъ образомъ ослаблять боевую силу части. Я думаю, что было-бы раціональнѣе команды санитаровъ составлять изъ тѣхъ призывныхъ, которые были, при первомъ призывѣ, зачислены ратниками ополченія. Мнѣ приходилось потомъ нѣсколько разъ видѣть, какъ раненаго, который шелъ самъ, безъ посторонней помощи, сопровождали два нижнихъ чина: одинъ несъ его винтовку, а другой—вещевой мѣшокъ. Взявши на себя добровольно обязанности санитаровъ, эти нижніе чины, подъ благовиднымъ предлогомъ, выбывали изъ строя во время дѣла, когда каждая винтовка, каждый штыкъ такъ необходимъ.

Ежедневно шли бои то тутъ, то тамъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ. Войска круглыя сутки находились безсмѣнно въ окопахъ, которые, мѣстами, подходили къ японскимъ на 1000 шаговъ, а въ одномъ мѣстѣ (около деревни Лин-шин-пу) нашъ небольшой отрядъ занималъ укрѣпленную позицію не болѣе, какъ на разстояніи 500 шаговъ отъ японцевъ, такъ что иногда были слышны голоса противниковъ.

Во время двухнедѣльнаго непрерывнаго боя на всей линіи, наиболѣе серьезнымъ изъ отдѣльныхъ дѣлъ слѣдуетъ считать борьбу изъ-за сопки съ деревомъ, или какъ ее впослѣдствіи назвали—Путиловской

сопки. Путиловская сопка было особенно для насъ важна тѣмъ, что, въ случаѣ внезапнаго и энергичнаго наступленія арміи Куроки на нашъ центръ, эта сопка угрожала наступающему непріятелю сильнымъ фланговымъ огнемъ.

Общая обстановка боевъ за это время рисуется въ такомъ видѣ: нашъ корпусъ вошелъ въ составъ западнаго отряда и занялъ позицію на правомъ флангѣ расположенія арміи. Уже къ вечеру 29-го числа корпусному командиру было сообщено, что непріятель въ большихъ силахъ предполагаетъ сдѣлать обходъ нашего праваго фланга и, снявъ наше правое крыло, занять Мукденъ.

Въ виду этого предупрежденія, слагалась грозная стратегическая обстановка.

Корпусъ, состоявшій изъ стариковъ резервистовъ, долженъ былъ принять на себя ударъ арміи Оку и воспрепятствовать его обходному движенію и вмѣстѣ съ тѣмъ, вести наступленіе по линіи сосѣдняго 17-го корпуса, охраняя его правый флангъ. Корпусу приходилось двигаться въ мѣшокъ, образуемый занятыми непріятелемъ позиціями и двигаться съ закрытыми глазами, такъ какъ въ составѣ войскъ корпуса не было кавалеріи, которая несетъ развѣдочную службу и охраняетъ фланги позицій.

Утромъ 1-го октября 4 полка двинулись двумя колоннами; лѣвой колоннѣ пришлось выбивать японцевъ изъ сильно укрѣпленной деревни Чан-лин-пу и подъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ колонна дрогнула. Начальникъ 55 дивизіи, во главѣ шедшихъ сзади поддержекъ, повторилъ ударъ, но долженъ былъ отступить на прежнія позиціи. Въ этомъ бою лѣвая колонна понесла очень большія потери: 34 офицера и 1343 нижнихъ чина выбыло изъ строя. Начальникъ дивизіи былъ раненъ въ ногу.

Особенно большія потери понесъ Юхновскій полкъ, который былъ выведенъ изъ боевой линіи, а вмѣсто него былъ введенъ изъ резерва Кирсановскій полкъ.

При этомъ наступленіи японцы были сбиты съ нѣкоторыхъ позицій правой колонной и съ наступленіемъ темноты бой прекратился и было приступлено къ укрѣпленію взятыхъ позицій.

Рано утромъ японцы открыли по нашимъ позиціямъ сильный артиллерійскій огонь и завязалась орудійная перестрѣлка. Японцы перешли въ наступленіе и стали сильно тѣснить правый флангъ 17 корпуса, который началъ подаваться. Образовался между нашимъ и 17 корпусомъ промежутокъ, сквозь который могли прорваться японцы. Спѣшно изъ резерва былъ выдвинутъ въ этотъ промежутокъ Мценскій полкъ нашего корпуса и дальнѣйшее движеніе японцевъ было пріостановлено.

Въ ночь со 2-го на 3-ье октября было получено приказаніе съ разсвѣтомъ перейти нашему корпусу въ наступленіе противъ лѣваго фланга японцевъ. Открыли сильный артиллерійскій огонь для подготовки атаки и двинулись впередъ, но было получено распоряженіе командующаго арміею о томъ, чтобы пріостановить наступленіе. И съ этого времени войска корпуса оставались на занятыхъ ими позиціяхъ, не имѣя серьезныхъ дѣлъ, а въ рединѣ октября корпусъ былъ передвинутъ къ востоку отъ желѣзной дороги, и занялъ позицію, упираясь своимъ лѣвымъ флангомъ на Новгородскую и Путиловскую сопки.

4-го октября я выѣхалъ въ тылъ нашего корпуса для производства фактической ревизіи тыловыхъ хозяйственныхъ учрежденій и заведеній. Когда я пріѣхалъ въ обозъ штаба корпуса, со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы на командира обоза, ротмистра Р. Нѣсколько нижнихъ чиновъ заявили мнѣ, что имъ отпускаютъ мяса по $^1/_4$ фунта, вмѣсто фунта и въ доказательство принесли мнѣ порціонные куски, вѣсомъ по 15 золотниковъ. Казаки, состоявшіе при обозѣ, заявили, что командиръ обоза не отпускаетъ имъ фуража, и приказываетъ доставать у китайцевъ даромъ, сирѣчь грабить, между тѣмъ командиръ ихъ полка предупредилъ своихъ казаковъ, что за мародерство будетъ ихъ разстрѣливать. Вслѣдъ за казаками явился ко мнѣ китаецъ съ жалобой, что за взятый у него фуражъ командиръ обоза ничего не хотѣлъ ему платить, но, узнавъ про мой пріѣздъ, поспѣшилъ уплатить ему половину стоимости взятаго, а онъ, китаецъ, требуетъ уплаты полностью. Вмѣстѣ съ китайцемъ явились и нижніе чины, которые по приказанію ротмистра Р. получили отъ этого китайца фуражъ; они удостовѣрили справедливость жалобы китайца. Хотя какое-бы

то ни было разслѣдованіе и не входило въ кругъ моихъ обязанностей, но злоупотребленія были такъ очевидны, что я, оплативъ претензію китайца изъ своего кармана для поддержанія престижа русской власти, по пріѣздѣ въ штабъ обо всемъ доложилъ командиру корпуса и чрезъ $^1/_2$ часа послѣ моего доклада уже былъ изданъ приказъ о смѣщеніи ротмистра Р. и назначеніи на его мѣсто ординарца командира корпуса, штабсъ-капитана З. Это было очень удачное назначеніе.

Мною уже упомянуто было, что корпуснымъ интендантомъ былъ назначенъ совершенно не отвѣчавшій этому назначенію старый полковникъ К—ій.

Когда командиръ корпуса послалъ его изъ Москвы впередъ, онъ доѣхалъ до Харбина, гдѣ прожилъ двѣ недѣли и все это время абсолютно ничего не дѣлалъ, а когда почти весь корпусъ прибылъ въ районъ сосредоточенія войскъ, К. исхлопоталъ разрѣшеніе пользоваться 2-мя хлѣбопекарнями, находившимися въ Мукденѣ. Возложивъ хлопоты по довольствію войскъ корпуса на дивизіонныхъ интендантовъ, полковникъ К. всю свою дѣятельность проявилъ лишь въ заготовкѣ нѣсколькихъ саженъ дорогихъ дровъ для хлѣбопекарень. Самъ К. поселился на этапѣ при станціи Мукденъ, занявъ часть и безъ того страшно тѣснаго помѣщенія, предназначеннаго для прибывающихъ на укомплектованіе арміи офицеровъ. Въ то время, какъ всѣ разыскивали интенданта, онъ сидѣлъ на этапѣ и не подавалъ о себѣ никакого голоса, а такъ какъ на немъ лежала обязанность ассигнованія денегъ войскамъ корпуса, поэтому онъ заранѣе подписалъ пачку бланокъ ассигновокъ, которые и передалъ для пользованія бухгалтеру. При желаніи, бухгалтеръ могъ выписать по этимъ бланкамъ изъ казначейства какую угодно сумму денегъ и на чье угодно имя, но, по счастью, бухгалтеръ былъ честнѣйшій человѣкъ.

Совершенно случайно, пріѣхавши въ Мукденъ, я встрѣтилъ близъ станціи полковника К. и такимъ образомъ нашелъ его резиденцію. Я потребовалъ прекращенія имъ покупокъ дровъ въ Мукденѣ и, указавъ ему на необходимость закупки большими партіями, на сѣверѣ, гдѣ цѣна стояла въ $2^1/_2$ раза ниже, предложилъ ему командировать туда чиновника съ представителемъ контроля.

Командиръ корпуса, убѣдившись въ непригодности К., просилъ объ отставленіи его отъ должности и назначеніи другого лица. Распоряженіемъ интенданта арміи вмѣсто К—го къ намъ былъ назначенъ полковникъ Т.

Для удобства снабженій корпуса изъ Мукденскаго продовольственнаго магазина, полковникъ К. открылъ на станціи Суятунь (къ югу отъ Мукдена) корпусный магазинъ. При ревизіи этого учрежденія выяснилось, что завѣдующій магазиномъ прапорщикъ запаса Ю. совершенно незнакомъ съ дѣломъ и не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ отчетности. Не получивъ никакой инструкціи и никакихъ книгъ, бѣдный Ю. очень взволновался, когда я выяснилъ ему его обязанности по веденію отчетности и отвѣтственность, которой онъ подвергается. При моей помощи, онъ завелъ приходо-расходную книгу и намъ кое-какъ удалось возстановить всѣ обороты склада. Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось наталкиваться на случаи замѣщенія отвѣтственныхъ должностей въ хозяйственныхъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ лицами, совершенно неподготовленными къ дѣлу, какъ напримѣръ, смотрители госпиталей, начальники продовольственныхъ и санитарныхъ транспортовъ, завѣдующіе хлѣбопекарнями, расходными магазинами I-ой линіи, дѣлопроизводители на этапахъ и т. п.

Большинство этихъ лицъ никогда ни съ какой отчетностью не имѣли дѣла и положеніе о хозяйствѣ въ войскахъ было для нихъ terra incognita.

Назначеніе такихъ лицъ на отвѣтственныя должности было большой ошибкой, но, къ несчастью, вслѣдствіе обычной нашей халатности, у насъ въ мирное время не готовятся къ войнѣ и мобилизація во время послѣдней войны обнаружила такую-же неподготовленность, какъ и предъ Русско-Турецкой войной.

Пока нашъ корпусъ занималъ позиціи къ западу отъ полотна, штабъ корпуса, въ короткій промежутокъ времени, перемѣнилъ нѣсколько биваковъ.

Въ виду того, что въ теченіе послѣднихъ дней было нѣсколько случаевъ стрѣльбы изъ фанзъ въ проѣзжавшихъ черезъ деревни офицеровъ, то корпусный командиръ приказалъ, по мѣрѣ занятія

войсками деревень, выселять всѣхъ китайцевъ изъ фанзъ и отправлять ихъ на сѣверъ, къ Мукдену. Такое распоряженіе, впрочемъ, вызвано было, главнымъ образомъ, желаніемъ освободиться отъ сигнальщиковъ. Благопріятныя для насъ послѣдствія этой мѣры тотчасъ-же сказались на результатахъ артиллерійскаго огня японцевъ: ни разу съ тѣхъ поръ, какъ китайцы были выселены изъ деревень и некому было сигналами показывать мѣсто расположенія нашихъ батарей,— у насъ не было пораженій отъ японской артиллеріи. При этомъ еще не надо забывать, что наши артиллеристы примѣнились къ японской тактикѣ и какъ только они замѣчали, что послѣдовательное обстрѣливаніе, со стороны японцевъ, площадями, должно захватить нашу батарею, они сейчасъ-же снимались съ позиціи и переходили на другое мѣсто, или же, если имѣлось, по близости, селеніе, заблаговременно прятали людей и лошадей въ закрытыя помѣщенія.

Конечно, выселеніе китайцевъ изъ деревень оправдывалось военной необходимостью, но все-таки насильственное выселеніе мѣстныхъ жителей изъ ихъ собственныхъ домовъ представляло собою актъ грубаго насилія. Мнѣ всегда жалко было бѣдныхъ китайцевъ, которые, наскоро собравъ свой скарбъ, увязывали его въ узлы и сопутствуемые цѣлой оравой разнаго возраста дѣтишекъ и своими мадамами (женщинами), уходили куда-то на сѣверъ; ихъ фанзы тотчасъ же занимались командами и если туда попадали нижніе чины, то двери и оконныя рамы уничтожались на топку подъ котелки.

Спѣшно выселяясь цѣлыми семьями, китайцы оставляли въ деревняхъ дряхлыхъ стариковъ. Помню одинъ случай, который врѣзался у меня въ памяти по силѣ впечатлѣнія. Мы заняли бивакомъ какую-то деревню, уже брошенную китайцами. Къ вечеру, когда шумъ бивачной жизни затихъ, многіе въ штабѣ услышали какіе-то стоны, точно изъ-подъ земли. Заинтересованные этимъ, нѣкоторые пустились на развѣдки и убѣдились, что стоны дѣйствительно слышны изъ какой-то ямы, на подобіе погреба, въ заднемъ дворикѣ фанзы. Яма была завалена огромными брусьями, какіе употребляются на китайскіе гробы. Такой брусъ съ трудомъ могутъ поднять 4 человѣка. Когда отвалили брусья, то въ ямѣ увидали древнихъ старика со старухою, совершенно голыхъ; это въ то время, когда уже начались

морозы. Нашъ переводчикъ объяснилъ намъ, послѣ разговора съ этими пещерными жителями, что они «прародители» той семьи, которая здѣсь проживала и такъ какъ они очень стары и не могли вынести путешествія на сѣверъ, поэтому ихъ рѣшили оставить здѣсь, но вмѣстѣ съ тѣмъ потомки разсудили, что такъ какъ эти прародители очень скоро должны отправиться на свиданье къ своимъ праотцамъ, особенно посидѣвъ въ морозной ямѣ и безъ пищи, то, чтобы не пропадало платье, рѣшили снять его съ почтенныхъ стариковъ и унести съ собою.

Прародителей одѣли въ старыя солдатскія шинели, отвели имъ уголъ въ одной изъ фанзъ и накормили ихъ солдатской пищей. Чрезъ нѣсколько дней штабъ ушелъ изъ этой деревни и что сталось съ стариками — не знаю. На слѣдующемъ бивакѣ, въ одной изъ брошенныхъ фанзъ, мы нашли совершенно голую древнюю старуху, оставленную потомками, которую тоже одѣли въ солдатскую шинель и помѣстили ее въ нашей фанзѣ.

Какъ я уже сказалъ, при занятіи нами китайскихъ деревень, жители спѣшно выселялись, унося съ собою наиболѣе цѣнные предметы, которые можно было захватить, а весь домашній скарбъ, утварь, запасы—оставлялись въ пользу непрошенныхъ гостей. Несчастные китайцы! за что они страдали?!. И какъ варварски обращались наши солдаты съ оставленнымъ имуществомъ. Глиняная посуда и домашняя утварь разбивалась въ черепки, красивые китайскіе сундуки рубились въ щепки, на растопку, содержимое валилось въ костры, а двери и рѣзныя оконныя рамы шли на топку. Словомъ, отъ жилой фанзы, въ которой только-что наканунѣ проживала большая китайская семья, оставались только однѣ стѣны, да крыши.

Конечно, вина за это падаетъ, главнымъ образомъ, на командный составъ. Офицеры обязаны были принять мѣры къ недопущенію этого, но съ грустью долженъ добавить, что мнѣ лично извѣстны нѣкоторые случаи, когда фанзы раззорялись не только съ разрѣшенія, но даже по распоряженію офицеровъ.

Нѣкоторые китайцы, отправивъ свои семьи на сѣверъ, сами оставались въ деревнѣ и были нѣмыми свидѣтелями гнуснаго поведенія пришельцевъ. Конечно, это не могло настроить миролюбивыхъ, не-

злобивыхъ китайцевъ въ пользу русскихъ и весьма понятная скрытая злоба, которую мы же, русскіе, въ нихъ вызвали, сыграла не последнюю роль въ нашихъ пораженіяхъ. Я уже упоминалъ о китайцахъ-сигнальщикахъ; надо полагать, что нѣкоторые изъ нихъ, изъ злобы на русскихъ, добровольно взяли на себя роль шпіоновъ. Послѣ распоряженія о томъ, чтобы всѣхъ китайцевъ выселять на сѣверъ, а пойманныхъ на передовыхъ позиціяхъ—высылать въ штабъ корпуса, безпрерывно ловили «шпіоновъ». Помню, одновременно въ штабъ корпуса было прислано около 50 китайцевъ, въ возрастѣ отъ 15 до 70 лѣтъ, заподозрѣнныхъ, яко-бы, въ шпіонствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли такой разбойничій видъ, что, казалось, они способны были такъ же спокойно содрать кожу съ живого человѣка, какъ съ околѣвшей собаки, но большинство ихъ, очевидно, было взято по недоразумѣнію, отъ излишняго усердія. Я совершенно случайно наткнулся на сцену, когда они, подъ конвоемъ, были собраны во дворѣ одной фанзы и корпусный комендантъ, чрезъ переводчика, держалъ имъ рѣчь. Объявивъ имъ, что за ихъ провинности слѣдовало-бы имъ всѣмъ отрубить головы, комендантъ добавилъ, что русскіе очень добры и дарятъ имъ жизнь, но ихъ всѣхъ немедленно выселятъ на сѣверъ, срѣзавъ, предварительно, косы; при этомъ, комендантъ предупредилъ ихъ, что если они еще разъ попадутся въ шпіонствѣ, то ихъ сейчасъ-же казнятъ, безъ всякаго суда. Несчастнымъ китайцамъ тутъ же срѣзали косы и подъ конвоемъ погнали къ сѣверу. Для китайца нѣтъ высшаго позора, какъ срѣзать косу. И вотъ, всѣ эти 50 китайцевъ, несомнѣнно, превратились въ заклятыхъ враговъ русскихъ. Вѣроятно, часть изъ нихъ сдѣлалась японскими шпіонами, а нѣкоторые, можетъ быть, вновь попались въ руки русскихъ и были казнены, какъ шпіоны; благодаря отсутствію косы ихъ могли принять за японцевъ, не носящихъ косъ и никто, конечно, не повѣрилъ-бы имъ, что ихъ косы были срѣзаны у нихъ насильственно.

Въ районѣ, который занималъ нашъ корпусъ, было нѣсколько брошенныхъ китайцами деревень, въ которыхъ, вѣроятно, прятались китайцы-хунхузы, потому-что у насъ было нѣсколько случаевъ убійства китайцами одиночно слѣдующихъ нижнихъ чиновъ.

Однажды, когда командиръ корпуса проѣзжалъ мимо одной деревни, оттуда было произведено противъ него 2 выстрѣла. Тотчасъ же казачій конвой окружилъ деревню и обшаривъ ее, нашелъ тамъ около 10 китайцевъ. Немедленно, чрезъ посредство переводчика, былъ снятъ съ нихъ допросъ и хотя схваченные китайцы не признавали себя виновными въ взводимомъ на нихъ дѣяніи, тѣмъ не менѣе, по приказанію командира конвоя, вахмистръ срубилъ имъ головы.

При занятіи войсками корпуса позиціи, къ западу отъ желѣзной дороги, оказалось, что деревня Вуч-жа-нинъ, оставшаяся за нами послѣ боя 1-го октября, находилась на одной высотѣ съ занятой японцами деревнею Безымянной и сильно укрѣпленной ими деревнею Чан-лин-пу, откуда они насъ постоянно обстрѣливали. Желая выдвинуть нашу боевую линію впередъ и спрямить фронтъ нашего участка, командиръ корпуса рѣшилъ занять эти два пункта, выбивъ оттуда японцевъ. Съ этой цѣлью, въ ночь съ 8-го на 9-ое октября была произведена смѣлая развѣдка артиллеріи капитаномъ В., который ночью проползъ черезъ японскую цѣпь и пробравшись съ 7-ью охотниками къ крайней фанзѣ деревни Безымянной, схватилъ двухъ японскихъ часовыхъ. Такъ какъ одинъ изъ нихъ началъ отчаянно сопротивляться, то, чтобы не вызвать тревоги, одинъ изъ охотниковъ ударилъ его прикладомъ по головѣ. Быстро накинувъ имъ на голову шинели, охотники схватили ихъ на руки и безъ шума вышли изъ деревни. Раненый японецъ дорогой умеръ, а отъ другого плѣннаго узнали составъ японскихъ отрядовъ въ упомянутыхъ деревняхъ и на основаніи этихъ свѣдѣній командиръ корпуса рѣшилъ ими овладѣть.

Узнавъ объ этомъ, я отправился къ командиру корпуса просить разрѣшенія принять участіе въ предстоящемъ дѣлѣ.

— Я очень радъ видѣть въ васъ, гражданскомъ чиновникѣ, проявленіе чисто воинскаго чувства. Съ удовольствіемъ разрѣшилъ бы вамъ идти съ охотниками, но не знаю, какъ это сдѣлать.

— Я не понимаю, в. выс-во, въ чемъ Вы видите препятствіе?

— А если васъ убьютъ? Вѣдь я отвѣчаю за незаконное разрѣшеніе.

— Я уже ваше выс-во, обдумалъ это. Не угодно-ли подписать это предписаніе.

Съ этими словами я подалъ генералу заготовленное предписаніе—отправиться, съ цѣлью фактической ревизіи, въ части, расположенныя въ боевой линіи, у деревни Вуч-жа-нинъ. Въ поясненіе я добавилъ, что, возвращаясь изъ Вуч-жа-нина въ ночное время, я могу заблудиться, попасть въ сторону деревни Безымянной и, наткнувшись на нашъ секретъ (охотн. команды), поневолѣ долженъ буду принять участіе въ дѣлѣ. Командиръ корпуса подписалъ предписаніе и я, сдѣлавъ всѣ распоряженія по своему Управленію, выступилъ съ бивака, вмѣстѣ съ подполковникомъ Г., начальникомъ отряда и двумя офицерами генеральнаго штаба. Сборнымъ пунктомъ командъ была назначена деревня Вуч-жа-нинъ.

Въ $9^1/_2$ часовъ вечера мортирная и скорострѣльная батареи открыли стрѣльбу по Безымянной и Чан-лин-пу и мы любовались эффектнымъ разрывомъ мортирныхъ снарядовъ, разсыпавшихъ искры огней въ сумракѣ ночи, надъ Чан-лин-пу. Въ 11 часовъ мы выступили двумя колоннами: одна—подъ начальствомъ капитана Н. должна была двинуться на Безымянную съ фронта, а другой, съ Г. во главѣ, предстояло прокрасться сквозь японскую цѣпь и зайти съ тыла, принявъ на себя ударъ японцевъ, въ случаѣ ихъ отступленія къ Чан-лин-пу. Я примкнулъ ко второй колоннѣ. Выйдя изъ болотистой мѣстности, къ югу отъ Вуч-жа-нина, мы всѣ полегли и, вытянувшись въ одинъ рядъ, другъ за другомъ, змѣею, поползли по гаоляновому полю. Приходилось переползать поперекъ глубокихъ замерзшихъ бороздъ, въ которыхъ торчали острые, жесткіе корешки снятаго гаоляна. Пришлось работать усиленно локтями и нырять между бороздами; шашка на плечевой портупеѣ, постоянно попадая подъ брюхо, только мѣшала, револьверъ тоже сползалъ на животъ и я долженъ былъ заткнуть его за спину. Ночь была совершенно темная и благопріятствовала намъ. Вдругъ, совершенно неожиданно, луна прорвала густую завѣсу тучъ и освѣтила насъ. Мы всѣ остановились и я ткнулся головой о каблуки впереди лежащаго солдата. Должно-быть японцы насъ замѣтили, а можетъ-быть и услышали шуршаніе отъ нашего движенія и открыли по насъ ружейный огонь. Надъ головами начали свистѣть пули и съ рѣзкимъ трескомъ щелкать о твердыя, какъ камень, замерзшія борозды. Мы всѣ, точно сговорившись,

инстинктивно, нагнули головы въ борозды. Чрезъ нѣсколько минутъ огонь прекратился. Луна опять спряталась. Я шепотомъ приказалъ впереди лежащему спросить, по цѣпи, что случилось? По живому телеграфу отъ головного получился отвѣтъ, что мы наткнулись на передовой японскій постъ, откуда насъ замѣтили и два конныхъ отдѣлились отъ поста и направились въ Чан-лин-пу. Въ это время до меня доползъ подполковникъ Г., которому я и передалъ объ этомъ. Такъ какъ насъ уже замѣтили и пробраться сквозь японскую цѣпь, очевидно, не удастся, поэтому надо возвращаться назадъ. Цѣпь повернула обратно и поползла по той же дорогѣ, до болота. Надо было сейчасъ же принять какое-нибудь рѣшеніе, имѣя въ виду, съ одной стороны, что вѣроятно изъ Чан-лин-пу японцы вышлютъ подкрѣпленіе, а съ другой стороны, что капитанъ Н., командующій другой колонной, не зная о нашей неудачѣ, можетъ ввязаться въ бой. Въ это время до насъ долетѣли крики «ура» и мы услыхали сильную ружейную стрѣльбу. Ясно, что капитанъ Н. пошелъ въ атаку. Не дожидаясь никакой команды, мы всѣ вскочили и съ криками «ура» бросились бѣжать по направленію къ деревнѣ Безымянной, до которой было около версты. Кругомъ свистятъ пули. Я начинаю уставать и останавливаюсь для передышки. Все чаще и чаще свистятъ пули и рѣзко щелкаютъ, ударяясь о мерзлую землю. Мнѣ стало жутко. Въ первый моментъ промелькнула мысль: не удрать ли, пока еще не поздно? Но я сейчасъ же отогналъ отъ себя эту позорную мысль и съ новыми силами бросился впередъ. Охотники, перебѣгая по полю, отъ времени до времени залегали за снопы гаоляна. Наконецъ, мы у деревни. Со мною около 40 человѣкъ команды, бѣжавшихъ вразсыпную. Предъ самой деревней, у дороги, команда залегла въ канаву. Я вынимаю шашку и кричу: «ребята, что остановились?! Выручай своихъ! За мной ребята! Ура!»

Всѣ поднялись, какъ одинъ человѣкъ и бросились за мной, къ деревнѣ. Посыпался градъ пуль, но мы уже подошли къ глиняной стѣнѣ угловой фанзы, откуда раздавались выстрѣлы. Я сейчасъ же отдѣлилъ 8 человѣкъ команды съ унтеръ-офицеромъ во главѣ и отправилъ ихъ вправо, дозоромъ, такъ какъ предполагалъ, что съ этой стороны подойдетъ подкрѣпленіе японцевъ изъ Чан-лин-пу. Нѣсколько че-

ловѣкъ послано мною было къ воротамъ фанзы, а остальными я занялъ фасадъ и приказалъ пробивать глиняную стѣну. Въ это время подошелъ Г. съ остальными охотниками. Мы рѣшили поджечь крайнюю фанзу, чтобы освѣтить мѣстность, и затѣмъ войти въ деревню. При свѣтѣ пылающей фанзы, я бросился въ первую фанзу, во главѣ 4-хъ охотниковъ, держа револьверъ въ рукѣ. Вскочивъ въ дверь и очутившись внутри темной фанзы, я вторично испыталъ непріятное чувство жути, но меня выручили солдаты, которые оказались сообразительнѣе меня: они бросились къ окнамъ и выломавъ ихъ прикладами, вскочили въ фанзу. Поочередно, мы прошли по цѣлому ряду фанзъ; изъ одной фанзы выскочилъ хунхузъ, съ ружьемъ въ рукахъ и бросился бѣжать къ японскимъ окопамъ, но мои охотники перехватили его и прикололи.

Стали приносить раненыхъ и, между прочимъ, капитана Н. и поручика И.

Изъ дозора ко мнѣ прибѣгаетъ солдатъ и докладываетъ, что со стороны Чан-лин-пу двигается «видимо-невидимо японцевъ». Я иду къ дозору и какъ ни напрягаю зрѣніе, ничего не вижу. Наконецъ, дѣйствительно, мнѣ представляется, какъ будто двигается много человѣческихъ фигуръ. Сообщаю объ этомъ Г. Въ это время положеніе было такое: капитанъ Н. внезапной атакой выбилъ изъ деревни японцевъ; они засѣли въ заранѣе приготовленные окопы и открыли по нашимъ охотникамъ убійственный огонь, подъ которымъ имъ пришлось наскоро устраивать защиту въ занятой ими позиціи. Составъ нашихъ командъ былъ очень незначителенъ и весь резервъ состоялъ изъ 50—60 человѣкъ. Мы съ Г. рѣшили занять резервомъ канаву и стѣнку около деревни и безъ выстрѣла встрѣтить подходящія подкрѣпленія японцевъ, схватившись съ ними въ рукопашную. Отдавъ распоряженіе, мы стали ждать. Какова же была наша радость, когда въ подходящемъ непріятелѣ мы узнали своихъ. Оказалось, что изъ Вуч-жанина къ намъ на подкрѣпленіе выслали сводную роту, но почему-то, вѣроятно, благодаря темнотѣ, она двинулась въ тылъ Безымянной, и подходила какъ разъ со стороны Чан-лин-пу. Хорошо, что мы не стрѣляли въ нихъ.

Когда уже разсвѣло, я отправился съ тремя охотниками по деревнѣ.

Во дворахъ фанзъ были вырыты блиндированныя ямы. Съ револьверомъ въ рукѣ, я вскочилъ въ первую яму, которая подъ землею дѣлала отъ входа поворотъ. Услышавъ тамъ голоса, я выскочилъ обратно, рѣшивъ, что лучше входить туда съ винтовкой. Вслѣдъ за мною, изъ ямы вылѣзъ какой-то калѣка китаецъ, а за нимъ двѣ женщины. Въ прочихъ ямахъ тоже прятались все женщины, дѣти, старики и калѣки. Взрослое мужское поколѣніе куда-то исчезло. Огонь становился рѣже, но въ нѣкоторыхъ болѣе открытыхъ мѣстахъ мы должны были пробѣгать, сильно нагнувшись, потому что японцы изъ своихъ окоповъ зорко слѣдили за тѣмъ, что происходитъ въ деревнѣ и обстрѣливали открытыя мѣста.

Въ 12-мъ часу дня я вернулся въ штабъ корпуса, гдѣ засталъ на носилкахъ капитана Н., получившаго въ этомъ дѣлѣ сквозную рану въ бокъ.

Послѣ этого боя, въ которомъ я принималъ активное участіе, я въ правѣ былъ считать себя боевымъ товарищемъ въ той средѣ, гдѣ мнѣ предстояло жить и работать при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Полевой фактическій контроль былъ впервые введенъ во время этой кампаніи и на него въ арміи многіе смотрѣли, какъ на необходимое зло. Много труда и энергіи надо было положить, чтобы уничтожить это предубѣжденіе и заставить смотрѣть на полевой контроль, какъ на полезное для арміи учрежденіе.

Мукденское сидѣнье.

Послѣ сентябрьскихъ боевъ и неудачной попытки арміи перейти въ наступленіе, нашъ корпусъ занялъ позицію къ западу отъ желѣзнодорожной линіи и сталъ приготовляться къ продолжительной стоянкѣ.

На поляхъ стояли снопы гаоляна и чумизы, которые не успѣли убрать выселенные къ сѣверу хозяева-китайцы. Въ закромахъ и вырытыхъ въ землѣ ямахъ, на заднихъ дворахъ фанзъ было засыпано

большое количество уже обмолоченнаго зерна, а на задворкахъ высоко подымались аккуратно сложенные скирды свѣже-обмолоченной чумизной и гаоляновой соломы.

Потянулись изъ войсковыхъ обозовъ всѣ свободныя повозки и началась дѣятельная работа по перевозкѣ этихъ богатыхъ запасовъ въ тылъ.

Но неожиданно для насъ, корпусъ былъ передвинутъ на востокъ отъ полотна, въ центръ позиціи русской арміи.

Что успѣли захватить изъ запасовъ—перевезли на новыя стоянки, остальное же досталось занявшему наши мѣста корпусу.

Тѣмъ не менѣе, запасы оказались весьма значительными и такъ какъ они были даровые, то и расходовались хищнически. При разумномъ расходованіи этихъ богатыхъ запасовъ, весьма вѣроятно, что ихъ могло бы хватить до конца февраля мѣсяца, т. е. до отступленія, между тѣмъ снопы гаоляна, сложеннаго на поляхъ съ несрѣзанными кистями, расходовались на отопленіе, варку пищи и постройку землянокъ, и такимъ образомъ, огромное количество гаоляноваго зерна было истреблено, тогда какъ это зерно представляетъ собою превосходный суррогатъ овса, а гаоляновая крупа съ успѣхомъ замѣняетъ гречневую.

Снопы чумизы выдавались лошадямъ въ необмолоченномъ видѣ и больше половины зерна высыпалось, а солома топталась ногами лошадей, между тѣмъ, чумизное зерно идетъ въ пищу людямъ, а солома въ совершенствѣ замѣняетъ сѣно, будучи питательнѣе послѣдняго. Послѣдствіемъ этого хищническаго способа расходованія—было то, что огромные запасы богатѣйшей мукденской провинціи, въ районѣ сосредоточенія войскъ, очень скоро изсякли и войска должны были съ декабря мѣсяца покупать фуражъ въ районѣ къ сѣверу отъ Мукдена, уже достаточно использованномъ тыловыми учрежденіями арміи.

Это вызвало сильное поднятіе рыночныхъ цѣнъ, а послѣдствіемъ сего было увеличеніе предѣльныхъ цѣнъ, а стало-быть увеличеніе денежнаго отъ казны отпуска на фуражное довольствіе. Такимъ образомъ, къ винѣ войскъ слѣдуетъ отнести громадное поднятіе цѣнъ, сильно увеличившихъ военные расходы.

Зная, что части спѣшно свозятъ съ полей весь урожай къ мѣстамъ стоянокъ обозовъ, и предполагая впослѣдствіи возбудить вопросъ о признаніи этихъ запасовъ полученными реквизиціоннымъ путемъ, я взялъ на себя задачу фактически опредѣлить состояніе этихъ запасовъ, затребовавъ, предварительно, отъ частей свѣдѣнія о количествѣ сдѣланныхъ ими запасовъ. По окончаніи произведенной мною повѣрки, въ моемъ управленіи была составлена, по всему корпусу, сводка запасовъ фуража и прочихъ продуктовъ, собранныхъ войсками безплатно съ полей и въ деревняхъ, и съ этими данными я отправился на съѣздъ корпусныхъ контролеровъ, предполагая доложить свои соображенія по этому серьезному вопросу, но, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, этого доклада мнѣ сдѣлать не удалось.

Генералъ Куропаткинъ, предполагая перейти въ наступленіе, приказалъ войскамъ приготовить запасы собственнымъ попеченіемъ, указавъ въ своемъ приказѣ, чтобы войсковыя части не разсчитывали на интендантскіе запасы, которые предполагалось расходовать впослѣдствіи, при наступленіи нашей арміи къ югу. Опытъ широкаго привлеченія самихъ частей къ заготовкамъ оказался весьма неудачнымъ. Если бы полевое интендантство взяло на себя всѣ заготовки въ районѣ расположенія армій и эти заготовки производились бы планомѣрно, то, несомнѣнно, расходы на провіантское, приварочное и фуражное довольствія сократились бы на сотню милліоновъ рублей. Заготовки войскъ собственнымъ попеченіемъ — это была вакханалія.

Хищнически использовавъ даровые запасы, войска должны были пріобрѣтать продукты въ районѣ Мукдена и къ сѣверу отъ него, и въ виду ежедневно растущей потребности увеличивался и спросъ, чѣмъ, натурально, китайцы пользовались и цѣны росли не по днямъ, а по часамъ. Этому необычайному росту помогали и сами заготовители, перебивая другъ у друга покупку посредствомъ надбавки цѣны.

Нѣкоторые заготовители не стѣснялись даже насильно перехватывать уже пріобрѣтенные продукты, въ томъ случаѣ, если соперникомъ оказывался нижній чинъ—артельщикъ, или фуражиръ. Вслѣд-

ствіе такой бѣшеной конкуренціи цѣны на все страшно поднялись. а сообразно этому были подняты и предѣльныя цѣны, по которымъ отпускались войскамъ деньги на довольствіе.

Не забывали себя и нѣкоторые заготовители отъ частей войскъ, покупая продукты по одной цѣнѣ и показывая по отчету другую, болѣе высокую цѣну. Хотя командиромъ корпуса и былъ отданъ приказъ о томъ, чтобы всѣ заготовки производились войсковыми частями при участіи чиновъ полевого контроля, но такъ какъ это было не въ интересахъ гг. заготовителей, поэтому, во многихъ случаяхъ, я получалъ увѣдомленіе о предстоящихъ заготовкахъ или слишкомъ поздно, или безъ указанія времени, мѣста и лица, которому поручена заготовка, такъ что мнѣ или моимъ сотрудникамъ приходилось разыскивать этихъ лицъ и въ бо̀льшей части случаевъ безрезультатно.

Были нѣкоторыя части, гдѣ завѣдующіе хозяйствомъ и заготовители были безусловно честные люди и чрезъ нихъ я зналъ о дѣйствительныхъ покупныхъ цѣнахъ, а нѣкоторые начальники частей сами настаивали на томъ, чтобы при ихъ заготовкахъ непремѣнно принимали участіе чины контроля. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ командиръ обоза штаба корпуса, капитанъ З., честнѣйшій офицеръ и весьма щепетильный въ денежныхъ дѣлахъ, такъ же, какъ и его непосредственное начальство, начальникъ штаба, генералъ П—ій.

У насъ всѣ знали, что поставщики скота платили заготовителямъ, безъ предварительнаго уговора, по 10 руб. съ головы; это былъ, такъ сказать, узаконенный обычаемъ %, но, по особому уговору, этотъ % доходилъ до 30—40 руб.

Послѣ ревизіи внутренняго хозяйства одного изъ полковъ, когда командиръ этого полка поинтересовался узнать мое мнѣніе о положеніи хозяйственной части его полка, я указалъ ему на невозможно дорогую покупку скота.

— Вы знаете, полковникъ, добавилъ я ему, что, обычно, поставщики платятъ заготовителямъ по 10 руб., а у васъ, надо думать, брали значительно больше.

На это командиръ полка отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

— Я въ ножки поклонился бы своему офицеру, если бы онъ взялъ только по 10 рублей. Самъ вижу, что онъ сильно перехватилъ, да уличить его не могу. Вѣдь я уже двухъ заготовителей отставилъ отъ дѣла—это третій...

Не пойманъ — не воръ. Гуртъ приведенъ, китайскія расписки составлены правильно—извольте доказать, что въ нихъ умышленно показана высшая цѣна, или что поставщикъ, получивъ дѣйствительно ту цѣну, какая значится въ распискѣ—заплатилъ хорошій куртажъ заготовителю.

Нѣкоторые безсовѣстные заготовители дошли до того, что, покупая въ Монголіи скотъ, платили вмѣсто денегъ этикетками съ винныхъ бутылокъ и съ коробокъ монпансье; этотъ фактъ былъ констатированъ оффиціальнымъ разслѣдованіемъ.

Главная доходная статья части, дающая экономическія и хозяйственныя суммы — это довольствіе лошадей. Производя въ широкой мѣрѣ ревизію внутренняго хозяйства войсковыхъ частей и учрежденій корпуса, я составилъ разсчетъ, основанный на цифровыхъ данныхъ отчетности о размѣрахъ этого дохода. Мною исчислено было, что со времени мобилизаціи корпуса, до 1-го ноября 1905 года, отъ каждой лошади, въ среднемъ, должна была получиться экономія въ 250 рублей. Эта цифра колебалась въ зависимости отъ того, сколько было получено фуража натурою или деньгами; чѣмъ больше былъ денежный отпускъ, тѣмъ больше долженъ быть и доходъ.

Въ обѣихъ дивизіяхъ нашего корпуса, съ ихъ дивизіонными штабами состояло около 2800 лошадей въ каждой, а всего 5600 лошадей, не считая артиллеріи, слѣдовательно экономіи отъ фуража должно было получиться около 1.400.000 руб.

Если къ этому прибавить двѣнадцать артиллерійскихъ полевыхъ батарей, двѣ мортирныя батареи, пять артиллерійскихъ парковъ, двѣ полевыхъ хлѣбопекарни, корпусный продовольственный транспортъ и обозы управленія, то экономія отъ фуража по одному 6-му Сибирскому корпусу должна быть, во всякомъ случаѣ, не менѣе 3.000.000 руб. Это указываетъ на то, что фуражныя цѣны были очень высоки и отпускъ въ войска денегъ на фуражъ производился слишкомъ щедро, несмотря на то, что главнымъ интендантомъ при-

нимались всѣ мѣры къ возможному сокращенію этого огромнаго расхода.

Штабъ корпуса помѣстился въ деревнѣ Тхоусянтунь. Главныя силы корпуса, перейдя къ востоку отъ желѣзной дороги, постепенно заняли боевыя позиціи, имѣя на лѣвомъ флангѣ Путиловскую и Новгородскую сопки. Къ западу отъ Новгородской сопки, войсками корпуса была занята линія Гуантунь, Вандикудяза, Южная Безымянная, Сахепу, и Шанландза.

Обозы и хозяйственныя Управленія размѣстились въ тылу, занявъ деревни Байтапу, Хунь-хе-пу, Мизантунь и Юзантунь. Ходили слухи, что наша армія скоро перейдетъ въ наступленіе и мы смотрѣли на наши помѣщенія, какъ на очень кратковременныя, а потому и не было особеннаго желанія «устраиваться».

Я помѣстился вмѣстѣ со штабомъ корпуса, а мое Управленіе расположилось въ деревнѣ Хунь-хе-пу, по сосѣдству съ Интендантствомъ и Казначействомъ.

По случаю перехода на новыя стоянки, пришлось строить двѣ новыя хлѣбопекарни и заготовить топливо для нихъ. Въ это же время надо было производить заготовки продуктовъ для образованія интендантскихъ складовъ и открывать продовольственные склады 1-ой линіи.

Кромѣ того предстояло спѣшно закупить около 1500 лошадей и муловъ для конныхъ охотничьихъ командъ и для усиленія обозовъ, и пріобрѣсти сѣдла и вьюки.

Одновременно начались работы по устройству помѣщеній для развертыванія полевыхъ госпиталей, по прокладкѣ колонныхъ путей, съ постройкою мостовъ и по укрѣпленію позицій.

Всѣ эти операціи и работы должны были производиться при участіи контроля, а весь составъ его былъ изъ пяти лицъ. Канцелярскія работы, понятно, должны были идти своимъ чередомъ. Я долженъ былъ дѣлить свое время между передовыми позиціями и тыломъ, и нерѣдко, разъѣзжая цѣлый день по дѣламъ, только къ ночи удосуживался попасть въ Хунь-хэ-пу, а утромъ снова отправлялся на работы въ районѣ расположенія строевыхъ частей, или въ комиссіи по покупкѣ лошадей.

Придерживаясь хронологической послѣдовательности въ изложеніи моихъ воспоминаній, приведу одинъ интересный эпизодъ.

Какъ-то поднялся очень сильный южный вѣтеръ, который несъ на насъ цѣлыя тучи песку съ японской стороны. Одна изъ охотничьихъ командъ нашего корпуса, замѣтивъ въ вихрѣ песку какой-то большой летящій предметъ, бросилась его ловить; оказалось, что это былъ аршинной величины японскій бумажный змѣй, который очевидно, былъ запущенъ японцами и затѣмъ бечевка была отрѣзана. Одна сторона змѣя была оклеена фотографическими снимками съ русскихъ плѣнныхъ офицеровъ, изображающими различные моменты ихъ жизни въ Японіи, по большей части подъ сѣнью пальмъ, за стаканами вина. По срединѣ змѣя было наклеено письмо, написанное по-русски, которое и передаю дословно, съ сохраненіемъ орѳографіи: «браттцы я перешолъ къ японцамъ тамъ очень хорошо «принимаютъ такъ какъ хосподина поятъ воткой и кормятъ бѣлымъ «хлебомъ канфетыми и даютъ папиросы и въ сего чего только же- «лаешъ хоспода офицеры даютъ руку и принимаютъ за хорошаго «человека сидимъ заоднимъ столомъ заразными винами и кушаньями «и чяемъ и сахаромъ сплю я намякихъ постельяхъ и въ семъ очень «удобно я отъ правляюсь на дняхъ въ Японію еще я васъ прошу «браттцы переходите не съясняйтесъ тамъ оченъ харашо я вы знаите «хто такой я егоръ еремѣевъ затѣмъ засвидане».

Хитроумный японецъ, придумавшій эту штуку, во 1-хъ не сообразилъ одного: письмо сфабриковано отъ имени солдата и рисуетъ соблазнительную жизнь плѣнныхъ солдатъ, а на фотографіяхъ изображены плѣнные офицеры, съ напечатанными по-японски и по-англійски соотвѣтствующими содержанію фотографіи надписями; во 2-хъ, письмо представляетъ собою такую грубую поддѣлку, что даже солдаты, читавшіе его, замѣтили это и хохотали надъ «японскими штуками».

Насколько японцы хитры, настолько же они и нахальны. Мнѣ пришлось видѣть русскую рублевую бумажку, сфабрикованную японцами. Лицевая сторона поддѣлана довольно хорошо, только шрифтъ текста довольно грубый, а на обратной сторонѣ, въ каймѣ бумажки, вмѣсто словъ: «одинъ рубль» выгравированы японскія

слова латинскими буквами, равно какъ и извлеченіе изъ манифеста тоже напечатано латинскими буквами. Говорили, что такихъ бумажекъ было очень много въ Шанхаѣ и потому нашъ бумажный рубль сильно палъ въ цѣнѣ на Шанхайской биржѣ, курсъ которой отражался на торговыхъ сдѣлкахъ въ Мукденѣ, Тьелинѣ, Гунджулинѣ и Харбинѣ. Цѣнность нашего рубля пала до 70 копеекъ, и, по мѣрѣ паденія курса, цѣны на все возрастали.

Какъ я уже упоминалъ раньше, китайцы ошалѣли и не знали, что запрашивать. На нашихъ глазахъ многіе китайцы, служившіе переводчиками при войсковыхъ частяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіонерами, въ 3—4 мѣсяца сдѣлались капиталистами, заработавъ до 50 тысячъ.

Мукденская провинція, навѣрно, хорошо нажилась отъ этой войны и раззоренныя деревни возродились изъ пепла, какъ только война окончилась и китайцы вернулись во-свояси.

Хотя въ газетахъ и сообщалось, что у насъ войска страдаютъ отъ голода и отъ холода, но это были вздорные и совершенно ни на чемъ не основанные слухи. Заботы о солдатѣ были поставлены на первомъ планѣ и если въ огромной арміи, благодаря небрежности и преступной халатности нѣсколькихъ войсковыхъ начальниковъ и могли быть случаи, указываемые въ газетахъ, то основывать на нихъ общій выводъ было крайне рискованно. Я, напримѣръ, знаю случай, когда въ одной части, при отступленіи съ позиціи, во время ночного боя, солдаты побросали всю свою ношу, оставивъ при себѣ только ружья и патроны; по переходѣ на новую позицію, конечно, имъ нечѣмъ было укрыться и они должны были все время грѣться у костровъ. Развѣ легко сейчасъ же ихъ обуть и одѣть. Кто же въ этомъ виноватъ? И если про эту часть сказать, что солдаты терпѣли и отъ голода, и отъ холода, то это будетъ правда, но нельзя сказать, на основаніи этого, что въ нашей арміи солдаты голодаютъ и холодаютъ. На зиму обули въ валенки тѣ команды, которыя наиболѣе въ этомъ нуждались, а именно: находящихся въ передовыхъ позиціяхъ и обозныхъ.

Генералъ Куропаткинъ отдалъ приказъ о томъ, чтобы валенки надѣвались только въ холодное время, чтобы возможно дольше со-

хранить эту непрочную обувь; между тѣмъ, солдаты, которые получили валенки, уже позабыли про сапоги и хотя днемъ тепло такъ, что можно выходить въ одной курткѣ, они трепали эти валенки по мерзлой землѣ и, конечно, рвали ихъ, а новыя валенки получить не легко—надо было везти ихъ издалека по той же желѣзной дорогѣ, которая и безъ того была загромождена перевозкой войскъ и необходимѣйшихъ грузовъ.

Солдаты, что малыя дѣти и за ними трудно углядѣть, а главное, нельзя взыскивать съ нихъ за неисполненіе приказанія; единственная мѣра взысканія—это назначеніе въ караулъ не въ очередь, или стояніе подъ ружьемъ, вмѣсто карцера, но такъ какъ каждый изъ нихъ и безъ того уже несъ тяжелую службу, то усугублять ее такими наказаніями трудно было рѣшиться и не каждый офицеръ это сдѣлалъ-бы. Черныя папахи, такъ неудачно введенныя въ войска Манчжурской арміи, рѣзко выдѣляясь на желтоватомъ фонѣ полей, представляли превосходную и издалека замѣтную цѣль, поэтому командиръ 6-го Сибирскаго корпуса приказалъ войскамъ, находящимся на передовыхъ позиціяхъ, непремѣнно окутывать папаху башлыкомъ, по-аджарски. Башлыки совершенно сливались, по цвѣту, съ окружающей мѣстностью и эта мѣра оказалась превосходною, но какъ она исполнялась солдатами? Я былъ на передовой позиціи и замѣтилъ, что нѣкоторые нижніе чины вмѣсто башлыка покрыли папаху носовыми платками, или полотенцами и щеголяли въ такомъ видѣ предъ японскими окопами!

Въ одномъ мѣстѣ у насъ батареи были расположены въ оврагѣ и дорога на батарею шла въ траншеѣ, такъ какъ это мѣсто доступно обстрѣливанію со стороны японскихъ батарей. Несмотря на строгій приказъ сворачивать съ колоннаго пути въ траншею, я встрѣтилъ два воза чумизной соломы и походную кухню, которые преспокойно ѣхали съ наружной стороны вала траншеи, точно у себя дома, а возъ соломы представляетъ довольно солидную цѣль. Если такіе солдаты такъ безпечны въ вопросѣ о жизни, то тѣмъ болѣе они будутъ безпечны въ вопросѣ о сохраненіи здоровья и я знаю случаи, когда солдаты, съ цѣлью облегченія ноши, бросали сапоги и бѣлье, не думая о будущемъ. Генералъ Куропаткинъ и въ этомъ случаѣ при-

шелъ на помощь нижнимъ чинамъ, приказавъ завести при частяхъ вьючныхъ животныхъ, на которыхъ перенесена была часть груза съ солдатъ [1]). Стоя близко къ вопросу о продовольствіи и снаряженіи арміи, я могу выразить только пожеланіе, чтобы и въ мирное время заботы о солдатѣ были бы такими же, какъ у насъ въ Манчжурской арміи; это можно видѣть изъ приказовъ главнокомандующаго и командировъ корпусовъ и я увѣренъ, что въ японской арміи дѣло было поставлено хуже. Мнѣ пришлось какъ-то встрѣтить пятерыхъ огромнаго роста японскихъ солдатъ, конвоируемыхъ тремя нашими солдатиками.

Я спросилъ ихъ, откуда эти японцы?

— Такъ что, в. в-іе, сами передались къ нашимъ.

— Какъ сами передались? Къ вамъ пришли, что ли?

— Никакъ нѣтъ. Наши охотники сказывали, что побѣгли эти самые японцы къ нашимъ окопамъ и ружья бросили. Охотники и не стали стрѣлять по нимъ, потому, видятъ, безоружные идутъ. А они прямо къ окопамъ подбѣгли и ѣсть просятъ. Сейчасъ ихъ хлѣбушкой покормили и чаю дали, а они потомъ и сказываютъ, что ѣсть имъ нечего и холодно у нихъ. Потомъ охотники ихъ къ ротному привели, а тотъ намъ приказалъ сопровождать ихъ.

Такимъ образомъ подтвердился слухъ, что японцы отъ времени до времени перебѣгаютъ къ намъ, жалуясь на то, что имъ приходится голодать.

Наступили довольно сильные морозы. Небольшія озера и ручьи покрылись льдомъ, по которому можно было ходить. Хорошо, что не было вѣтровъ. Въ Манчжуріи зимы безснѣжны; снѣгъ выпадаетъ рѣдко и понемногу. Первый снѣгъ выпалъ 12 ноября и когда начало смеркаться, то деревня, въ которой мы стояли, при зимнемъ пейзажѣ очень напоминала намъ далекую родину. Понемногу начали привозить полушубки, пока же можно было обойтись безъ нихъ, бла-

[1]) Я нарочно привелъ эти примѣры, чтобы показать, какъ нашъ солдатъ мало заботился самъ о себѣ, и насколько онъ былъ неподготовленъ въ мирное время къ боевой жизни. Право, во многихъ случаяхъ солдаты держали себя, какъ малыя дѣти.

годаря теплымъ китайскимъ халатамъ, которые надѣвались подъ шинель и достаточно защищали отъ холода. Нѣкоторыя войсковыя части обзавелись теплыми китайскими штанами, такъ что наши солдаты, въ общемъ, были одѣты теплѣе, чѣмъ одѣваются китайцы и если ночные морозы, доходящіе до 10^{0} по Р. и бывали ощутительны, то развѣ для ногъ.

Мы начали готовиться къ зимней стоянкѣ, разсчитывая, что хоть мѣсяцъ постоимъ на мѣстѣ и войска отдохнутъ предъ зимней кампаніей. Къ этому времени ожидались новые корпуса и чины на укомплектованіе убыли въ арміи съ начала войны. Части, которыя занимали деревни, стали приспособливать фанзы къ зимнему жилью. Обыкновенно всѣ фанзы строятся такимъ образомъ, что двери и окна выходятъ на южную сторону, а съ сѣверной стороны, на лѣтнее время, вырубается въ стѣнѣ одно окно, которое къ зимѣ закладыдывается гаоляномъ и закрывается ставнемъ. Большая часть оконныхъ переплетовъ и дверей была уничтожена и пришлось все это создавать вновь. Достали досокъ, китайской бумаги для заклейки оконъ и работа закипѣла. Въ фанзахъ выложили печи, которыя хотя и сильно дымили во время топки, такъ что глаза рѣзало отъ дыма, но зато тепло держалось довольно долго; въ нѣкоторыхъ фанзахъ, за недостаткомъ мѣста, поставили желѣзныя печи. Окна заклеили китайской прочной бумагой, которая спеціально приготовляется изъ шелковыхъ оческовъ и потому успѣшно противостоитъ холоду и вѣтру. Во многихъ богатыхъ фанзахъ можно было уже встрѣтить врѣзанные въ рамы небольшіе куски стеколъ и мы, гдѣ можно было, замѣнили бумагу стеклами и такимъ образомъ приготовились къ зимовкѣ. Для такихъ частей, которыя находились на передовыхъ позиціяхъ, были построены изъ гаоляна землянки, въ которыхъ даже сложили маленькія печурки, не столько для топки, сколько для кипяченія воды. Нѣкоторыя землянки оказались устроенными такъ удачно, что солдаты неохотно съ ними разставались, находя, что въ нихъ лучше, чѣмъ въ фанзахъ. Насъ помѣстилось въ фанзѣ 5 человѣкъ: генералъ Р., его адъютанты Д. и В., докторъ К. и я. Мы постарались устроить свою фанзу, или, какъ мы ее называли, каютъ-компанію, съ возможнымъ комфортомъ: стѣны надъ

канами были покрыты цыновками, посрединѣ фанзы стоялъ столъ, а на столѣ такіе предметы роскоши, какъ лампа и складной самоваръ. Эта обстановка заставляла насъ нѣсколько мириться съ трудностями походной жизни.

Будучи на лѣвомъ флангѣ, я побывалъ на Путиловской сопкѣ. Съ сѣверной стороны, обращенной къ нашему фронту, она почти отвѣсна, по крайней мѣрѣ въ самой высокой ея части и по этому крутому склону, точно ласточкины гнѣзда, прилѣпились землянки, въ которыхъ помѣщались при одинаковыхъ условіяхъ и генералъ Путиловъ съ офицерами, и нижніе чины, на долю которыхъ выпала тяжелая и отвѣтственная задача стоять на стражѣ и въ случаѣ надобности грудью защищать этотъ важный пунктъ. Впереди сопки лежала деревня, занятая нашими войсками, которая постоянно обстрѣливалась японцами. Наши солдаты настолько привыкли къ ружейному огню непріятеля, что совершенно не обращали вниманія на шлепаніе японскихъ пуль о глиняные остатки разрушенныхъ фанзъ и ограды, и вовсе не отвѣчали имъ. Въ этой деревнѣ было нѣсколько открытыхъ пунктовъ и когда надо было ихъ проходить, то приходилось, сильно наклонившись, перебѣгать эти мѣста. Японцы все время зорко слѣдили за этими пунктами и сейчасъ же начинали ихъ обстрѣливать, какъ только кто-нибудь покажется. Предупрежденный однимъ изъ офицеровъ, я едва успѣлъ пробѣжать чрезъ ворота ограды, какъ вслѣдъ за мной уже пролетѣло нѣсколько пуль. Усѣвшись около землянки, я замѣтилъ молодого безусаго солдатика, небольшого роста, въ мохнатой папахѣ. По погонамъ вижу, что онъ принадлежитъ къ части, бравшей сопку штыковой работой.

— Что, братецъ, приходилось тебѣ колоть японцевъ?

— Точно такъ, ваше в—діе, не одного покололъ.

— Разскажи же, какъ ты ихъ кололъ.

— Такъ что, ваше в—діе, кого какъ придется. Прыгнувши въ ихній окопъ, сталъ я одного колоть, а другой на меня со штыкомъ лѣзетъ; пока съ первымъ управлялся, другой двое разъ въ меня выстрѣлилъ, да не цѣлившись, а съ руки. Богъ помиловалъ, не попалъ, а только одной пулей рукавъ прострѣлилъ, ну, я его штыкомъ

въ самое брюхо, а тутъ съ боку опять на меня японецъ лѣзетъ. Я хотѣлъ его вдарить, да посклизнулся, а онъ въ тотъ моментъ видно хотѣлъ меня насадить, да только промахнулся, какъ я упавши былъ. Тутъ я поднялся, да его прикладомъ въ морду... Въ это время приспѣлъ товарищъ, и мы его вдвоемъ прикончили. Послѣ того, слышимъ, приказываютъ вылазить изъ окопа и впередъ идти, а тамъ и лизервы подошли.

— Что же, страшно тебѣ было, когда въ окопы шелъ?

— Точно такъ! Первою минутою страхъ какъ жутко было; ну а потомъ, какъ увидали мы, что нашъ офицеръ самъ прыгнулъ, тогда и мы за нимъ, и вся жуткость прошла.

Посмотрѣлъ я на этого безусаго героя и подумалъ: сколько у насъ такихъ беззавѣтныхъ храбрецовъ, дѣлающихся или трусами или легендарными героями совершенно безсознательно, подъ вліяніемъ примѣра. Все зависитъ отъ того, кто руководитъ ихъ дѣйствіями и сумѣетъ подчинить ихъ своей волѣ, и заставить слѣпо идти за собою... Возвращаясь изъ деревни къ сопкѣ, я взялъ нѣсколько въ сторону отъ пути и пошелъ по тому мѣсту, которое подвергалось наиболѣе сильному обстрѣливанію. Кругомъ валялось огромное количество артиллерійскихъ снарядовъ, а мѣстами, въ бороздахъ гаоляна, блестѣли цѣлые ряды круглыхъ пуль изъ шрапнелей и куски дистанціонныхъ шрапнельныхъ трубокъ. Въ двухъ мѣстахъ я наткнулся на глубокія борозды отъ рикошетныхъ ударовъ снарядовъ, очевидно сдѣлавшихъ здѣсь гигантскіе прыжки.

Наблюдая за постройкой землянокъ, я убѣдился, какъ хищнически расходовали части доставшіеся имъ даромъ запасы гаоляна. Цѣлые снопы гаоляна устанавливались стоймя, для образованія стѣнки землянки и затѣмъ засыпались сверху землею, вмѣстѣ съ кистями зеренъ, этимъ драгоцѣннымъ кормомъ, служившимъ превосходнымъ суррогатомъ овса. Когда я доложилъ объ этомъ командиру корпуса, онъ немедленно отдалъ приказъ о томъ, чтобы кисти гаоляна срѣзались и складывались, въ запасъ, какъ кормъ. Къ сожалѣнію, этотъ приказъ выполнялся далеко не всѣми частями и много зерна было погребено подъ землею, благодаря отсутствію надзора со стороны командного состава.

Несмотря на щедрый отпускъ денегъ на топливо для варки пищи и отопленія зимнихъ помѣщеній, многія части стали рубить деревья, растущія на оставленныхъ хозяевами-китайцами усадьбахъ. Цѣлыя чудныя рощи валились подъ топорами русскихъ непрошенныхъ гостей. Одинъ генералъ, по указанію карты, долго разыскивалъ около деревни Урехедзы (къ югу отъ Мукдена), одну хозяйственную часть; на картѣ мѣсто стоянки было показано около густой вѣковой рощи. Найдя, по разспросамъ, эту часть, генералъ поинтересовался узнать, что за роща отмѣчена на картѣ и гдѣ она?

— Вотъ, ваше превосходительство, эта роща,—сказалъ завѣдующій хозяйствомъ, указывая на огромные обрубки снятыхъ деревьевъ, надъ распилкой которыхъ трудилась цѣлая команда нижнихъ чиновъ.

Ни личныя распоряженія высшихъ должностныхъ лицъ, ни строжайшіе приказы—не помогали и деревья продолжали исчезать одно за другимъ, пока отъ нихъ остались, въ воспоминаніе, одни только толстые пни. И какія деревья были уничтожены! Нѣкоторые гиганты были больше двухъ обхватовъ!

По моему представленію, командиръ корпуса приказалъ при каждой дивизіи образовать комиссіи для покупки лошадей. Одна комиссія начала операціи въ Мукденѣ, не увѣдомивъ меня объ этомъ. Я узналъ о мѣстѣ закупки, разыскалъ эту комиссію и убѣдившись, что цѣна установлена выше рыночной, настоялъ на пониженіи ея по 10 рублей на голову, а затѣмъ предложилъ вызвать конкуренцію, благодаря чему цѣна была понижена еще на 10 рублей. При 700 животныхъ это составляло сбереженіе въ 14.000 р. Другая комиссія выѣхала въ Тьелинъ, куда я и направился, поручивъ дальнѣйшее участіе въ Мукденской комиссіи одному изъ своихъ сотрудниковъ.

Я вышелъ изъ поѣзда въ Тьелинѣ въ 5 часовъ утра и, заказавъ на станціи горячій кофе, сталъ ходить, въ ожиданіи, по комнатѣ I класса. За отдѣльнымъ столомъ сидѣло нѣсколько офицеровъ, и предъ ними стояла цѣлая батарея пустыхъ бутылокъ. Вдругъ изъ этой группы отдѣляется артиллерійскій капитанъ, и подходя ко мнѣ, говоритъ:

— Какъ васъ назвать, не знаю: не то высокородіе, не то превосходительство. Я васъ прошу не ходить здѣсь, вы мнѣ дѣйствуете на нервы.

— Извините, капитанъ, но я хочу немного согрѣться; въ поѣздѣ я совсѣмъ замерзъ въ товарномъ вагонѣ.

— Грѣйтесь коньякомъ, а ходить я вамъ не позволю!

Видя, что капитанъ дѣйствительно очень возбужденъ, и опасаясь вызвать его на столкновеніе, я молча сѣлъ за отдѣльный столикъ.

Между офицерами начался вполголоса разговоръ, видимо на мой счетъ. Затѣмъ подымается съ мѣста этотъ же капитанъ, и подходя ко мнѣ, заявляетъ:

— Извините, что я заставилъ васъ сѣсть. У меня такъ разстроены нервы, что я не могу выносить, когда около меня ходятъ, какъ маятникъ.

— Скажите, пожалуйста, капитанъ, вы вѣроятно, пріѣхали съ позиціи?

— Да, съ начала кампаніи все время былъ безотлучно при своей батареѣ. Получилъ пять наградъ и жду Георгія. Если не дадутъ, перейду съ своей батареей къ хунхузамъ, или къ японцамъ. Я шутить съ собой не позволю! Я капитанъ, а командую батареей и никому ее не отдамъ. Пусть только посмѣютъ назначить мнѣ командира батареи—я его разстрѣляю...

Дальше бѣдный капитанъ замололъ такую ерунду, что для меня не подлежало сомнѣнію, что это психически больной. Къ счастью для меня, онъ уже позабылъ, что разговаривалъ со мною и обратился съ продолженіемъ своей безсвязной рѣчи къ своимъ собутыльникамъ.

Я уже кончалъ свой кофе, когда вдругъ капитанъ вскочилъ и схватился за эфесъ шашки, намѣреваясь кого-то рубить, но его товарищи бросились на него съ цѣлью обезоружить, а я поспѣшилъ расплатиться и выйти изъ зала, чтобы не быть свидѣтелемъ этой исторіи. Въ тотъ же день я узналъ, что капитана свезли въ госпиталь, какъ психически разстроеннаго.

Комиссію я нашелъ въ гостиницѣ «Полтава». Это былъ на скорую руку сколоченный баракъ и крохотный номеръ въ 4 шага длиною и 5 шаговъ ширины, стоилъ отъ 5 до 8 рублей въ сутки. При гости-

ницѣ былъ и ресторанъ, въ которомъ по вечерамъ происходили грандіозныя попойки. Еженедѣльно, по пятницамъ, въ «Полтаву» пріѣзжалъ одинъ поручикъ, командиръ отдѣленія транспорта и оставлялъ каждый разъ отъ 1000 до 1500 рублей. Интересно, сколько онъ грабилъ съ транспорта, если могъ прокучивать столько денегъ? Какъ разъ въ тотъ день, когда я тамъ былъ, произошло столкновеніе между нѣсколькими офицерами, дошедшее до обнаженія оружія и двумъ изъ участниковъ сдѣлали кровопусканіе. На этотъ вечеръ ресторанъ закрыли, но на другой день онъ опять былъ биткомъ набитъ офицерствомъ, подрядчиками и «этими дамами».

Комиссія заключила контрактъ на поставку лошадей и муловъ по 115 рублей, но всѣхъ животныхъ мы забраковали и, поручивъ подрядчику приготовить хорошую партію, выѣхали обратно.

На передовыхъ позиціяхъ спѣшно производились работы по ихъ укрѣпленію. Саперы ставили проволочныя загражденія, но, такъ какъ земля была тверда, какъ гранитъ, и деревянные колья нельзя было вбивать, то ихъ замѣнили желѣзными кольями и отдѣльными рогатками. Въ районъ нашего участка вошли окопы Смоленскаго, названные такъ въ память командира дивизіона полковника Смоленскаго, который почилъ на этомъ мѣстѣ славной смертью вмѣстѣ съ офицерами и нижними чинами трехъ батарей и пѣхотнаго прикрытія.

Окопы Смоленскаго подходили къ японской линіи на 600 шаговъ, и въ этомъ мѣстѣ происходили постоянныя атаки японцевъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Командиръ корпуса приказалъ въ одну ночь выстроить люнетъ. На другую ночь надо было поставить проволочныя загражденія изъ рогатокъ. Капитанъ М. отправился съ командою саперъ ставить рогатки. Въ это время японцы открыли огонь, на который наши стали отвѣчать, а такъ какъ М. былъ уже впереди укрѣпленія, т. е. межъ двухъ огней, поэтому ему пришлось, вмѣстѣ съ командой, залѣзть въ волчьи ямы и просидѣть тамъ до разсвѣта. Положеніе не особенно пріятное...

На устройство блиндажей Инженерное Вѣдомство отпустило намъ толстенные брусья, которые употребляются китайцами на устройство гробовъ. Каждый брусъ едва могутъ нести 4 человѣка;

говорили, что Инженерное Вѣдомство покупало эти брусья по 15 р. за штуку. Кромѣ того, покупалось огромное количество бревенъ въ Мукденѣ, и работы по устройству блиндажей быстро подвигались впередъ, несмотря на затруднительность земляныхъ работъ въ мерзломъ грунтѣ.

Въ Тхоусянтуни, при штабѣ, въ одной изъ фанзъ устроили офицерскую баню; въ сѣняхъ былъ сдѣланъ предбанникъ, но въ немъ невозможно было раздѣваться, такъ какъ даже стѣны промерзли насквозь. Когда я раздѣвался въ самой банѣ, то дрожалъ отъ холода; на полкѣ было немного теплѣе, но и то съ какимъ наслажденіемъ я вымылся,—это былъ настоящій праздникъ. Въ двухъ верстахъ отъ насъ помѣстились саперныя роты и устроили отличную баню, которою мы и пользовались, строго соблюдая очередь, а наша штабная баня перешла въ распоряженіе нижнихъ чиновъ.

Устроившись въ Тхоусянтуни, по всѣмъ признакамъ, на продолжительный срокъ, я имѣлъ возможность посвятить все время исключительно для дѣла, котораго было столько, что не хватало 24-хъ часовъ въ сутки. Кромѣ большой и, конечно, срочной канцелярской работы и фактической ревизіи, требовавшей постоянныхъ и продолжительныхъ разъѣздовъ, а также участія въ разныхъ комиссіяхъ, я долженъ былъ приступить къ ревизіи внутренняго хозяйства войсковыхъ частей. Это была до сихъ поръ святая-святыхъ, недоступная для Государственнаго Контроля. Командиръ корпуса разрѣшилъ мнѣ производство этой ревизіи, о чемъ отдалъ приказъ по войскамъ корпуса. Конечно, этотъ приказъ былъ очень непріятенъ командирамъ частей, и я ожидалъ встрѣтить враждебное къ себѣ отношеніе съ ихъ стороны; поэтому требовалось очень много такта и осторожности, чтобы выполнить свою задачу и заставить командировъ частей придти къ сознанію, что Государственный Контроль—это учрежденіе, которое можетъ оказать имъ существенную помощь. При ревизіи перваго полка мною обнаружено было, что въ денежномъ ящикѣ, въ числѣ денежныхъ суммъ, находилось документовъ, т. е. расписокъ въ полученіи денегъ, на 134,000 р. Большая часть этихъ денегъ была израсходована на нужды полка, но приказовъ по полку о производствѣ этихъ расходовъ отдано не было, и потому по отчетности полка

указанные расходы проведены не были. Надо при этомъ замѣтить, что со стороны войскового начальства были приняты мѣры, чтобы анулировать приказъ командира корпуса, предоставляющій мнѣ право ревизіи внутренняго хозяйства частей, для чего рѣшено было поручить производство этой ревизіи кому-либо изъ генераловъ, при моемъ участіи. Ревизія этого полка была поручена генералу Ф. Когда я доложилъ командиру корпуса о результатахъ ревизіи, которая лишь выяснила безпорядочность въ веденіи отчетности, вслѣдствіе чего необходимо, по приведеніи ея въ порядокъ, вновь произвести ревизію, и добавилъ къ этому, что назначеніе каждый разъ какого-либо генерала весьма стѣснительно и для него, и для меня, генералъ Соболевъ отказался отъ этого порядка и вновь предоставилъ мнѣ право самостоятельной ревизіи по моему личному усмотрѣнію.

Ревизія войскового хозяйства сослужила мнѣ огромную службу въ моей ревизіонной дѣятельности въ теченіе кампаніи. Ни одно хозяйственное дѣйствіе частей не ускользнуло отъ меня, и я былъ въ курсѣ всего, что дѣлалось частями въ этой отрасли. Я зналъ, благодаря этому, насколько части заботились объ удовлетвореніи нуждъ солдатъ и офицеровъ, и насколько раціонально велось хозяйство. Но что важнѣе всего, это то, что я зналъ цѣны, по которымъ пріобрѣтались предметы довольствія людей и лошадей, что мнѣ давало возможность сообщать дѣйствительныя покупныя цѣны, на основаніи которыхъ устанавливались предѣльныя цѣны, по которымъ войскамъ отпускались деньги на довольствіе.

О результатахъ ревизіи внутренняго хозяйства я говорить не буду, во-первыхъ, потому, что это вопросъ слишкомъ спеціальный, а, во-вторыхъ, это тема слишкомъ щекотливая. Могу только сказать, что хозяйственныя суммы расходовались въ нѣкоторыхъ частяхъ вовсе не для потребностей части, и, въ иныхъ случаяхъ, были незаконны и имѣли характеръ злоупотребленій. Вообще, существующая у насъ въ арміи система довольствія—развратная система, которая должна быть радикально измѣнена. Съ части необходимо снять всѣ хозяйственныя обузы и производить отпускъ всего натурою и въ готовомъ видѣ. При производствѣ денежнаго отпуска на приварочное и фуражное довольствіе часть старается сдѣлать возможно больше

экономіи, пріобрѣтая предметы довольствія и фуража хозяйственнымъ образомъ. Но такъ какъ экономическія суммы подлежатъ административному контролю, поэтому, ради сохраненія для части такихъ суммъ, которыя возможно было бы расходовать совершенно безконтрольно, и которыя даже имѣютъ техническое названіе «негласныхъ суммъ», завѣдующій хозяйствомъ, съ вѣдома командира части, показываетъ расходы по заготовкамъ въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ и разницу вноситъ въ число негласныхъ суммъ.

Приведу слѣдующій примѣръ: одна батарея покупала сѣно для всего дивизіона цѣною по 38 коп. за пудъ, но выводила въ расходъ по 45 коп., и командиръ батареи, убѣдившись, что мнѣ извѣстна покупная цѣна, объяснилъ преувеличеніе отчетныхъ цѣнъ тѣмъ, что надо заплатить за труды фуражиру и нижнимъ чинамъ, ѣздившимъ за фуражомъ, и отдѣлить часть денегъ въ негласныя суммы. Въ другой батареѣ этого же дивизіона цѣна на сѣно была показана въ 50 коп. Когда я заявилъ командиру батареи, что мнѣ извѣстно, что батарея получаетъ это сѣно по 38 коп., онъ отвѣтилъ мнѣ:

«У насъ скоро будетъ батарейный праздникъ, денегъ на праздникъ мы не получаемъ, а расходы предстоятъ большіе. Изъ какихъ же источниковъ мы будемъ ихъ покрывать? А цѣлый рядъ разныхъ другихъ расходовъ на неотложныя нужды батареи? Если мы будемъ производить ихъ изъ хозяйственныхъ суммъ, вы первый опротестуете и обратите ихъ въ начетъ. Вотъ для чего мы прячемъ и отъ васъ, и отъ нашего начальства по 12 коп. съ пуда. Это наши батарейныя негласныя суммы, которыя мы и расходуемъ, когда понадобится...»

Въ одномъ полку я обратилъ вниманіе на то, что по полученіи приварочныхъ денегъ, которыя составляли около 30,000 р. въ мѣсяцъ, по денежному журналу онѣ тотчасъ же выписывались полностью въ расходъ, въ артельныя суммы. Я потребовалъ отъ завѣдующаго хозяйствомъ полка книгу артельныхъ суммъ.

— У насъ никакой книги не ведется.

— Если вы, полковникъ, выписываете эти деньги въ расходъ по денежному журналу, не производя фактически расхода, значитъ должны записать на приходъ по счету артельныхъ суммъ и въ этотъ счетъ вносить всѣ расходы изъ этихъ суммъ.

— Нѣтъ, мы ихъ расходуемъ по мѣрѣ надобности, а въ концѣ мѣсяца, приказомъ по полку, просто объявляемъ остатокъ этихъ суммъ на первое число.

— Это, полковникъ, дѣйствительно очень просто, но неправильно...

Ревизія мною полка совпала со временемъ пріемки его новымъ командиромъ, которому я указалъ на эту неправильность, и онъ тотчасъ же уничтожилъ замѣченный мною непорядокъ.

Благодаря повѣркѣ мною денежныхъ журналовъ, мнѣ удалось потребовать возврата въ казну значительныхъ суммъ, которыя по отчетнымъ документамъ были показаны израсходованными и оправданными расписками китайцевъ.

Эти расписки фабриковались очень просто: при каждой части были китайскіе переводчики, которые, по распоряженію завѣдующаго хозяйствомъ, писали какіе угодно счета отъ имени какого-нибудь миѳическаго продавца. Я самъ былъ свидѣтелемъ такой фабрикаціи. На выраженное мною удивленіе завѣдующій хозяйствомъ отвѣтилъ мнѣ:

«Это не для васъ, а для бумажнаго контроля, т. е. для Временной Ревизіонной Комиссіи. Что же дѣлать, если Государственный Контроль насъ заставляетъ совершать подлоги. Мы купили матеріалъ для построекъ землянокъ въ 20 верстахъ отсюда у неграмотнаго китайца, и, если при отчетѣ я не представлю расписокъ, то Временная Ревизіонная Комиссія обратитъ расходъ въ начетъ на меня. Что же мнѣ прикажете дѣлать? Вотъ мой Василій Ивановичъ и пишетъ расписку, а чиновники Временной Ревизіонной Комиссіи посмотрятъ на нее, какъ гуси на воду, и утвердятъ отчетъ».

Долженъ признаться, что завѣдующій хозяйствомъ былъ правъ и если бы я не потребовалъ возврата болѣе 150,000 р. въ казну денегъ, показанныхъ израсходованными, но, въ дѣйствительности, оставшихся въ распоряженіи частей, то по отчетамъ, посланнымъ во Временную Ревизіонную Комиссію, эти расходы были бы утверждены, какъ оправданные документально, и для казны были бы потеряны.

Зная хорошо рыночныя цѣны и имѣя возможность, при производствѣ ревизіи внутренняго хозяйства войскъ, ознакомиться съ ихъ

хозяйственными операціями, я нѣсколько разъ давалъ неблагопріятныя для частей корпуса заключенія по ихъ ходатайствамъ объ увеличеніи предѣльныхъ цѣнъ, и корпусный командиръ каждый разъ, согласно моимъ заключеніямъ, отклонялъ эти ходатайства. Предѣльныя цѣны и безъ того назначались очень высокія, и въ войскахъ была большая экономія, въ особенности отъ заготовокъ фуража.

Цѣлыми днями мнѣ приходилось разъѣзжать по позиціямъ, по разбросаннымъ бивакамъ частей и бывать въ тыловыхъ учрежденіяхъ корпуса, поддерживая, въ то же время, тѣсную связь со своимъ Управленіемъ, куда я нерѣдко попадалъ только ночью, и несмотря на усталость, принимался за бумаги. Изъ четырехъ моихъ сотрудниковъ вся работа легла на троихъ, которые безропотно несли весь огромный трудъ на своихъ плечахъ; одинъ изъ нихъ не вынесъ этой тяжелой работы и дошелъ до такого состоянія, что его эвакуировали въ Россію, и онъ около года лечился; другой отъ сильнаго нервнаго разстройства сошелъ съ ума, а третій и по настоящее время не можетъ возстановить своего расшатаннаго здоровья. Командиръ обоза поселился въ одной фанзѣ съ моими сослуживцами: тамъ же было оборудовано помѣщеніе и для Управленія. Это была очень большая и хорошая фанза, въ которой былъ отведенъ уголокъ и для меня, на случай моихъ пріѣздовъ.

Въ той же деревнѣ стояли обозы нѣсколькихъ пѣхотныхъ полковъ, и помѣщалось Корпусное Интендантство, Казначейство и госпиталь. Казначейство держалось особнякомъ, а между Интендантствомъ и Контролемъ установились хорошія отношенія. Составъ интендантства былъ очень хорошій, и во главѣ его стоялъ честнѣйшій полковникъ Т. Оба наши учрежденія служили одному и тому же дѣлу и преслѣдовали однѣ и тѣ же цѣли, а потому и отношенія установились самыя лучшія. Конечно, иногда бывали и нѣкоторыя шероховатости, а одинъ разъ возникъ серьезный конфликтъ между моими и интендантскими чинами, но мнѣ удалось разрѣшить его мирнымъ путемъ.

Манчжурская зима установилась, сверхъ обыкновенія, очень рано. Морозы доходили по ночамъ до 25° по Р. Снѣгу вовсе не было и по временамъ дули довольно сильные вѣтры, которые пронизывали насквозь. Замерзшая земля мѣстами дала трещины больше

двухъ дюймовъ шириною и сдѣлалась крѣпкою, какъ гранитъ; при земляныхъ работахъ острая желѣзная кирка послѣ нѣсколькихъ ударовъ ломалась, оставивъ едва замѣтный слѣдъ отъ удара. Ѣздить по такой замерзшей землѣ — одна мука для лошадей: дорога точно обледенѣла и никакіе острые шипы подковъ не помогали; лошади безпрестанно скользили и падали. У солдатъ, кромѣ шинели, были китайскіе ватные халаты и полушубки, головы были защищены папахами, башлыками и китайскими теплыми шапками, ноги обуты въ валенки, а для сапогъ имѣлись теплые носки. Конечно, эта одежда была не вполнѣ достаточна противъ сильныхъ вѣтровъ при морозахъ, но вѣдь и медвѣжьи шубы тоже не могутъ защитить отъ зимнихъ вѣтровъ. Слѣдуетъ замѣтить, что главнокомандующимъ было сдѣлано все, что возможно, чтобы солдатъ не страдалъ отъ холода, не останавливаясь для достиженія этой цѣли предъ значительными расходами. Самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что заботы о солдатѣ поставлены были на первомъ планѣ, служитъ $^0/_0$ заболѣваемости въ арміи—онъ былъ ниже, чѣмъ въ мирное время. Мы всѣ ожидали, что съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ начнутся отмораживанія, откроется тифъ, воспаленіе въ легкихъ и т. п., но, къ удивленію всѣхъ, ничего подобнаго не было. Я уже упоминалъ о томъ, что солдаты имѣли каждый день горячую пищу, даже тѣ, которые находились въ окопахъ, въ передовой линіи огня, и кромѣ того, они два раза въ день пили чай. Конечно, щи, которыя имъ варили, не такъ вкусны и не такъ наварны, какъ въ мирное время но не надо забывать, что мы были на войнѣ. Несмотря на большія затрудненія имѣть всегда мясо, суточная дача была по фунту мяса на каждаго. Правда, мясо не жирное, не давало хорошаго навара, но что же дѣлать, если пріобрѣтаемый по страшно дорогой цѣнѣ скотъ былъ очень худъ и другого достать нельзя было. Одинъ фунтъ мяса обходился въ то время по 25 коп. а потомъ цѣны поднялись до 50 коп., такъ какъ шайки хунхузовъ, предводимыя японскими офицерами, закрыли монгольскую границу и не пропускали оттуда скотъ. Китай нейтральное государство и потому мы, къ сожалѣнію, не могли послать военную команду, чтобы разсѣять эти шайки, между тѣмъ, японцы безнаказанно оперировали въ той же Монголіи.

Одинъ офицеръ рискнулъ отправиться съ 8 нижними чинами въ качествѣ пастуховъ, для покупки скота на границу Монголіи и пріобрѣлъ партію въ 60 головъ, но дорогой на него напали хунхузы и онъ, отстрѣливаясь, вернулся назадъ ни съ чѣмъ, такъ какъ гуртъ былъ у него отбитъ хунхузами. Въ распоряженіи интендантства, правда, имѣлись большіе гурты скота, но было бы преступленіемъ отпускать этотъ скотъ въ войска въ то время, когда еще была возможность пріобрѣтать скотъ отъ китайцевъ. Продовольственная часть была поставлена очень хорошо и за будущее бояться не приходилось. Пока было возможно, войска сами заботились о продовольствіи и о фуражѣ, а интендантство въ это время приготовляло запасы на тотъ случай, если-бы намъ пришлось отбросить японцевъ и занять Сѣв. Корею, гдѣ никакого продовольствія невозможно было найти. Заботы главнокомандующаго одинаково относились и до офицеровъ. Въ виду затруднительности въ пріобрѣтеніи мяса и хлѣба самими офицерами, для личныхъ потребностей, генералъ Куропаткинъ разрѣшилъ выдавать всѣмъ офицерамъ безплатно ежедневно по фунту мяса и по 2 фунта печенаго хлѣба, а кромѣ того, безплатно же по 10 фунтовъ сахару и по $^1/_2$ фунта чая въ мѣсяцъ [1]).

[1]) Этотъ отпускъ пайка обратился въ скрытое добавочное содержаніе и, совершенно безъ всякой къ тому надобности, непроизводительно увеличилъ огромные расходы на содержаніе арміи.

Офицеры сами не заботились, да и фактически не могли заботиться, о своемъ личномъ довольствіи, и при каждой части была офицерская кухня, изъ которой отпускался столъ для офицерскихъ чиновъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда небольшія команды были въ отдѣлѣ, офицерскій составъ довольствовался при солдатской кухнѣ. Во всякомъ случаѣ, установленный генераломъ Куропаткинымъ дополнительный отпускъ къ содержанію совершенно неправильно былъ разрѣшенъ для тыловыхъ учрежденій. Въ результатѣ большинство, вмѣсто отпуска натурою, получало паекъ деньгами, или же продукты получались завѣдующими офицерскими столовыми, а стоимость ихъ зачислялась въ уплату денегъ, причитающихся съ офицеровъ за столъ.

Коснувшись вопроса о снабженіи арміи теплымъ платьемъ, я считаю необходимымъ указать на то, что было бы раціональнѣе, вмѣсто дорого стоившихъ и тяжелыхъ китайскихъ ватныхъ халатовъ, которые только стѣсняли движеніе, снабдить войска фуфайками; почти всѣ офицеры носили

Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, Т., пользовавшійся общимъ расположеніемъ среди обитателей «Славнаго города Хунь-хэ-пу», какъ мы въ шутку прозвали эту деревню, вздумалъ отпраздновать свои именины. Было приглашено около 40 гостей изъ жителей Хунь-хэ-пу и сестры милосердія одного изъ госпиталей. Услышавъ о предполагаемомъ празднествѣ, командиръ одного изъ полковъ, не пользовавшійся особой симпатіей, откровенно заявилъ, что онъ будетъ очень радъ, если получитъ приглашеніе, и тогда явится во главѣ своего полкового хора музыки. Пришлось пригласить и его. Большая фанза приняла праздничный видъ. Кровати съ одной каны были убраны, мою канцелярію тоже куда-то спрятали, а посреди фанзы, во всю длину, уставили столы и сервировали столъ жестяными и эмальированными тарелками и цѣлой батареей бутылокъ. Была такая роскошь, какъ Смирновская водка. На канѣ были приготовлены три карточныхъ стола.

Къ семи часамъ гости начали собираться и, за недостаткомъ мѣста, усаживались на скамьяхъ около стола и на канахъ. Пріѣхали три сестры милосердія, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться. Странно было видѣть женское общество, отъ котораго я за это время отвыкъ.

Гости разсѣлись группами, но, какъ я ни прислушивался къ ихъ разговорамъ, я не могъ уловить рѣчи о войнѣ и о грядущихъ событіяхъ. Всѣ разговоры велись на будничныя темы текущей жизни, и передавались различныя сплетни, или же говорили о хозяйственныхъ заготовкахъ, о предѣльныхъ цѣнахъ и т. п. Сейчасъ замѣтно было, что это тылъ, имѣющій только хозяйственную связь съ передовыми позиціями. Здѣсь была совершенно другая жизнь, чѣмъ тамъ, впереди.

Одна изъ сестеръ милосердія была женою врача и эту обязанность несла въ Россіи, до войны, но большинство ихъ только во

фуфайки и ими же обзаводились, на свой счетъ, нижніе чины хозяйственныхъ учрежденій, и польза отъ нихъ была огромная: удерживая животную теплоту, онѣ были легки, не составляли никакой обузы, и предохраняли отъ простуды. Въ такой же мѣрѣ было бы необходимо снабдить армію теплыми рукавицами съ двумя пальцами, большимъ и указательнымъ.

время кампанiи прошли сокращенный шестинедѣльный курсъ и съ такимъ легкимъ багажемъ познанiй и отсутствiемъ практики отправилась на театръ военныхъ дѣйствiя. Подъ видомъ такихъ скороспѣлыхъ сестеръ милосердiя было не мало офицерскихъ женъ и присутствiе ихъ въ армiи было большимъ зломъ.

Я зналъ одного штабъ-офицера, должность котораго требовала постоянныхъ разъѣздовъ и огромнаго труда. Онъ добросовѣстно несъ свои обязанности до тѣхъ поръ, пока, совершенно неожиданно для него самого, къ нему прiѣхала жена подъ видомъ сестры милосердiя. Конечно, большую часть своего времени онъ долженъ былъ удѣлять своей женѣ, которая помѣщалась въ 15 верстахъ отъ него, въ одномъ изъ полевыхъ госпиталей. Не говоря уже про вредъ нахожденiя женъ, сестеръ, невѣстъ въ числѣ сестеръ милосердiя, я полагаю, что, вообще, нѣтъ достаточныхъ основанiй имѣть сестеръ милосердiя въ полевыхъ госпиталяхъ, находящихся при войскахъ. Сестры милосердiя весьма полезны въ тыловыхъ лазаретахъ, въ санитарныхъ поѣздахъ, гдѣ для больныхъ нуженъ женскiй уходъ, но на перевязочныхъ пунктахъ и въ полевыхъ госпиталяхъ первой линiи, откуда раненые отправляются сейчасъ же послѣ перевязки далѣе, сестры милосердiя совершенно излишни.

Пришла полковая музыка, которую помѣстили въ сѣняхъ фанзы; духовые инструменты такъ ревѣли, что заглушали рагзоворъ, и, по просьбѣ гостей, составъ оркестра былъ уменьшенъ.

Всѣ разсѣлись за столъ и шумно приступили къ именинному пирогу, обильно заливая его водкой. Сдѣлалось шумно; несмотря на морозъ, въ фанзѣ стало жарко, и денщики время отъ времени распахивали дверь, чрезъ которую входили клубы морознаго воздуха, нѣсколько очищавшаго фанзу отъ табачнаго дыма; было такъ накурено, что чрезъ сизый воздухъ не видно было противоположнаго конца фанзы.

Одинъ офицеръ, изъ полка того командира, который добивался попасть на вечеръ, до войны былъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и любилъ, при случаѣ, говорить рѣчи. Въ фанзѣ было жарко, и онъ перемѣнилъ свой мѣховой сюртукъ на тужурку одного изъ моихъ сослуживцевъ. Въ своей застольной рѣчи онъ, между прочимъ,

бросилъ упрекъ начальствующимъ за недостаточно внимательное отношеніе къ нуждамъ своихъ подчиненныхъ и отсутствіе общенія съ ними. Командиръ полка, обращаясь ко мнѣ, заявилъ:

— Какъ вы позволяете своимъ подчиненнымъ говорить такія рѣчи. Развѣ онъ смѣетъ осуждать дѣйствія начальства?

— Во-первыхъ, вы, Н. М., забываете, что здѣсь нѣтъ подчиненныхъ, а только гости нашего милаго именинника, а, во-вторыхъ, ораторъ—офицеръ вашего полка.

Полковникъ В. никакъ не ожидалъ этого. Онъ растерянно началъ озираться вокругъ, ища глазами дерзновеннаго, но тотъ уже успѣлъ юркнуть за занавѣску, гдѣ стояли кровати, и тамъ переодѣлся въ свой сюртукъ. Полковникъ потребовалъ, чтобы ему указали этого офицера, но, такъ какъ онъ половины своихъ офицеровъ не зналъ въ лицо и не замѣтилъ лица говорившаго, поэтому онъ очутился въ глупомъ положеніи, особенно, когда его требованіе было встрѣчено взрывомъ хохота. Ему не оставалось ничего другого, какъ уѣхать, что онъ и сдѣлалъ ко всеобщему нашему удовольствію.

Послѣ ужина столы сдвинули въ одинъ конецъ фанзы, и начались танцы, но на земляномъ полу и въ тяжелыхъ походныхъ сапогахъ было не особенно удобно выдѣлывать па, да и кромѣ того, послѣ большого количества опорожненныхъ бутылокъ, ноги упрямо отказывались повиноваться хозяину ихъ.

Посреди фанзы вышелъ со стаканомъ въ рукѣ полковникъ Т.:

— Господа, давайте пѣть! Ну, живо! дружно! Волной!

Быстро около него собрался кружокъ, и хоръ затянулъ какую-то малороссійскую пѣсню, дѣйствительно, разливаясь волною. Воодушевленіе росло. Съ разныхъ сторонъ стали подтягивать. Пѣсня смѣнялась пѣсней, а посреди кружка стоялъ Т. и дирижировалъ, помахивая пустымъ стаканомъ, вмѣсто дирижерской палочки. Веселье царило самое непринужденное. Забыты всѣ невзгоды, всѣ непріятности, и всѣ отдались минутному веселью въ товарищеской компаніи. Въ два часа начался «разъѣздъ», но послѣдніе гости ушли около четырехъ часовъ ночи.

Долго послѣ того вспоминали праздникъ въ Хунь-хэ-пу.

Наша фанза находилась на южномъ концѣ деревни, при самомъ

въѣздѣ, и большинство изъ пріѣзжавшихъ съ передовыхъ позицій и изъ штаба заходили туда и всегда встрѣчали радушный пріемъ и ночлегъ. Отъ деревни Хунь-хэ-пу дорога вела на большой деревянный мостъ черезъ рѣку Хунь-хэ. Длинная вереница повозокъ круглыя сутки двигалась по этому мосту въ Мукденъ и обратно. Ширина моста была едва достаточна для проѣзда одной повозки, поэтому, при движеніи обоза въ одномъ направленіи, встрѣчный обозъ, при подъѣздѣ къ мосту, задерживался сигнальщиками мостовой стражи, днемъ—краснымъ флагомъ, а ночью—краснымъ фонаремъ. Однажды, возвращаясь поздно ночью изъ Мукдена, я наткнулся около моста на длинный хвостъ стоявшаго обоза: огромный обозъ съ печенымъ хлѣбомъ и прочими продуктами, двигавшійся на югъ, головною частью въѣхалъ на мостъ, гдѣ встрѣтилъ обозъ, направлявшійся съ юга, и долженъ былъ остановиться. Повернуть повозки на мосту немыслимо, слѣдовательно, надо каждую повозку осаживать, что для тяжело нагруженныхъ повозокъ было очень затруднительно и отымало много времени. Брань, ругань оглашали воздухъ.

Я пошелъ въ шалашъ офицера, начальника мостовой охраны, и остановился въ изумленіи передъ слѣдующей сценой: за освѣщеннымъ маленькимъ огаркомъ столомъ съ нѣсколькими пустыми бутылками водки сидѣлъ пьяный офицеръ и цѣловался со столь же пьянымъ казачьимъ вахмистромъ, а сзади стоялъ пѣхотный унтеръ-офицеръ съ посоловѣвшими глазами и краснымъ потнымъ лицомъ и любовно похлопывалъ по щекамъ то того, то другого. Мое появленіе не произвело никакого впечатлѣнія. Я плюнулъ и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Былъ сильный морозъ и дожидаться нѣсколько часовъ, пока не будетъ устранена пробка, не особенно пріятно. Я оставилъ лошадь своему казаку, а самъ пошелъ пѣшкомъ, перелѣзая черезъ повозки, которыя буквально запрудили мостъ во всю ширину. Только черезъ часъ я добрался пѣшкомъ до Хунь-хэ-пу и остался тамъ ночевать.

Мы всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили по газетамъ за движеніемъ нашей Балтійской эскадры, такъ какъ ея операціи должны

были отразиться и на дѣйствіяхъ нашихъ сухопутныхъ армій. За два мѣсяца мы отдохнули и подготовились къ дальнѣйшему движенію впередъ. Мы всѣ были увѣрены въ томъ, что теперь намъ придется наступать и не закрывали глазъ на трудность этого движенія; мы отлично понимали, что придется выбивать японцевъ изъ ихъ хорошо укрѣпленныхъ позицій и нести, несомнѣнно, огромныя потери. Трудность наступленія усугублялась еще тѣмъ, что предстояло двигаться подъ огнемъ непріятеля, безъ закрытій въ окопахъ, такъ какъ окапываться при передвиженіяхъ впередъ, при мерзломъ грунтѣ—немыслимо. Какъ я уже упоминалъ, земля сдѣлалась такой же твердой, какъ гранитъ, такъ что рытье окоповъ подъ огнемъ равносильно было посылкѣ войскъ на разстрѣлъ. Предполагалось, что будутъ употреблены въ дѣло какія-нибудь искусственныя переносныя защиты. Въ военной исторіи не было примѣровъ такой тяжелой войны вслѣдствіе исключительно неблагопріятной для насъ обстановки, не говоря уже про совершенство современнаго вооруженія, при которомъ стрѣлки на 1000 шаговъ бьютъ въ лобъ безъ промаха, а артиллерія на 8 верстъ бросаетъ свои тяжелые снаряды, которые наносятъ страшное пораженіе. Надо было видѣть деревню послѣ часового ея обстрѣла одной, двумя батареями, чтобы понять, какой страшной разрушительной силой является артиллерія въ настоящее время. До нынѣшней войны мортирнымъ орудіямъ не придавали серьезнаго значенія, теперь же, вѣроятно, мортира займетъ доминирующее положеніе среди прочихъ видовъ смертоноснаго оружія. Эти маленькія, короткія пушки на огромное пространство бросаютъ свои снаряды, перекидывая ихъ, какъ мячъ, чрезъ видимыя препятствія и эти снаряды бьютъ сверху, пробивая и разрушая блиндированныя защиты.

Наши артиллеристы не теряли даромъ времени въ теченіе двухмѣсячнаго отдыха. Ознакомившись съ тактикой японцевъ и изучивши мѣстность, они были совершенно готовы къ новымъ боямъ, въ которыхъ японцы должны были испытать совершенство русской артиллеріи и мы были увѣрены, что въ артиллерійскомъ поединкѣ мы выйдемъ побѣдителями. Легкое перебрасываніе артиллерійскими снарядами съ обѣихъ сторонъ происходило ежедневно: это пред-

варительныя пробы. Японскіе снаряды летали вокругъ батарей, рвались по близости артиллерійскихъ и пѣхотныхъ окоповъ, иногда ранили случайно подвернувшихся солдатъ, но, въ общемъ, не производили сильнаго впечатлѣнія: обстрѣленные офицеры и солдаты мало обращали на нихъ вниманія. Одинъ солдатъ, вблизи котораго упала бризантная граната, не разорвавшись, полюбопытствовалъ узнать, что за штука эта граната и несмотря на предостереженіе товарищей, подошелъ къ ней и началъ отвинчивать трубку—граната разорвалась и отъ несчастнаго солдата осталась на мѣстѣ только безформенная масса.

Самые строгіе приказы отдавались въ частяхъ войскъ, чтобы солдаты не смѣли трогать находимыхъ ими на землѣ снарядовъ, но, очевидно, любопытство брало верхъ надъ страхомъ наказанія, а мысль о смерти, вѣроятно, не приходила въ голову, или, можетъ быть, люди, постоянно видящіе предъ своими глазами смерть, такъ привыкли къ этому, что къ возможности быть убитымъ относились какъ къ чему-то неизбѣжному и мирились съ этимъ.

Японцы обстрѣливали наши позиціи ежедневно въ опредѣленное время, съ 11-ти часовъ до 4-хъ, и вообще не безпокоили насъ своими выстрѣлами до 10-ти часовъ утра, поэтому я долженъ былъ встать въ 6 часовъ утра, чтобы успѣть доѣхать до передовыхъ позицій раньше 10 часовъ утра.

По стеклу, покрытому толстымъ слоемъ инея, вижу, что на дворѣ сильный морозъ и дѣйствительно, градусникъ показывалъ 20° по Р. Надѣваю на ноги, сверхъ толстыхъ теплыхъ чулокъ, бурочныя валенки, обтягиваю голову вязанымъ шлемомъ и сажусь на коня. Кругомъ морозный туманъ и едва можно различить дорогу,—солнце безсильно прорвать своими лучами плотную пелену тумана, окутавшаго землю. Чрезъ полчаса быстрой ѣзды подъѣзжаю къ артиллерійскимъ окопамъ. Какъ разъ наканунѣ были готовы землянки и солдаты могли эту морозную ночь спать въ закрытомъ помѣщеніи, подложивъ подъ себя ватныя китайскія одѣяла и закутавшись въ длинные китайскіе халаты, подъ теплыми полушубками.

Дежурныя части, проведшія ночь въ блиндажахъ около своихъ орудій, отогрѣвались за горячимъ чаемъ. Батареи были располо-

жены скрыто и японцы не знали о мѣстѣ расположенія орудій, которыхъ они никакъ не могли нащупать своими выстрѣлами. Чтобы не обнаруживать батареи, нельзя было разводить костровъ и котелки съ кипяткомъ грѣлись въ закрытыхъ землянкахъ, или въ блиндажахъ. Моя лошадь, разгоряченная быстрой ѣздой, не хотѣла стоять на мѣстѣ и дрожала отъ холода, заставляя меня продолжать путь. Чрезъ нѣкоторое время туманъ растаялъ и солнце такъ ярко освѣтило побѣлѣвшую отъ мороза землю, что пришлось зажмурить глаза отъ непривычнаго сильнаго свѣта. По дорогѣ приходилось ѣхать, какъ по голому камню и лошадь скользила, какъ по льду. Спустившись въ лощину, я подъѣхалъ къ осадной батареѣ и разыскалъ землянку командира. Денщикъ открылъ мнѣ маленькую дверь; согнувшись въ три погибели, я вползъ въ какое-то темное подземелье, въ которомъ мерцали два огонька.

Въ землянкѣ сидѣли 4 офицера и пили чай, при 2-хъ свѣчахъ. На командирѣ батареи былъ надѣтъ телефонный аппаратъ. Для меня едва нашлось мѣсто,—настолько мала была землянка, въ которой помѣщалось и проводило большую часть дня два офицера. Отсутствіе солнечнаго свѣта и необходимость пользоваться все время искусственнымъ слабымъ свѣтомъ свѣчей очень вредно дѣйствуетъ на зрѣніе, а вставить въ крышу стекло—подвергать свою жизнь опасности, потому что блиндированныя землянки имѣютъ назначеніе дать прикрытіе отъ разрывающихся сверху снарядовъ, для чего землянки покрываются толстыми деревянными бревнами и обсыпаются землею, слой которой долженъ быть не менѣе 6 футъ.

Къ чаю подали превосходный коньякъ и шоколодъ; и то, и другое только что было получено однимъ изъ офицеровъ изъ Россіи, причемъ замѣчу, что посылка была отправлена ровно за 3 мѣсяца, но не по почтѣ, а какъ грузъ, по разрѣшенію завѣдующаго передвиженіемъ войскъ мѣстнаго района.

Офицерство сидитъ въ блиндажахъ, скучаетъ, томится бездѣйствіемъ и, какъ водится, бранитъ начальство, особенно командиръ батареи.

— Помилуйте, на что это похоже! У меня столько начальства, сколько орудій на батареѣ! Командиръ корпуса—разъ, начальникъ

8*

артиллеріи—два, генералъ X.—три, генералъ И.—четыре, генералъ М. пять и еще другихъ пять—шесть человѣкъ найдется. Отъ каждаго получаю приказанія, къ сожалѣнію, по телефону, а не письменныя и ото всѣхъ въ результатѣ нахлобучка. Одинъ приказываетъ обстрѣлять одинъ пунктъ, другой въ то же время указываетъ совсѣмъ на другую цѣль, а третій запрещаетъ стрѣлять безъ его личнаго разрѣшенія, во избѣжаніе траты снарядовъ. Недавно я получилъ приказъ разстрѣлять кумирню, за которой спряталась японская батарея и для этого мнѣ разрѣшено было израсходовать 50 снарядовъ. Къ счастью, мнѣ удалось выполнить задачу, потративъ 46 снарядовъ, а четыре я оставилъ про запасъ, за что и получилъ выговоръ отъ генерала X. Вскорѣ, по требованію командира корпуса, я выпустилъ эти четыре снаряда, подбивъ ими одно японское орудіе и за это опять получилъ отъ генерала X. разносъ: какъ я смѣлъ потратить четыре снаряда безъ его разрѣшенія. Просто хоть бѣги съ батареи... Да, не легкое наше положеніе здѣсь, на батареѣ! Я уже два мѣсяца сижу, какъ пришитый и не могу поѣхать въ штабъ, чтобы помыться въ банькѣ. Все развлеченіе состоитъ въ томъ, что пройдешься по батареѣ и поговоришь съ солдатами. А эта проклятая телефонная раковина такъ мнѣ очертѣла, что если бы можно было, переломилъ бы ее на мельчайшіе куски!»

Дѣйствительно, положеніе осадной артиллеріи хуже, чѣмъ другихъ войскъ. Пѣхотныя части и полевая артиллерія, занимающія передовыя позиціи, смѣняются, соблюдая очередь, а осадная батарея, занявъ позицію, находится все время на одномъ мѣстѣ и другой батареей замѣнена быть не можетъ: для подвозки гигантскихъ орудій и тяжелыхъ лафетовъ къ батареѣ прокладывается спеціальный рельсовый путь, по которому впослѣдствіи доставляютъ и снаряды.

Сопутствуемый офицерами, я обошелъ грозную батарею огромныхъ чудовищъ, готовыхъ по первому приказу изрыгнуть изъ своей пасти восемь гигантскихъ снарядовъ, которые за 8—10 верстъ понесутъ тысячи смертей. Около каждаго орудія свой часовой, да кромѣ того мѣстами видны наблюдатели, которые въ бинокли зорко слѣдятъ за впереди лежащими сопками. Больше на батареѣ никого не видно.

Окутавъ черную папаху башлыкомъ, чтобы не представлять изъ

себя мишени для японскихъ стрѣлковъ, я сѣлъ на коня и поѣхалъ дальше, къ пѣхотнымъ частямъ, занимавшимъ передовыя позиціи въ деревняхъ.

Эти деревни показаны только на планѣ, въ дѣйствительности же остались однѣ развалины отъ глиняныхъ стѣнъ, да груды ломанаго кирпича и глины. У окраины деревни, за пригоркомъ, пришлось слѣзть съ лошади и пѣшкомъ пробираться въ окопы по зигзагообразнымъ глубокимъ и узкимъ траншеямъ. Скоро добрался до землянки командира полка, занимающаго передовую позицію. Такая-же обстановка, какъ и въ прочихъ землянкахъ: конурка, освѣщаемая двумя свѣчами и крохотной керосиновой лампочкой и посрединѣ двѣ доски, поставленныя на козлы, замѣняющія столъ. Я засталъ командира полка обѣдающимъ съ двумя офицерами и присоединился къ ихъ компаніи. Подали неизмѣнныя щи изъ китайской капусты и на второе—жареное мясо. На дессертъ мы ѣли сушеныя яблоки и конфеты. Только что наканунѣ полкъ получилъ для офицеровъ и для нижнихъ чиновъ подарки отъ Тамбовскаго губернатора и эти конфеты входили въ составъ офицерскихъ подарковъ.

И здѣсь пришлось услышать тѣ же жалобы на бездѣйствіе.

Ночныя небольшія стычки, конечно, въ счетъ не идутъ: это экскурсіи охотничьихъ командъ, которыя, къ несчастью, всегда выводятъ изъ строя нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными. Ночныя дѣла, вообще, какъ показываетъ военная исторія, отличаются неожиданностями, а въ нынѣшнюю войну—особенно. Японцы, благодаря знанію русскаго языка и переодѣванію въ русскіе костюмы, не разъ обманывали насъ и поэтому въ послѣднее время были случаи, когда наши стрѣлки открывали огонь противъ своихъ-же, охотничьихъ командъ, несмотря на окрики ихъ. Правду говорятъ, что пуганая ворона и куста боится.

Про вѣроломство японцевъ одинъ артиллеристъ разсказалъ мнѣ такой случай. Когда русскія войска выбили японцевъ изъ одной деревни, батарея и рота прикрытія должны были спѣшно двигаться впередъ и занять позиціи впереди деревни. Батарея пошла по дорогѣ, въ сторонѣ отъ деревни, а два офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ пошли черезъ деревню, гдѣ увидѣли раненыхъ японцевъ и русскихъ,

при которыхъ находилось нѣсколько безоружныхъ японцевъ; одинъ изъ нихъ просилъ офицера не трогать ихъ, объясняя, что они оставлены для ухода за ранеными. Офицеры повѣрили и, пройдя деревню, догнали батарею. Въ это время одна полурота отъ артиллерійскаго прикрытія, войдя въ деревню, начала обшаривать фанзы и кучи гаоляна, ощупывая ихъ штыками. Вдругъ раздался залпъ и около 20 русскихъ солдатъ свалилось. Моментально вся полурота бросилась къ тому мѣсту, откуда послышался залпъ. Оказалось, что 50 японцевъ, во главѣ съ офицеромъ, спрятались въ кучѣ гаоляна на одномъ изъ дворовъ и когда въ этотъ дворъ вошли солдаты,—въ упоръ хватили въ нихъ залпомъ. Японскій офицеръ успѣлъ разрубить голову одному нашему унтеръ-офицеру, а затѣмъ, бросивъ шашку, сдался военно-плѣннымъ вмѣстѣ со всей командой. Въ этомъ эпизодѣ сказалась та же тактика хитрыхъ азіатовъ, какъ и во время нападенія въ Чемульпо и въ Артурѣ... [1]) Но я нѣсколько отвлекся въ сторону.

Сопровождаемый офицерами и тѣлохранителемъ, я обошелъ всѣ помѣщенія нижнихъ чиновъ и всѣ окопы. Это цѣлый лабиринтъ, въ которомъ очень легко было запутаться. Окопы расположены были на два фронта и соединены переплетающимися траншеями, между которыми устроены блиндажи. Люди помѣщались въ нишахъ и отъ наружнаго холода защищались повѣшенными на входныхъ отверстіяхъ полотнищами палатокъ. Солдаты были одѣты тепло и такія помѣщенія достаточно закрывали ихъ отъ вѣтра и холода, чему способствовало отчасти и то, что входы въ ниши были обращены къ югу. Я не говорю, конечно, о дежурныхъ частяхъ, находящихся ночью въ окопахъ. При морозѣ, во время вѣтра, имъ было очень тяжело, особенно при сѣверномъ вѣтрѣ, но что-же дѣлать? Вѣдь это не мирная обстановка. Войска, находившіяся въ дежурной части, получали двойную порцію мяса,

[1]) Еще характернѣе извѣстный всѣмъ несчастный случай съ дивизіономъ артиллеріи полковника Смоленскаго, когда японцы, переодѣвшись въ русскую форму, на разсвѣтѣ, подошли къ дивизіону, который былъ вполнѣ увѣренъ, что это возвратились наши пѣхотныя части послѣ отбитія ночной атаки. Когда обманъ уже былъ обнаруженъ, было поздно, такъ какъ шрапнель артиллеріи, вслѣдствіе близости японцевъ, рвалась сзади ихъ, не нанося имъ пораженія. Вся артиллерійская прислуга и пѣхотное прикрытіе были перебиты, и японцы захватили всѣ три батареи этого злополучнаго дивизіона.

а всѣмъ людямъ, какъ я уже упоминалъ, два раза въ сутки отпускалась горячая пища и чай безъ мѣры, сколько потребуется.

Чтобы попасть въ линію окоповъ, находящуюся къ юго-западу, надо было пройти около 300 шаговъ по открытому мѣсту, постоянно обстрѣливаемому ружейнымъ огнемъ. Японцы очень зорко наблюдали за тѣмъ, что у насъ дѣлается и едва мы вступили на открытое мѣсто, какъ около насъ начали шлепаться японскія пули и мы принуждены были прибавить шагу. Когда я пришелъ въ окопы, командиръ батальона предупредилъ меня, чтобы я ни въ какомъ случаѣ не высовывался изъ окоповъ: разстояніе до японцевъ всего 600 шаговъ и всякій, кто вздумаетъ высунуть голову, остается на мѣстѣ, прострѣленный пулей. Послѣ такого предупрежденія, я, конечно, не рискнулъ полюбопытствовать, что дѣлается у японцевъ и только вернувшись на первые окопы, съ наблюдательнаго пункта разглядывалъ въ бинокль японскую линію.

Одинъ изъ моихъ сожителей въ Тхоусянтуни, капитанъ Д., получилъ назначеніе въ тылъ арміи, и въ собраніи Штаба Корпуса было рѣшено устроить ему отвальную. Въ этотъ день стоялъ довольно сильный морозъ, и мнѣ предстояло съѣздить въ Хунь-хэ-пу, а оттуда въ Штабъ командующаго арміей, который помѣщался въ поѣздѣ, въ семи-восьми верстахъ отъ Тхоусянтуни.

Я выѣхалъ изъ Штаба въ часъ дня. Около шести часовъ вечера я попалъ въ деревню Байтапу, откуда свернулъ напрямикъ, на огни поѣзда. Была сильная пороша, и я безпрестанно попадалъ въ покрытыя снѣгомъ канавы. Сумракъ сгустился, и ѣхать по бездорожью становилось опасно. Вдругъ я чувствую, что моя лошадь точно споткнулась обѣими ногами, и мы съ ней куда-то покатились. Это былъ довольно большой оврагъ съ крутымъ скатомъ, по которому моя лошадь сползла на крупѣ. Казакъ не рѣшился слѣдовать за мной, а поѣхалъ въ объѣздъ. На мое счастье, онъ набрелъ на дорогу и мы скоро доѣхали до блистающаго электрическими огнями роскошнаго поѣзда Гриппенберга. Пробывъ тамъ около получаса, я поѣхалъ въ Тхоусянтунь, но уже по дорогѣ, а это составляло около 12 верстъ.

Прямо съ лошади я прошелъ въ столовую, гдѣ засталъ разгаръ пиршества. Виновникъ торжества встрѣтилъ меня съ бутылкой

шампанскаго и потребовалъ, чтобы я залпомъ выпилъ за его здоровье.

— Дайте мнѣ сначала отогрѣться и поѣсть. Я голоденъ, какъ зимній волкъ.

— Знать ничего не хочу! Если любишь, пей за мое здоровье!

Какъ я ни урезонивалъ Д., онъ стоялъ предо мною съ бутылкой и не унимался. Его поддерживала остальная компанія. Нечего дѣлать, я выпилъ залпомъ стаканъ холоднаго шампанскаго, и только тогда мнѣ дали возможность сѣсть за ужинъ.

Хотя компанія и изрядно подвыпила, но разговоръ все время вертѣлся на военныхъ операціяхъ и на дальнѣйшихъ предположеніяхъ о наступленіи къ Ляояну. Разговоръ пересыпался анекдотами, шутками и пѣніемъ, но воинственный пылъ не проходилъ и, въ концѣ концовъ, мы рѣшили идти въ атаку на Тхоусянтунскую сопку. Это была небольшая, но довольно крутая гора сзади деревни. Взять эту сопку штурмомъ оказалось дѣломъ не легкимъ, но еще труднѣе было побѣдителямъ возвращаться домой съ крутой горы...

Когда я вернулся со своими сожителями въ фанзу, то одинъ изъ нихъ, подойдя къ двери, вынулъ изъ кармана штопоръ и упрямо пытался открыть имъ дверь. Нахохотавшись надъ этой сценой, я, при помощи другого сожителя, взялъ его на руки и мы торжественно внесли его въ фанзу.

Нашъ корпусъ прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій безъ продовольственнаго транспорта, который формировался въ Томскѣ. Для перевозки продуктовъ изъ Мукденскихъ складовъ въ корпусный магазинъ, помѣщавшійся въ деревнѣ Урехедза, былъ нанятъ частный транспортъ. Въ это же время, полковникомъ Ухачъ-Огоровичемъ были сформированы громадные арбяные и вьючные транспорты въ количествѣ свыше 50.000 головъ животныхъ. По моему настоянію корпусный интендантъ добился временнаго командированія въ нашъ корпусъ одного транспорта въ составѣ 100 арбъ, чтобы не расходовать огромныхъ денегъ на перевозку вольнонаемными подводами. Какъ только прибылъ транспортъ, а это было 10-го декабря, я вошелъ въ соглашеніе съ интендантомъ, чтобы мнѣ съ вечера сообщали всѣ наряды на работы транспорта слѣдующаго дня. Имѣя эти свѣдѣнія, я направлялъ

ежедневно одного изъ своихъ сослуживцевъ въ пунктъ пріема груза, а другого въ пунктъ сдачи. Благодаря такому двойному контролю, выяснилось, что животныя транспорта кормятся тѣми самыми продуктами, которые они перевозятъ, при чемъ эти продукты расходуются хищнически: для того, чтобы накормить животныхъ, мѣшки съ зерномъ прорывали, и чрезъ эти дыры транспортныя животныя жрали зерно, большая часть котораго высыпалась дорогою. Мои чины, при поѣздкѣ транспорта, составляли объ этомъ акты, но о дѣйствіяхъ транспорта никакъ не удавалось сообщить начальнику его, такъ какъ онъ все время или отсутствовалъ, пьянствуя въ Мукденѣ, или былъ въ такомъ видѣ, что разговаривать съ нимъ было совершенно безполезно. Транспортъ этотъ работалъ при корпусѣ всего 20 дней, но энергическій фактическій надзоръ за его дѣйствіями, очевидно, кому-то не нравился, и совершенно неожиданно транспортъ былъ 31-го декабря отозванъ. Здѣсь вполнѣ умѣстно будетъ изложить вкратцѣ исторію формированія и эксплоатаціи знаменитыхъ транспортовъ манчжурскихъ армій.

Въ началѣ кампаніи, при сосредоточеніи нашихъ войскъ южнѣе Ляояна, перевозка продуктовъ производилась отъ Ляояна къ продовольственнымъ пунктамъ наемными китайскими арбами, а оттуда, къ войскамъ на передовыя позиціи,—казеннымъ Южно-уссурійскимъ обознымъ батальономъ. Съ назначеніемъ полковника Ухачъ-Огоровича начальникомъ Управленія транспортовъ онъ вошелъ съ представленіемъ къ командующему арміею о необходимости сформированія изъ мѣстныхъ перевозочныхъ средствъ казенныхъ транспортовъ. Въ этомъ представленіи Ухачъ-Огоровичъ составилъ соображеніе о количествѣ арбъ и вьючныхъ животныхъ, необходимомъ для дѣйствующаго состава арміи и ожидаемыхъ изъ Россіи войскъ и исчислилъ, что разница между стоимостью содержанія своего транспорта и расходомъ по найму вольнонаемныхъ подводъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ совершенно покроетъ первоначальныя огромныя затраты на сформированіе своего транспорта, и, такимъ образомъ, черезъ 8 мѣсяцевъ, безъ излишнихъ затратъ, въ арміи будетъ свой огромный транспортъ (свыше 6000 арбъ), а уже на девятый мѣсяцъ получится огромная экономія отъ его эксплоатаціи. Съ финансовой точки зрѣнія это

представлялось весьма выгодной операціей, но что важнѣе всего—это полная независимость отъ китайцевъ.

Конечно, генералъ Куропаткинъ согласился на эти доводы и поручилъ Ухачъ-Огоровичу формировать транспорты. Я не буду говорить, какимъ образомъ производилось это формированіе. Достаточно сказать, что установленная при началѣ формированія цѣна въ 400 р. за арбу съ запряжкой, принятая въ основаніе приведеннаго разсчета, была очень скоро поднята до 700 рублей, безо всякихъ къ тому основаній. Полевой контроль принималъ въ этой операціи лишь пассивное участіе, и роль его была весьма странная. Сформированіе транспортовъ обошлось въ 6.725,000 рублей, а, въ результатѣ, перевозка грузовъ на казенныхъ транспортахъ стоила гораздо дороже, чѣмъ на вольнонаемныхъ, а именно: по отчету Ухачъ-Огоровича за время до 1-го января 1905 года перевозка казенными транспортами обошлась по 5,51 коп. съ пуда и версты, а средняя цѣна перевозки вольнонаемными транспортами опредѣлилась въ 3,22 коп. съ пуда и версты, несмотря на громадныя цѣны, по которымъ Ухачъ-Огоровичъ производилъ расчетъ съ вольнонаемными транспортами. Если произвести расцѣнку работъ казенныхъ транспортовъ по средней стоимости вольнонаемныхъ т. е. по 3,22 коп., то перевозка казенными транспортами обошлась дороже на 1.825.000 р. (это вмѣсто ожидаемой экономіи); если же принять въ соображеніе, сверхъ того, единовременную затрату въ 6.725,000 рублей, которая, вопреки предположеніямъ Ухачъ-Огоровича, не могла быть покрыта сбереженіями, то оказывается, что осуществленіе доклада Ухачъ-Огоровича обошлось казнѣ въ 8.550.000 рублей излишняго расхода.

Чѣмъ же, однако, объяснить такіе неожиданные результаты этой замѣчательной операціи?

Ухачъ-Огоровичъ, формируя огромные транспорты, одновременно, въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, продолжалъ нанимать вольнонаемныя арбы, уплачивая имъ иногда бѣшеныя деньги, не считаясь съ тѣмъ, нужны эти арбы или нѣтъ. Въ то же время, казенныя арбы стояли безъ дѣла. Изъ печатнаго отчета Ухачъ-Огоровича, на основаніи имъ приведенныхъ данныхъ, средняя работа казенныхъ арбъ опредѣляется такимъ образомъ: за время съ 15 апрѣля по 31 декабря 1904 года

на каждое животное приходится всего 119 пудовъ груза, а каждою арбою перевезено, въ среднемъ, въ сутки отъ полутора до трехъ пудовъ, при среднемъ провозѣ одного пуда на разстояніе 25-ти верстъ. Эти цифры указываютъ, какъ слабо были использованы казенныя транспортныя средства, и если бы они правильно эксплоатировались, то Ухачъ-Огоровичъ не ввелъ бы казну въ громадные непроизводительные расходы по найму вольныхъ арбъ за несоразмѣрно высокія цѣны.

До насъ стали доходить слухи объ отчаянныхъ штурмахъ японцевъ на Артуръ и о томъ, что мы отдавали имъ одинъ фортъ за другимъ. Стали опять поговаривать о предстоящемъ наступленіи на югъ, опасаясь, что Артуръ долго не продержится, и послѣ его взятія Мукденская японская армія будетъ усилена Артурскими войсками, а тогда наше наступленіе противъ болѣе сильнаго противника врядъ ли окончится удачею. Слухи день ото дня становились тревожнѣе, и, наконецъ, мы получили оффиціальное сообщеніе о паденіи Артура. Эта вѣсть передавалась по секрету, но у насъ въ арміи всѣ секретныя извѣстія становились достояніемъ всѣхъ. Денщики, которые помѣщались при офицерахъ, въ однѣхъ съ ними фанзахъ, всегда слышали всѣ разговоры между офицерами, и это сейчасъ же передавалось въ части. Всѣ распоряженія, отдаваемыя въ боевую линію по телефону, тоже всегда были всѣмъ извѣстны.

Я помню, какъ однажды, прочтя распоряженіе Штаба арміи о томъ, чтобы въ письмахъ на родину и корреспонденціяхъ не называть ни частей, ни мѣстъ расположенія, я заявилъ командиру корпуса, что могу всегда составить точную и довольно полную дислокацію нашихъ войскъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, которые можно достать въ любой канцеляріи.

— Какимъ образомъ вы можете это сдѣлать?

— Извольте, ваше высокопревосходительство, прочесть любое объявленіе Штаба арміи о приблудившихся или убѣжавшихъ лошадяхъ и мулахъ или о найденныхъ винтовкахъ и георгіевскихъ знакахъ. Напр., къ такому-то полку пристала лошадь съ такими то примѣтами; обратиться въ такую-то деревню. Возьмите всѣ такія объявленія, которыя пестрятъ такими свѣдѣніями, и вотъ готовая дислокація. Несомнѣнно, что всѣ эти объявленія попадаютъ въ Главный Штабъ японской арміи.

— А, знаете, вѣдь вы совершенно правы. Я непремѣнно передамъ ваше соображеніе въ Штабъ арміи. Надо это прекратить.

Говорилъ ли генералъ Соболевъ объ этомъ съ генералъ-квартирмейстеромъ, я не знаю, но такія объявленія печатать перестали.

Я привелъ нарочно этотъ примѣръ, чтобы показать, какъ хранились у насъ секреты,—совсѣмъ по-русски, нараспашку. Японцы отлично знали не только расположеніе нашихъ войскъ, но и всѣ секретныя распоряженія, а о нашемъ предполагаемомъ наступленіи на Ляоянъ они знали раньше, чѣмъ это было извѣстно войскамъ.

Извѣстіе о паденіи Артура въ тотъ же день распространилось по всѣмъ войскамъ и произвело очень сильное моральное впечатлѣніе.

— Ну, теперь держись. Погонятъ насъ японцы на сѣверъ.

— Теперь, братцы, еще хуже намъ будетъ. Японцы еще сильнѣе станутъ и начнутъ наступать на насъ.

Вотъ какіе слышались разговоры.

Нѣкоторые говорили еще опредѣленнѣе: «когда же намъ прикажутъ отступать? Вѣдь ужъ теперь и думать нечего о наступленіи. Будетъ и того, что хоть поговорили объ этомъ...»

— Опять намъ не удастся вырвать инициативу у японцевъ и придется подчиниться ихъ стратегическимъ операціямъ...

Вѣсть о паденіи Артура была принята въ арміи съ тяжелымъ чувствомъ. Всѣ видѣли въ этомъ дурное предзнаменованіе, и тѣ, которые были настроены до этого оптимистически, должны были согласиться съ тѣмъ, что дѣла принимаютъ грозный для насъ оборотъ, и что на благопріятный исходъ кампаніи надежды слишкомъ проблематичны. При такомъ господствующемъ настроеніи арміи трудно было разсчитывать на побѣду въ предстоящемъ серьезномъ бою съ противникомъ: Мукденское сидѣніе рано или поздно должно было окончиться смертельнымъ боемъ. Чтобы поднять упавшій духъ войскъ, стали распускать слухъ, что изъ Россіи спѣшно двинуто три корпуса, т. е. 120000 человѣкъ, и прибываютъ солдаты на укомплектованіе частей, взамѣнъ убитыхъ и раненыхъ, и что, когда наша армія превзойдетъ, по численности, японскую, мы перейдемъ въ наступленіе. Эти слухи передавались другъ другу, но сами передававшіе не вѣрили имъ. А такъ хотѣлось вѣрить!

Извѣстіе о сдачѣ Артура проникло въ армію на Рождественскихъ праздникахъ. Сама по себѣ обстановка бивачной жизни не располагала къ встрѣчѣ этихъ праздниковъ такъ, какъ мы всѣ привыкли съ дѣтства, а вѣсть о паденіи второго Севастополя не могла не отразиться на общемъ настроеніи, которое можно было назвать похороннымъ. По традиціи, въ Штабѣ Корпуса была устроена елка во дворѣ фанзы, гдѣ помѣщался командиръ корпуса. На елку кромѣ насъ, находящихся при Штабѣ, пріѣхало два генерала и нѣсколько сестеръ милосердія. Тускло горѣли огни, и такъ же тускло было на сердцѣ. Привели команду конвоя Штаба и заставили пѣсенниковъ пѣть, но и пѣсня, и казачья пляска были какія-то вымученныя. Всѣмъ офицерамъ Штаба и нижнимъ чинамъ конвоя были назначены подарки, которые выдавались по билетикамъ. Послѣ раздачи подарковъ огни погасли и мы молча прошли въ фанзу, отведенную подъ столовую, гдѣ скромно поужинали и разошлись по своимъ фанзамъ.

Въ сосѣднемъ съ нами корпусѣ мой братъ командовалъ батареею и стоялъ верстахъ въ десяти отъ меня, но я никакъ не могъ выбрать время, чтобы его навѣстить, а онъ, въ свою очередь, никакъ не могъ меня поймать, такъ какъ я былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ. Какъ ни странно, но наши тыловыя учрежденія не были соединены телефономъ со Штабомъ корпуса, такъ что оба раза, когда онъ пріѣзжалъ въ мое Управленіе, мнѣ не могли объ этомъ сообщить по телефону. Наконецъ, когда я освободился настолько, что могъ располагать свободными сутками, бригада моего брата была отодвинута на правый флангъ, и мнѣ предстояло сдѣлать прогулку около тридцати пяти верстъ.

Выѣхавъ утромъ изъ Хунь-хэ-пу, я направился въ Штабъ его корпуса за точнымъ указаніемъ мѣста его стоянки, но, благодаря невозможно плохо составленной картѣ, на которой дороги обозначены невѣрно или вовсе не указаны, я только къ вечеру разыскалъ деревню, гдѣ стояла его батарея. Въ маленькой фанзѣ помѣщалось пять офицеровъ; я засталъ ихъ за ужиномъ. Просидѣвъ до одиннадцати часовъ, мы легли спать. Въ первомъ часу ночи насъ разбудили: полученъ приказъ о немедленномъ выступленіи всей бригады на позицію. Братъ уговорилъ меня остаться въ фанзѣ и досыпать. И, дѣйствительно, для чего мнѣ подыматься,—такъ пріятно поспать въ пригрѣтомъ уголку на

сѣнѣ. Батарея скоро выступила, а я уснулъ. Около семи часовъ утра, напившись чаю, я поѣхалъ на артиллерійскую позицію. Была легкая пороша, и дулъ холодный вѣтеръ. Вотъ и позиція. Орудія спрятаны въ окопахъ, расположенныхъ въ одну линію, по шнуру. Странно, опытъ указалъ на необходимость располагать батареи непремѣнно по ломаной линіи, чтобы онѣ меньше страдали отъ фланговаго огня, а здѣсь линія окоповъ была протассирована, какъ на парадѣ! Офицеры попрятались въ ровики для прислуги. На батареяхъ видны только дежурные. Ожидалось наступленіе и ночной бой, но все обошлось благополучно. Я разыскалъ батарею брата. Онъ съ офицерами батареи спрятался отъ пронизывающаго вѣтра за траверсомъ.

Въ моей флягѣ былъ коньякъ, которымъ офицеры сейчасъ же и воспользовались, чтобы нѣсколько согрѣться. У кого-то нашелся шоколадъ, раздѣленный поровну между всѣми. Солнце поднялось, прекратился вѣтеръ, и легкій налетъ снѣга быстро исчезъ подъ солнечными лучами. Просидѣвъ около часа на батареѣ, я собрался въ обратный путь. Офицеры просили меня распорядиться, чтобы поскорѣе прислали обѣдъ для нихъ и для нижнихъ чиновъ. Я поспѣшилъ поѣхать въ оставленную артиллеристами деревню и, приказавъ везти обѣдъ, направился къ себѣ домой. Черезъ нѣсколько дней начались бои подъ Сандепу, въ которыхъ приняла участіе и батарея брата.

Мнѣ пришлось возвращаться мимо Мукдена. Когда я, для сокращенія пути, проѣзжалъ отъ западныхъ воротъ къ юго-востоку, то попалъ на лобное мѣсто, гдѣ совершаются казни. Недалеко отъ городской стѣны мѣсто около двухъ сажень діаметромъ окружено кольцеобразной каменной стѣной высотой около сажени. За эту стѣнку бросаютъ отрубленныя головы казненныхъ, и онѣ гніютъ здѣсь подъ открытымъ небомъ.

Подъѣхавъ къ стѣнѣ, я приподнялся на стременахъ и заглянулъ внутрь. На землѣ валялись груды череповъ, среди которыхъ виднѣлись недавно отрубленныя головы съ обнаженными челюстями и черными глазными впадинами. Я поспѣшилъ поскорѣе уѣхать отъ этого страшнаго зрѣлища, но долго я не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія видѣннаго, и долго предо мною навязчиво рисовалась эта гора человѣческихъ головъ.

Недалеко отъ деревни Тхоусянтунь, на перекресткѣ двухъ дорогъ, была китайская могила, т. е. небольшой холмикъ земли, едва прикрывавшій гробъ. Я уже упоминалъ, что гробы для своихъ покойниковъ китайцы дѣлаютъ изъ толстенныхъ брусьевъ; какіе-то солдаты польстились на эти брусья и, вырывъ гробъ, сорвали крышку на топливо, а сильно разложившійся трупъ китайца, въ синемъ халатѣ, оставили въ открытомъ гробу. Китайцы чтутъ своихъ покойниковъ, и столь позорное надруганіе надъ трупомъ могло бы вызвать, въ будущемъ, очень серьезныя осложненія. Я передалъ о замѣченномъ нашему корпусному коменданту, и онъ сейчасъ же послалъ нижнихъ чиновъ засыпать землей раскрытый гробъ. Самый почетный подарокъ для старика, это — разукрашенный гробъ, и китаецъ, получившій такой подарокъ отъ своихъ дѣтей, гордится дѣтской любовью и уваженіемъ, выраженными въ столь странной для европейца формѣ.

Послѣ новаго года корпусный командиръ рѣшилъ перенести стоянку Штаба корпуса въ деревню Сяочинертунь, ближе къ центру боевой линіи нашего корпуса. Узнавъ, что помѣщенія въ этой деревнѣ очень тѣсны, я остался въ Тхоусянтуни, но дня черезъ три мнѣ надо было поѣхать къ командиру корпуса. Онъ занималъ очень маленькую фанзу, а Штабъ расположился въ какой-то полуразвалившейся и полутемной фанзѣ безъ дверей. Между канами, на которыхъ всѣ помѣстились въ повалку, былъ устроенъ столъ на вбитыхъ въ полъ кольяхъ. На этомъ столѣ работали офицеры Штаба, онъ же служилъ и обѣденнымъ столомъ. Холодно, темно, неприютно! Я поспѣшилъ поскорѣе вернуться во-свояси, и со мною поѣхали два офицера ко мнѣ въ гости, чтобы отогрѣться и отоспаться въ моей фанзѣ.

Для командира корпуса былъ выстроенъ отдѣльный блиндажъ, такъ какъ деревня находилась подъ обстрѣломъ, и иногда японскія шрапнели рвались близъ въѣзда въ деревню. Для какой цѣли командиръ корпуса перебрался въ Сяочинертунь—было загадкой для всѣхъ. Вѣроятно, онъ самъ убѣдился въ безцѣльности этого переѣзда, потому что черезъ десять дней Штабъ вернулся въ Тхоусянтунь.

Опять пошли слухи о томъ, что мы на дняхъ перейдемъ въ наступленіе. Приказано было осмотрѣть весь обозъ и привести его въ порядокъ для обезпеченія арміи подвозомъ продуктовъ къ югу, вслѣдъ

за нашими наступающими войсками. Въ это же время стали появляться подметныя письма японцевъ, приглашающія русскихъ къ нимъ на масленицу въ Мукденъ,—настолько японцы были увѣрены въ томъ, что къ этому времени Мукденъ будетъ занятъ ими. Какъ оказалось впослѣдствіи, японцы пунктуально выполнили свои предположенія: Мукденъ былъ занятъ ими на масленицѣ.

Мы готовились къ наступленію, а китайцы, въ то же время, говорили увѣренно: «ипэнска (японцы) скоро, скоро ходи сюда», и готовились къ замѣнѣ однихъ непрошенныхъ гостей другими. Тѣ китайцы, которые боялись прихода японцевъ, переселялись на сѣверъ, ликвидируя свои дѣла, а торговцы спѣшили размѣнять русское серебро на бумажки, которыя легче было прятать. За сторублевую бумажку китайцы платили отъ 104 до 108 рублей серебромъ, и всѣ сдѣлки совершались гораздо скорѣе и дешевле при уплатѣ крупными кредитками.

Говорятъ, передъ Ляоянскимъ отступленіемъ китайцы тоже увѣренно говорили, что японцы займутъ Ляоянъ. Я не знаю, чѣмъ можно объяснить такую освѣдомленность китайскаго населенія въ грядущихъ военныхъ событіяхъ, гдѣ случайность играетъ всегда огромную роль, но фактъ налицо! Китайцы предсказали войну русскихъ съ японцами, они же опредѣленно говорили о скоромъ окончаніи войны въ то время, когда мы занимали Сыпингайскія позиціи, т. е. когда, въ первый разъ за всю кампанію, армія чувствовала себя достаточно сильною и готовою сразиться съ непріятелемъ не по приказанію свыше, а идейно.

Поэтому нельзя и въ данный моментъ игнорировать указанія китайцевъ на скорую войну съ Японіей. Китайцы и прежде были, и теперь гораздо болѣе освѣдомлены въ этомъ вопросѣ, чѣмъ мы, русскіе, и ихъ предупрежденія должны быть учтены. Тревожные слухи, идущіе къ намъ съ Дальняго Востока, и опредѣленныя указанія дружественно расположенныхъ къ намъ китайцевъ повелительно требуютъ принятія самыхъ энергичныхъ мѣръ съ нашей стороны къ серьезной подготовкѣ дальневосточныхъ окраинъ къ новой войнѣ.

Бои на Шахэ и подъ Мукденомъ.

11-го февраля вечеромъ было получено распоряженіе о томъ, чтобы 55 дивизія нашего корпуса была готова къ содѣйствію правому флангу 2-ой арміи, при наступленіи этой арміи на лѣвый флангъ японцевъ; это наступленіе должно было начаться 12-го февраля, но почему-то было отложено. 13-го днемъ выяснилось, что японцы сами собираются атаковать нашъ лѣвый флангъ (1-ая армія), въ виду чего наступательныя операціи нашего праваго фланга противъ лѣваго крыла японцевъ были отложены и по распоряженію главнокомандующаго вся 72 дивизія нашего корпуса перешла въ нашъ лѣвый флангъ, на усиленіе 2-го и 3-го Сибирскихъ корпусовъ.

Демонстрація японцевъ противъ нашего лѣваго фланга была принята штабомъ главной квартиры за боевую подготовку къ удару главныхъ ихъ силъ на нашу 1-ую армію. Какъ впослѣдствіи оказалось, это была грубая ошибка, которая служитъ еще однимъ изъ серьезныхъ доказательствъ того, что мы вели войну въ темную и что развѣдочная служба была поставлена у насъ невозможно плохо, да и понятно, почему: полковникъ Ухачъ-Огоровичъ, на котораго возложена была развѣдывательная часть, занимался больше коммерческой операціей по покупкѣ лошадей и повозокъ для казенныхъ транспортовъ и наймомъ частныхъ транспортовъ, (эта операція опредѣлилась въ 12 съ лишнимъ милліоновъ рублей), какъ я уже упоминалъ объ этомъ.

Какъ разъ съ 13-го числа поднялся сильный тайфунъ. Я ѣхалъ въ это время къ южнымъ воротамъ Мукдена и тайфунъ засталъ меня въ дорогѣ. Ничего подобнаго я себѣ не представлялъ. Мнѣ приходилось попадать въ сильнѣйшіе туманы, когда едва можно различить рядомъ стоящаго человѣка, но во время тайфуна я могъ видѣть голову своей лошади, только пригнувшись къ передней лукѣ сѣдла. Сплошныя облака пыли, песку и мелкихъ камушковъ съ силой кружились вокругъ меня, окутывая густыми непроницаемыми облаками. Въ первый моментъ мнѣ пришла въ голову мысль, что я непремѣнно долженъ задохнуться въ этихъ облакахъ пыли.. Лошадь осторожно

ступала, какъ слѣпая и постоянно останавливалась. Чрезъ нѣкоторое время я въѣхалъ въ какое-то селеніе и укрылся въ первомъ дворѣ, за глиняной стѣной. Отчасти благодаря тайфуну, наступательныя дѣйствія 13-го числа были отложены. Съ ранняго утра 14-го февраля японцы открыли сильный артиллерійскій огонь противъ нашихъ позицій по всей линіи, но мы имъ не отвѣчали. Что они задумали? Никто не зналъ этого навѣрно, но большинство предполагало, что какъ наступленіе ихъ на нашъ лѣвый флангъ, со стороны Кореи, такъ и обстрѣлъ центра были не болѣе, какъ демонстраціи, съ цѣлью замаскировать обходъ нашего праваго фланга, для занятія Мукдена. Это предположеніе имѣло за собою болѣе основаній, чѣмъ вѣроятность обхода нашего лѣваго фланга, по очень пересѣченной мѣстности и вдали отъ Мукдена и желѣзнодорожной линіи.

Между тѣмъ, какъ я уже упоминалъ выше, штабъ главной квартиры почему-то увѣренъ былъ, что японцы предпринимаютъ обходъ со стороны Кореи; эта увѣренность окрѣпла къ 15-му числу, когда японцы начали обсыпать центръ нашихъ позицій отъ Путиловской сопки до полотна желѣзной дороги огромными снарядами изъ осадныхъ орудій. Но уже 16-го получено было свѣдѣніе о томъ, что японцы насъ одурачили и огромными силами предприняли обходное движеніе на нашъ правый флангъ. Чтобы замаскировать этотъ смѣлый и превосходно обдуманный маршъ, японцы оставшимися частями стали производить безпрерывныя отчаянныя атаки и громить наши позиціи центра и лѣваго фланга сильнѣйшимъ огнемъ осадныхъ орудій. Приходилось одновременно принимать атаки и держаться на своихъ позиціяхъ подъ страшнѣйшимъ обстрѣломъ сосредоточеннаго артиллерійскаго огня и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшно двигать резервы на правый флангъ, чтобы противодѣйствовать обходу, и главнымъ образомъ, не дать захватить желѣзнодорожную линію сѣвернѣе Мукдена. Съ потерею этой единственной коммуникаціонной линіи мы были бы совершенно отрѣзаны отъ метрополіи и тыла и очутились бы въ ловушкѣ.

Таково, въ общихъ чертахъ, было стратегическое положеніе.

Въ разстояніи около двухъ верстъ отъ бивака нашего штаба находилась Новгородская сопка, которая усиленно обстрѣливалась

осадными орудіями. Я вышелъ изъ деревни посмотрѣть на это эффектное зрѣлище и, увлекшись, незамѣтно дошелъ до рѣки Шахэ, протекающей у подошвы сопки. На берегу лежало нѣсколько большихъ брусьевъ, оставшихся отъ устройства блиндажей. Я усѣлся на одинъ изъ этихъ брусьевъ и сталъ наблюдать за работой японцевъ. Они, какъ видно, уже пристрѣлялись, т. е. точно опредѣлили разстояніе и стрѣляли поразительно мѣтко, все время бросая снаряды въ вершину сопки. Громадные снаряды, ударяясь въ землю, разрывались съ страшнымъ грохотомъ и подымали исполинскіе клубы земли и пыли. Отъ ударовъ снарядовъ, падавшихъ въ самую вершину, она мѣняла свою форму, замѣтно для глаза. Люди, находившіеся на сопкѣ, были сняты и уведены за отвѣсный южный берегъ Шахэ. Чрезъ нѣкоторое время снаряды стали перелетать черезъ вершину и ложиться на сѣверномъ склонѣ, обращенномъ ко мнѣ, а когда одинъ снарядъ упалъ близъ подошвы, я рѣшилъ, что оставаться на этомъ обсерваціонномъ пунктѣ опасно и вставъ съ бруса, пошелъ назадъ. Пройдя около 500 шаговъ, замѣтилъ двухъ артиллеристовъ, сидѣвшихъ на китайской могилѣ и въ бинокль разсматривавшихъ обстрѣлъ сопки. Поздоровался.

— Хотите взглянуть?—спросилъ меня одинъ изъ офицеровъ, протягивая мнѣ свой бинокль.—Мы нашли японскую батарею, съ которой они стрѣляютъ. Это будетъ верстъ 6—7 отсюда.

Беру бинокль и ищу по показываемому мнѣ направленію. Дѣйствительно, при каждомъ выстрѣлѣ видно очень небольшое облачко дыма.

— Однако, вы, С. Я., рискуете, подходя такъ близко къ сопкѣ. Они уже перебрасываютъ снаряды на нашу сторону.

— Я, вѣдь, и ушелъ оттуда, какъ только это замѣтилъ.

— Смотрите!—вскричалъ въ это время другой офицеръ:—разорвалось на берегу и огромный осколокъ полетѣлъ вдоль берега! Какъ бы не хватило въ нашихъ!..

За полетомъ нижнихъ осколковъ можно легко слѣдить, такъ какъ, пролетая надъ поверхностью земли, они зацѣпляютъ за всѣ неровности, отчего подымается немного пыли, указывающей на направленіе движенія осколка.

Надо уходить и отсюда. Мы вышли втроемъ на дорогу и медленно отходили, останавливаясь при каждомъ разрывѣ. Послѣ одного изъ разрывовъ мы услышали надъ головами какое-то странное и очень сильное шуршаніе и вслѣдъ за этимъ, шагахъ въ 30 отъ насъ, упалъ осколокъ. Мы бросились къ этому мѣсту и подняли осколокъ, вѣсомъ около пуда. Судя по сферической части, онъ принадлежалъ одиннадцати дюймовому снаряду. Кажется, это былъ первый примѣръ въ исторіи войнъ, что въ полевой войнѣ были введены въ дѣйствіе осадныя орудія такого огромнаго калибра. Установка осадныхъ орудій, имѣющихъ громадный вѣсъ вмѣстѣ съ лафетомъ, особенно затруднительна: надо строить особыя платформы на каменномъ основаніи. Одна перевозка этихъ гигантовъ въ гористой мѣстности сопряжена съ чрезвычайными затрудненіями. Японцы все это преодолѣли.

Офицеры ушли съ осколкомъ, а я еще остался дождаться осколка и для себя.

Вотъ тутъ мнѣ пришлось въ первый разъ въ жизни испытать странный страхъ; это не былъ страхъ предъ предстоящей опасностью, а страхъ отъ опасности, уже *прошедшей*. Я видѣлъ, какъ 11″ снарядъ, ударилъ прямо въ брусья, на которыхъ я сидѣлъ за нѣсколько минутъ до этого и огромные куски ихъ, при разрывѣ снаряда, взлетѣли на воздухъ при гигантскомъ облакѣ пыли. Я вообразилъ себя въ этотъ моментъ сидящимъ на брусьяхъ и взлетающимъ на воздухъ вмѣстѣ съ этими щепками. Ахъ, какъ у меня въ это время защемило сердце: я почувствовалъ, точно лечу куда-то въ бездну. Но это чувство сейчасъ же прошло и смѣнилось радостью отъ сознанія, что я избѣгъ воздушнаго путешествія на тотъ свѣтъ. Мнѣ все-таки удалось поймать два осколка, оба вѣсомъ по 18 фунтовъ, причемъ одинъ изъ осколковъ былъ съ ведущимъ мѣднымъ пояскомъ, т. е. принадлежалъ къ цилиндрической части снаряда. Съ этими осколками я направился въ Штабъ корпуса и воспользовался дорогой нагнавшею меня двуколкою съ раненымъ, куда я положилъ осколки. При въѣздѣ на бивакъ, я вынулъ ихъ изъ двуколки и принесъ показать командиру корпуса. По обмѣрѣ, оказалось, что осколки дѣйствительно принадлежатъ 11″ снарядамъ.

Съ 18-го числа наша артиллерія приняла вызовъ и началось со-

стязаніе. Временами въ воздухѣ стоялъ безпрерывный грохотъ; отдѣльныхъ выстрѣловъ слухъ не могъ уловить. Нервное напряженіе у всѣхъ было очень сильное: на протяженіи 80 верстъ свыше милліона людей перебрасывались металлическими чудовищами, сѣя всюду смерть. Въ общемъ грохотѣ выдѣлялись отдѣльные могучіе выстрѣлы осадныхъ орудій.

На другой день я отправился на наши позиціи. Съ утра солнце ярко свѣтило и заставляло жмурить глаза отъ ослѣпительнаго свѣта. Наша линія отъ окоповъ Смоленскаго до южной Безымянной издали имѣла видъ ряда дымящихся костровъ отъ огромнаго количества разрывающихся снарядовъ, которыми японцы засыпали наши позиціи. Дымъ отъ разрывовъ, какъ ядовитое дыханіе чудовища, точно слизывалъ землю въ мѣстѣ разрыва, а затѣмъ медленно, спокойно подымался и исчезалъ въ безоблачномъ небѣ. Несмотря на адскій огонь, наши потери были очень незначительны, благодаря удачно выбраннымъ позиціямъ, и хорошо устроеннымъ прикрытіямъ.

При моемъ приближеніи къ оврагу около деревни Шанландзы, недалеко отъ меня шлепнулась шимоза и съ рѣзкимъ ударомъ разорвалась, поднявъ большое облако земли. Моя лошадь рванула, но во время сдержанная въ поводу, начала фыркать и подыматься на дыбы. Вотъ еще одна шимоза ударилась вправо и закопалась въ землю, не разорвавшись. Съ большими усиліями, захвативъ поводья обѣими руками, сдерживаю коня.

— Ваше превосходительство, это японецъ по насъ стрѣляетъ. Надо бы въ оврагъ съѣхать,—обращается ко мнѣ мой казакъ.

— Станутъ они по насъ съ тобой снаряды тратить! Это ихъ перелеты. Они обстрѣливаютъ нашу батарею.

— Никакъ нѣтъ! Они насъ запримѣтили.

И точно въ доказательство справедливости словъ казака, надъ нами прогудѣлъ еще снарядъ и упалъ гдѣ-то сзади, тоже зарывшись въ землю.

Даемъ ходъ лошадямъ и спускаемся по прикрытому ходу въ оврагъ, гдѣ расположены двѣ нашихъ батареи. Тамъ приходится слѣзть съ лошадей и дальше идти пѣшкомъ вдоль рѣки, подъ южнымъ отрывистымъ берегомъ. На батареяхъ идетъ оживленная стрѣльба.

Иду дальше пѣшкомъ и дохожу до блиндажа начальника участка, генералъ-майора Ф. Блиндажъ построенъ подъ крутымъ берегомъ и превосходно укрытъ отъ непріятельскихъ снарядовъ. Вхожу въ блиндажъ и несмотря на двѣ зажженныхъ свѣчи, ничего не вижу: такъ силенъ переходъ отъ яркаго солнечнаго свѣта къ закрытому со всѣхъ сторонъ блиндажу. Наконецъ, глаза привыкаютъ и замѣчаю симпатичнаго Ф. и двухъ офицеровъ.

— Отчего вы, Р. Ѳ., не сдѣлали оконъ, и сидите днемъ при свѣчахъ? Вѣдь снаряды никакъ не могутъ попасть внутрь блиндажа.

— А, вы, батюшка, забыли про шимозу? Вѣдь она, подлая, прилетитъ сюда, разорвется, да осколки-то къ намъ въ окна и насыпитъ. Анъ, смотришь, вмѣсто Р. Ѳ. останется только одно мертвое тѣло! Съ этими проклятыми шимозами шутки плохія. Ужъ лучше со свѣчками посидѣть, все покойнѣе будетъ!

— Очень васъ донимаютъ осадныя?

— Ничего, хорошо стрѣляютъ шельмы япошки. Если пойдете къ Сахэ-пу, увидите, какъ они изрыли одно мѣстечко. Потерь у насъ нѣтъ, а моральное впечатлѣніе сильное.

Посидѣвъ немного въ блиндажѣ, я отправился дальше. Около кумирни приходится проходить скорымъ шагомъ, потому что это мѣсто ничѣмъ не прикрыто и постоянно обстрѣливается ружейнымъ огнемъ.

Дальше опять идутъ окопы, редюитъ для резерва и мортирныя батареи.

Въ редюитѣ идутъ усиленныя работы по устройству блиндажей для прикрытія отъ артиллерійскаго огня. Блиндируются также и уширенные рвы ходовъ сообщенія: японская артиллерія временно прекратила бой около 12 часовъ дня. Наши воспользовались этимъ и работы по блиндировкѣ закипѣли.

За мортирными батареями, не доходя до Сахэ-пу, какъ разъ около дороги, лежала неразорвавшаяся японская шрапнель. Иду дальше и останавливаюсь въ изумленіи предъ открывшейся картиной: вправо отъ дороги огромная площадь земли была сплошь изрыта глубокими воронками отверстіемъ $1^1/_2$—2 сажени; разстояніе между воронками 3—4 сажени, но нѣкоторыя почти соприкасаются другъ съ другомъ. Это мѣсто обстрѣла 11″ снарядами. Какая поразительная мѣткость стрѣльбы!

Съ разстоянія 8—10 верстъ японцы осыпали своими снарядами эту площадь, буквально забросавъ ее. Очевидно, они избрали своей цѣлью наши мортирныя батареи, которыя не пострадали отъ этого адскаго огня только потому, что были хорошо спрятаны подъ отвѣсной стѣной оврага, находясь почти«въ мертвомъ пространствѣ».Дальше я не пошелъ и вернулся назадъ. По дорогѣ встрѣтилъ штабсъ-капитановъ Д. и В.; Д. пріѣхалъ въ Штабъ корпуса по дѣламъ службы и такъ какъ онъ находился въ летучемъ паркѣ и ни разу не былъ на позиціяхъ, поэтому, узнавъ, что В. ѣдетъ на позиціи, упросилъ его взять съ собою.

Я уже упоминалъ о томъ, что около кумирни было мѣсто, которое постоянно обстрѣливалось ружейнымъ огнемъ. В. и Д. остановились на минутку около этого мѣста. Эта остановка оказалась роковою для Д. Японская пуля пробила ему голову насквозь и онъ, какъ снопъ, свалился къ ногамъ В. Сейчасъ же кликнули санитаровъ, перевязали рану и отправили раненаго на носилкахъ въ дивизіонный лазаретъ.

Д. въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ въ безпамятствѣ и его сдали въ Мукденскій лазаретъ Краснаго креста. Врачи были убѣждены въ томъ, что онъ умретъ и увѣрили насъ въ этомъ. Каково же было наше удивленіе, когда отъ него было получено впослѣдствіи изъ Мацуямы письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что при взятіи Мукдена, онъ попалъ въ число плѣнныхъ и, благодаря хорошему уходу, совершенно поправился.

По возвращеніи въ Штабъ корпуса, я узналъ, что бой идетъ по всей линіи и каковы бы ни были результаты, намъ придется покинуть наши позиціи. Отступать, или наступать? Вотъ вопросъ, который втайнѣ задавали себѣ многіе, но ни откуда нельзя было получить отвѣта. Положеніе было крайне неопредѣленное. Одни говорили, что мы во что бы то ни стало перейдемъ въ наступленіе, другіе увѣряли, что моментъ уже упущенъ и иниціатива опять осталась въ рукахъ японцевъ, которые потянутъ всю нашу армію туда, куда сами захотятъ. Никто точно не зналъ плановъ Куропаткина, но чувствовалось, что мы ввязались въ рѣшительный бой и что онъ имѣетъ рѣшающее значеніе для всего дальнѣйшаго хода кампаніи.

Еще 16-го февраля было получено оффиціальное сообщеніе о

томъ, что японцы главными силами обходятъ нашъ правый флангъ, поэтому было ясно, что во всякомъ случаѣ придется произвести стратегическую перемѣну фронта, а стало быть надо быть готовымъ къ передвиженію обозовъ и ближнихъ тыловыхъ учрежденій. Я поѣхалъ въ свое Управленіе и отдалъ распоряженіе своимъ сотрудникамъ о томъ, чтобы они немедленно занялись выясненіемъ наличія имущества и запасовъ во всѣхъ интендантскихъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ и въ войсковыхъ частяхъ. На случай отступленія и уничтоженія имущества, эта повѣрка была необходима. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мною было обращено вниманіе на необходимость вывоза на сѣверъ наиболѣе цѣнныхъ грузовъ изъ нашихъ продовольственныхъ складовъ, находившихся въ Тадзяртуни и Урехедзѣ.

Благодаря энергичнымъ хлопотамъ корпуснаго интенданта, для вывоза изъ Тадзяртуни грузовъ былъ командированъ вольнонаемный транспортъ. Я считаю необходимымъ остановиться здѣсь на одной операціи по грузовой перевозкѣ, служащей прекрасной иллюстраціей дѣйствій Ухача-Огоровича. Выше я уже говорилъ, что онъ занимался перевозками казенныхъ грузовъ на вольнонаемныхъ транспортахъ, уплачивая за перевозки бѣшеныя деньги, въ то время, какъ въ арміяхъ были огромные казенные транспорты, съ весьма ограниченной ихъ утилизаціею.

Я на основаніи документальныхъ данныхъ утверждаю, что Ухачъ-Огоровичъ стремился, насколько возможно, больше производить перевозку наемными транспортами и въ этомъ стремленіи не стѣснялся ничѣмъ, принявъ на себя самовольно обязанности полевого интенданта.

По отношенію къ нашему корпусу Ух.-Огоровичъ выказалъ трогательную заботу, отправивъ изъ Тьелина на наемныхъ подводахъ 23,000 пудовъ чумизной крупы въ Тадзяртунскій складъ. За эту перевозку казна заплатила 65.100 рублей. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ— должна выяснить слѣдственная власть, но для корпуса этого продукта вовсе не требовалось. Когда я узналъ, что въ Тадзяртунь везутъ эту крупу, я немедленно запросилъ интенданта, для чего и по чьему распоряженію это дѣлается, но онъ и самъ объяснить этого не могъ, сообщивъ лишь, что онъ телеграммой просилъ о прекращеніи

этой доставки, за ненадобностью. Перевозка крупы была произведена по непосредственному распоряженію Ухачъ-Огоровича, который, помимо интенданта, выдалъ смотрителю магазина нарядъ на отпускъ 23,000 пудовъ крупы, для перевозки вольнонаемнымъ транспортомъ.

Крупа была привезена и лежала безъ всякаго употребленія. Когда, предъ отступленіемъ, прибылъ вольнонаемный транспортъ для вывоза продовольственныхъ грузовъ, я лично распорядился въ Тадзяртунскомъ складѣ о томъ, чтобы вывозили сначала всѣ продовольственные грузы, необходимые для войскъ, оставивъ это чумизное зерно подъ конецъ и предполагая сжечь его, въ случаѣ, если не успѣемъ его вывезти. Такое же указаніе дано было и контролеру, командированному мною въ складъ. Тѣмъ не менѣе, когда я заѣхалъ въ Тадзяртунь, чтобы посмотрѣть, насколько успѣшно производится перевозка, то увидалъ, что большая часть чумизной крупы уже вывезена, а всѣ прочіе дѣйствительно необходимые для корпуса продукты— оставлены. Завѣдующій складомъ заявилъ мнѣ, что транспорту приказано было принять только чумизную крупу и что приказаніе исходило отъ Ухачъ-Огоровича. Эту крупу свезли частью въ Мукденъ, а частью въ Тьелинъ, казна заплатила за обратную перевозку 33.557 рублей и крупа была все-таки сожжена! Вотъ какъ беззастѣнчиво и безнаказанно распоряжался Ухачъ-Огоровичъ казенными суммами!..

При нашемъ корпусѣ была восьми-орудійная осадная батарея, очень хорошо поставленная.

Такъ какъ японцы наносили сильныя пораженія на участкѣ около деревни «Южная Безымянная», поэтому необходимо было открыть огонь осадной батареи, но командиръ корпуса безсиленъ былъ своей властью сдѣлать это!.. Невѣроятно, но это фактъ! Руководство дѣйствіями осадной артиллеріи было возложено на генерала X., сидѣвшаго гдѣ-то въ тылу и оттуда по телефону распоряжавшагося огнемъ осадной артиллеріи на передовыхъ позиціяхъ. Только послѣ оживленныхъ переговоровъ начальника Штаба, а затѣмъ и самого корпуснаго командира съ генераломъ X., было дано разрѣшеніе открыть огонь.

За 18-ое число японцы предприняли нѣсколько атакъ на наши позиціи, но всѣ атаки были отбиты.

Къ вечеру 18-го было получено распоряженіе штаба 3-ей арміи о вывозѣ въ тылъ всѣхъ запасовъ и госпитальнаго имущества, а къ ночи былъ данъ приказъ снять съ позиціи нашу осадную артиллерію.

Командиръ осадной батареи, капитанъ Ш.—К., въ большомъ порядкѣ вывезъ громадныя орудія и весь большой запасъ снарядовъ въ деревню Тхоусянтунь, но утромъ получено было распоряженіе вновь поставить осадныя орудія на прежнее мѣсто и уже къ 12 часамъ дня Ш.—К. имѣлъ возможность открыть огонь изъ своихъ орудій.

Въ эту ночь японцы предприняли цѣлый рядъ отчаянныхъ атакъ на наши позиціи и доходили, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, до проволочныхъ загражденій.

19-го утромъ, когда я былъ на позиціяхъ, то противъ Южной-Безымянной и люнета №11 простымъ глазомъ видѣлъ груды японскихъ тѣлъ. По объясненію унтеръ-офицера, находившагося на наблюдательномъ пунктѣ, особенно сильная атака началась въ шестомъ часу утра и наши мортиры сильно помогли отразить эти атаки. Груды труповъ—это результатъ мортирныхъ выстрѣловъ.

Я отправился на позиціи съ капитаномъ З. и мы пробирались вдоль боевой линіи, гдѣ по ходамъ сообщенія, а гдѣ по открытому мѣсту, но послѣ безумныхъ неудачныхъ атакъ японцы совершенно притихли и мы свободно проходили предъ глазами японскихъ стрѣлковъ. На одномъ пригоркѣ мы присѣли и стали разглядывать въ бинокль японскія позиціи.

Превосходно были видны даже лица копошившихся въ окопахъ солдатъ. Я сдѣлалъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ и, спѣша обойти всѣ позиціи, хотѣлъ пойти дальше, но З. сталъ уговаривать меня еще немного посидѣть; я настоялъ на своемъ и мы пошли къ блиндированному наблюдательному пункту. Убѣдившись въ вѣжливости японцевъ, я влѣзъ на насыпь блиндажа и только-что поднялъ бинокль, какъ раздался орудійный выстрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ разорвалась шрапнель и осыпала пулями пригорокъ, на которомъ мы только что спокойно сидѣли. Я моментально скатился съ верхушки блиндажа.

— Вотъ такъ фунтъ! Хорошо, что мы съ вами во-время ушли, сказалъ З., указывая на пригорокъ.

— Свѣчку, батюшка, поставьте за мое здоровье. Если бы я васъ не утянулъ, оба тамъ остались-бы навсегда!

Это былъ второй случай, когда я своевременно ушелъ отъ смерти.

Какъ же послѣ того не сдѣлаться фаталистомъ? Я вѣрилъ, что вернусь цѣлъ и невредимъ, и хотя мнѣ приходилось нѣсколько разъ бывать въ опасномъ положенiи, но я никогда потомъ не испытывалъ такого чувства страха предъ смертью, какъ въ первомъ дѣлѣ при деревнѣ Безымянной, когда я впервые попалъ въ бой.

На наблюдательномъ пунктѣ я опять сдѣлалъ нѣсколько снимковъ и мы, пройдя часть позицій, свернули на осадную батарею. Ш.—К., сидя въ темномъ блиндажѣ, напѣвалъ на мотивъ «стрѣлочка» сочиненные имъ злободневные куплеты. Я и сейчасъ не могу безъ смѣха вспомнить эту фигуру, съ телефоннымъ аппаратомъ на головѣ, сидящую на земляной скамейкѣ съ поджатыми по-турецки ногами; при свѣтѣ двухъ свѣчей, воткнутыхъ въ дистанцiонныя трубки отъ снарядовъ, онъ мѣрно, въ тактъ раскачивая головой, съ воодушевленiемъ распѣвалъ свои куплеты, въ которыхъ онъ излилъ всю желчь, накипѣвшую въ груди въ теченiе 4-хъ мѣсячнаго сидѣнiя въ темномъ блиндажѣ.

Нашъ визитъ съ того свѣта въ мрачное подземелье пещернаго жителя привелъ Ш.—К. въ неописуемый восторгъ. Въ ожиданiи чая, онъ спѣлъ намъ свои куплеты. Въ это время по телефону приказано было открыть огонь и мы вышли на батарею. Мнѣ удалось сдѣлать нѣсколько очень удачныхъ снимковъ разныхъ моментовъ стрѣльбы и хотя при каждомъ выстрѣлѣ я усердно раскрывалъ ротъ, что дѣлаютъ всѣ артиллеристы на батареѣ, чтобы не лопнула барабанная перепонка, но все-таки нѣсколько дней была боль въ ушахъ.

Ш.—К. стрѣлялъ въ этотъ день послѣднiй разъ, т. к. въ сумерки былъ отданъ приказъ снять съ позицiи всю осадную артиллерiю и не запряженныя мортирныя орудiя.

По прiѣздѣ въ Штабъ, я засталъ всюду лихорадочную дѣятельность. Около канцелярiи Штаба сновали офицеры для связи и при нихъ дежурные ординарцы, наготовѣ, для посылки донесенiй. Оба телефона безпрерывно гудятъ. Вѣстовые бѣгаютъ съ телефонограммами. Штабные конные ординарцы одинъ за другимъ разсылаются

съ приказаніями, а на смѣну имъ являются новые—съ донесеніями изъ боевыхъ участковъ и сообщеніями изъ штаба арміи. Чувствуется что-то тревожное.

Наконецъ узнаю, около 9 часовъ вечера, что получена диспозиція къ отступленію нашему и сосѣднему, съ правой стороны, 17-му корпусу.

Прямо невѣроятно, чтобы могло состояться такое распоряженіе. Мы должны отойти на линію Гуантунь—Сѣверная Шанландза.

Корпусъ, послѣ многочисленныхъ, яростныхъ атакъ, съ такимъ мужествомъ имъ отбитыхъ, остался на своихъ позиціяхъ, которыя хорошо были изучены и къ нимъ привыкли. Бросать безъ боя эти, облитыя кровью и купленныя тысячами смертей мѣста и отступать на открытое мѣсто, гдѣ нельзя строить никакихъ закрытій въ скованной морозомъ, твердой, какъ гранитъ, землѣ! Нѣтъ, это невѣроятно!

Наконецъ, какъ мы смѣемъ отойти и обнажить Новгородскую и Путиловскую сопки. Вѣдь это стратегическій ключъ нашей позиціи и только мы отойдемъ, какъ тотчасъ-же Путиловская сопка будетъ отбита японцами!

Тѣмъ не менѣе, 17-ый корпусъ началъ отступленіе и обнажилъ правый флангъ нашего корпуса. Видя опасность положенія, командиръ нашего корпуса заявилъ, что онъ не можетъ отступить, и принявъ эту рѣшимость, изложилъ свои соображенія командующему 3-ей арміей.

Получивъ вторичное предложеніе генерала Бильдерлинга, генералъ Соболевъ вновь отказался исполнить его и вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ въ сношеніе съ командиромъ 1-го корпуса бар. Мейендорфъ, въ районъ котораго входила Путиловская сопка. Бар. Мейендорфъ вступилъ въ переговоры съ генераломъ Куропаткинымъ и, указавъ на угрожающую опасность отступленія центра, просилъ распоряженія о задержаніи 6-го и 17 корпусовъ на своихъ позиціяхъ. Генералъ Куропаткинъ согласился отмѣнить свое распоряженіе, но оказалось, что оставленныя 17-мъ корпусомъ позиціи были уже заняты японцами; несмотря на попытки 17 корпуса выбить ихъ оттуда, они прочно засѣли и начали обстрѣливать адскимъ огнемъ, въ тылъ, правый флангъ нашего корпуса.

20-го японцы густыми цѣпями повели атаку на нашъ правый флангъ, но были отбиты. Тогда они огромными силами бросились на деревню Ванди-Кудязу, наполовину разрушенную 11-ти дюймовыми снарядами, но и здѣсь наши резервисты стойко выдержали отчаянную атаку. Тѣмъ не менѣе, положенiе было крайне тяжелое. Ясно было, что японцы стремятся прорвать центръ, чтобы, перейдя рѣку Хунь-хэ, обезпечить своимъ главнымъ силамъ, обходное движенiе въ тылъ нашей армiи и занятiе желѣзной дороги къ сѣверу отъ Мукдена.

Если бы этотъ планъ удался, вся русская армiя очутилась-бы въ ловушкѣ!..

6-ой корпусъ, однако, этого не допустилъ, и это слѣдуетъ поставить въ личную заслугу генерала Соболева, который въ столь критическiй моментъ выказалъ большое гражданское мужество, не исполнивъ приказа объ отступленiи.

Становилось яснымъ, что мы должны отступить съ своихъ позицiй и произвести стратегическую перемѣну фронта.

Утромъ 22-го числа, командиръ корпуса передалъ мнѣ о распоряженiи подготовиться къ вѣроятному отступленiю частей на сѣверный берегъ рѣки Хунь-хэ. Я тотчасъ-же поѣхалъ на позицiи, гдѣ шли усиленныя работы по блиндировкѣ.

Заѣхавъ къ начальнику участка, генералу Ф., я оставилъ въ оврагѣ свою лошадь и казака, и отправился пѣшкомъ вдоль позицiи. Въ передовомъ люнетѣ, построенномъ въ окопахъ Смоленскаго, командовавшiй батальономъ, вновь прибывшiй въ нашъ корпусъ офицеръ, не зналъ меня въ лицо и потребовалъ пропускъ, который я позабылъ спросить въ Штабѣ. Я досталъ изъ кармана предписанiе командира корпуса о безпрепятственномъ моемъ пропускѣ по всѣмъ боевымъ позицiямъ, но этого предписанiя было недостаточно. Тогда я написалъ полевую записку начальнику участка, съ просьбой сообщить мнѣ пароль и пропускъ, и съ этой запиской былъ командированъ одинъ изъ нижнихъ чиновъ батальона, который черезъ часъ вернулся съ паролемъ въ пакетѣ на мое имя. Я нарочно остановился на этомъ небольшомъ инцидентѣ, чтобы показать, какъ неосмысленно у насъ была поставлена сторожевая служба. Если командиръ батальона заподозрилъ во мнѣ японскаго шпiона, то онъ долженъ былъ, для

удостовѣренія моей личности, отправить меня подъ конвоемъ къ начальнику отряда, а онъ далъ мнѣ возможность получить пароль и пропускъ.

Оттуда я отправился въ Сахэ-пу. Это былъ укрѣпленный возвышенный пунктъ, изрѣзанный окопами, которые соединялись между собою и съ резервами—крытыми ходами сообщеній. Въ Сахэ-пу былъ помѣщенъ цѣлый полкъ. Когда я поднялся на укрѣпленіе, то остановился въ изумленіи: предо мною были однѣ развалины; рвы и ходы сообщеній были мѣстами засыпаны и изрыты громадными воронками—очевидно, сюда былъ направленъ убійственный огонь 11-ти дюймовыхъ снарядовъ! Я хожу по укрѣпленію, перелѣзаю чрезъ воронки, спускаюсь во рвы и вновь вылѣзаю оттуда по засыпаннымъ мѣстамъ и наконецъ совсѣмъ запутываюсь въ лабиринтѣ рвовъ и воронокъ. Народу—ни души, словно все вымерло. Наконецъ, по специфическому запаху искуственной ямы нахожу поворотъ хода сообщеній къ блиндажу командира полка, гдѣ недѣли двѣ тому назадъ я отогрѣвался за кипящимъ самоваромъ.

Вотъ и блиндажъ. Открываю дверь и нахожу нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ.

— Ребята, вѣдь это какъ будто блиндажъ командира полка?

— Такъ точно, в. пр-во.

— А гдѣ-же командиръ полка?

— Такъ-что, в. пр-во, весь полкъ отселѣ вывели, спрятали подъ оврагъ.

— Енъ шибко стрѣлялъ осадными орудіями, всю укрѣпленію разбилъ!

— Никакъ нельзя было въ окопахъ оставаться. Всѣ блиндажи въ окопахъ разбилъ.

— А вы что-же здѣсь дѣлаете?

— Въ караулѣ, в. пр-во, стоимъ.

— Ахъ вы, сволочь! А если бы вмѣсто меня японцы сюда пробрались и заняли-бы укрѣпленіе!.. Хорошъ караулъ, нечего сказать! Вѣдь васъ, негодяевъ, разстрѣлять за это слѣдуетъ! Вонъ отсюда!

Въ одинъ моментъ вся команда 6—8 человѣкъ разбѣжалась по окопамъ.

Не знаю, было-ли извѣстно въ Штабѣ о томъ, что полкъ былъ выведенъ. Судя по видѣнному мною, если бы полкъ оставался въ укрѣпленіи, половина его была-бы выбита изъ строя, но, съ другой стороны, оставлять укрѣпленіе на произволъ судьбы—было преступленіемъ .Я такъ и не зашелъ къ командиру полка, чтобы не подымать этого вопроса.

На обратномъ пути, проходя мимо мортирныхъ батарей, увидѣлъ одну подбитую мортиру; непріятельскій снарядъ ударилъ въ казенную часть, и разбилъ его; правая станина лафета было согнута и своро-чена на сторону, а вмѣсто колеса осталась только втулка.

Здѣсь-же валялся оставленный почему-то толстый отвозный канатъ. Недалеко отъ этого мѣста, почти при самой дорогѣ, лежалъ не разорвавшійся 11-ти дюймовый снарядъ. Онъ упалъ не головной частью, а бокомъ и продолжая, по инерціи, ползти по землѣ, провелъ небольшую борозду по крѣпкой мерзлой землѣ. Я снялъ фотографію съ этого заснувшаго звѣря.

Оттуда снова завернулъ въ люнетъ и сообщилъ, что сегодня ночью, вѣроятно, мы отойдемъ за Хунь-хэ. Меня сейчасъ-же обступили нижніе чины и офицеры. Послышались восклицанія.

— Какъ!

— Неужели?

— Не можетъ быть!

— Нельзя такъ бросать позиціи, безъ боя!

Ко мнѣ подходитъ минеръ.

— В. пр-во! Неужели правда, что приказано отступать? Хоть-бы боя дождаться! Я вчера послѣднюю мину заложилъ. Теперь у насъ загражденія въ два ряда заложены, такъ что цѣлую японскую дивизію отразить можно!

Я объясняю имъ обстановку и необходимость отойти съ теперешнихъ позицій, чтобы не отдать желѣзной дороги и не попасть въ западню.

Мои объясненія мало помогаютъ дѣлу и кругомъ слышится ропотъ и довольно откровенно высказываемое мнѣніе о высшемъ начальствѣ по поводу постоянныхъ и ненужныхъ отступленій. Судя по видѣнному и слышанному, настроеніе въ обстрѣленныхъ частяхъ боевыхъ по-

зицій было бодрое и, конечно, надо было его использовать—отступить можно во всякую минуту, а чтобы выдержать серьезный бой—необходимо настроеніе, готовность къ бою. Хорошій военачальникъ долженъ умѣть создать такой психологическій моментъ и во-время имъ воспользоваться.

Вернувшись въ Штабъ, я не замедлилъ передать командиру корпуса о настроеніи войскъ и старикъ съ грустью передалъ мнѣ, что онъ принужденъ отступить только вслѣдствіе категорическаго приказанія главнокомандующаго, но не можетъ не видѣть ошибочности въ дѣйствіяхъ его.

Командиръ корпуса просилъ меня присутствовать при сожженіи имущества, которое должно быть оставлено на мѣстѣ, за невозможностью вывезти его на сѣверъ.

По его распоряженію я набросалъ въ записной книжкѣ предписаніе слѣдующаго содержанія:
«предписываю принять мѣры къ уничтоженію складовъ ввѣреннаго «мнѣ корпуса, по мѣрѣ отступленія войсковыхъ частей. Эти склады «уничтожать лишь въ послѣдніе моменты отхода нашихъ арьергар-«довъ. Въ ваше распоряженіе назначаются 6 человѣкъ конной охот-«ничьей команды.»

Подписывая это предписаніе, командиръ корпуса добавилъ, что онъ сознаетъ важность и опасность этого порученія, но увѣренъ, что я не отступлю предъ опасностью и пунктуально исполню его распоряженіе.

Пересѣвъ на свѣжую лошадь, я отправился во всѣ склады и магазины 1-ой линіи, чтобы удостовѣриться въ правильности и своевременности повѣрки наличія имущества съ выведенными по книгамъ остатками, произведенной моими сотрудниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ самолично убѣдиться въ подготовленности складовъ для уничтоженія. Къ вечеру мнѣ удалось добраться до Хунь-хэ-пу, гдѣ находилось мое Управленіе, вмѣстѣ съ обозомъ второго разряда Штаба корпуса, но я уже не засталъ ихъ на бивакѣ—они выступили куда-то къ сѣверу. Нечего дѣлать, ѣду обратно въ Штабъ корпуса, но и здѣсь уже застаю обозъ запряженнымъ и весь Штабъ готовящимся выступить.

— Куда выступаемъ?—спрашиваю капитана С—на.

— Въ Восточную Импань, что около восточныхъ воротъ Мукдена.

— А когда и гдѣ будемъ ужинать?

— Э, батюшка, ужинъ вы проѣздили!! Подождите до завтрашняго дня, если японцы позволятъ.

— Когда отступаютъ съ боевыхъ позицій?

— 55-я дивизія должна сняться ровно въ двѣнадцать часовъ. Къ этому же времени должны быть сняты телеграфная и телефонная линіи. Охотничьи команды отойдутъ вѣроятно часа въ два ночи.

Иду въ саперный баталіонъ и узнаю, что снятіе линіи поручено капитану К., съ которымъ и сговариваюсь ѣхать вмѣстѣ.

Проводивъ Штабъ, мы поѣхали на передовыя позиціи, гдѣ уже началась съемка линіи. Полевые тонкіе телеграфные столбы крѣпко держались въ замерзлой землѣ и требовали много времени для вырытія. Увидя это, я посовѣтовалъ рубить ихъ и дѣло пошло очень быстро. Къ одиннадцати съ половиною часамъ мы пріѣхали въ Штабъ дивизіи, гдѣ начальникъ дивизіи генералъ Л., диктовалъ диспозицію къ отступленію, а ординарцы отъ частей записывали ее, чтобы тотчасъ же передать своему начальству.

Вдругъ вниманіе наше было привлечено огромнымъ заревомъ отъ пожара: это первый корпусъ, отступая, началъ сжигать свои склады. Какая возмутительная небрежность и нераспорядительность со стороны корпуснаго начальства, допустившаго это! Вѣдь это была самая лучшая сигнализація, которая указывала японцамъ время и мѣсто отступленія нашихъ войскъ и если бы японцы воспользовались этими сигналами, то намъ бы не поздоровилось. При отступленіи, на боевыхъ позиціяхъ обыкновенно остается только незначительный арьергардъ, (охотничьи команды), который своимъ огнемъ прикрываетъ отступленіе и когда главныя силы успѣютъ отойти на достаточное разстояніе, тогда только арьергардъ оставляетъ свои позиціи. Японцы, воспользовавшись нашей сигнализаціей, могли бы очень легко потѣснить арьергарды и снявъ ихъ, ударить въ тылъ отступающихъ частей.

Къ моменту отхода 55-й дивизіи, телеграфная и телефонная линіи были сняты и мы съ К. поѣхали въ деревню Тадзяр-

тунь, гдѣ помѣщались продовольственные склады первой линіи. Дорогой, проѣзжая черезъ деревню (не помню названія), мы увидѣли громадный костеръ, устроенный стоявшими здѣсь артиллерійскими парками. Кто распорядился поджечь склады—осталось невыясненнымъ, хотя было отдано распоряженіе о томъ, чтобы запасы сжигались не раньше отхода охотничьихъ командъ.

Въ Тадзяртуни я засталъ только двухъ нижнихъ чиновъ изъ команды склада, но сами завѣдующіе складами удрали, бросивъ ввѣренное ихъ попеченію имущество. Я приказалъ своему конвою, вмѣстѣ съ этими нижними чинами, обложить бунты припасовъ соломою и облить керосиномъ. Приходилось ждать, пока не пройдутъ охотники.

Ночной холодъ и голодъ даютъ себя знать. У меня во фляжкѣ была водка, а у солдатъ склада нашлась краюха чернаго хлѣба, которой мы и утолили голодъ. Въ три часа ночи слышимъ движеніе какой-то части.

— Кто идетъ?

— Охотничьи команды 55-й дивизіи!

— А что, ребята, всѣ здѣсь, или есть еще сзади команды?

— Никакъ нѣтъ, всѣ здѣсь. Послѣдніе уходимъ.

—Значитъ можно поджигать.

Зову свой конвой и одновременно поджигаемъ оба склада съ разныхъ сторонъ. Кольцо огненныхъ языковъ охватило всю площадь, на которой чернѣли бунты мѣшковъ съ сухарями и зерномъ, двѣ большихъ скирды сѣна и длинные ряды жмыховыхъ круговъ.

Сдѣлавъ свое дѣло, мы сѣли на коней и поѣхали на свое старое пепелище—Тхоусянтунь. Тамъ наканунѣ стояло нѣсколько войсковыхъ частей и надо было убѣдиться въ томъ, что всѣ запасы сожжены. Вслѣдствіе темноты, мы взяли нѣсколько въ сторону и наткнулись на какую-то деревню. При самомъ въѣздѣ я скорѣе почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ, что около меня кто-то прошмыгнулъ. Въ первый моментъ мнѣ пришло въ голову, что это японецъ и я, выхвативъ револьверъ, бросился въ ту сторону, куда прошмыгнула тѣнь.

Да, я явственно услышалъ топотъ ногъ по замерзшей землѣ.

— Кто тутъ? Стой, а то стрѣлять буду!

— Это я, ваше благородіе!

— Кто ты и зачѣмъ ты здѣсь?

Подходитъ какой-то солдатикъ и докладываетъ, что онъ оставленъ здѣсь съ товарищемъ для окарауливанія ротнаго склада.

Приказываю ему провести насъ къ складу, гдѣ, дѣйствительно, находился другой солдатъ.

Изъ разспроса узнаю, что имъ приказано оставаться при складѣ и *«если японецъ придетъ, то зажечь складъ»*.

Я приказалъ имъ немедленно уходить отсюда и идти къ восточнымъ воротамъ Мукдена, въ увѣренности, что они наткнутся на какую нибудь часть и пойдутъ съ нею дальше. Своему конвою я велѣлъ поджечь складъ.

О чемъ думалъ ротный командиръ, отдавая этимъ двумъ солдатамъ такое нелѣпое приказаніе?...

Когда мы подъѣзжали къ Мукдену, уже начало свѣтать и это было какъ разъ во-время, потому что дорога была совершенно намъ незнакомая и шла вдоль глубокаго оврага. Около Импани стоялъ огромный обозъ и мои конвойные сразу разглядѣли нашъ штабной обозъ.

Внутри Импани былъ рядъ деревянныхъ европейскихъ домиковъ, съ стеклянными окнами. Здѣсь помѣстился Штабъ второй арміи и пріютился Штабъ нашего корпуса, но гдѣ именно намъ было отведено помѣщеніе, никто не зналъ. Послѣ долгихъ разспросовъ, наконецъ, нахожу комнату Штаба, въ которой всѣ расположились на полу, кто какъ могъ. На мое счастье, нашелся клочекъ мѣста и для меня, и я поспѣшилъ имъ воспользоваться: подложивъ папаху подъ голову, я моментально заснулъ и проспалъ до девяти часовъ, какъ убитый.

Когда я проснулся, офицерство, расположившись по восточному на полу, группами, уже сидѣло за чаемъ. Я тоже съ жадностью принялся за этотъ живительный напитокъ, закусывая огромнымъ ломтемъ чернаго хлѣба. Въ это время входитъ начальникъ Штаба и направляется ко мнѣ.

— У меня къ вамъ, С. Я., просьба отъ имени командира корпуса. Нашъ обозъ второго разряда не выслалъ ординарца и мы потеряли связь. Не можете ли вы взять на себя разыскать его и приказать передвинуться вмѣстѣ съ госпиталями и сапернымъ обозомъ въ деревню N.

Вы немножко въ этомъ заинтересованы, такъ какъ въ обозѣ ваше Управленіе.

— Передайте командиру корпуса, что чрезъ четверть часа я выѣду.

Приказавъ сѣдлать свѣжую лошадь, я въ сопровожденіи ординарца для связи и конвойнаго казака, выѣхалъ къ сѣверу разыскивать нашъ обозъ. Послѣ четырехчасового путешествія, я нашелъ въ одномъ мѣстѣ саперный обозъ, въ другомъ госпитали и въ третьемъ—штабный обозъ съ Управленіями. Было холодно и дулъ сильный вѣтеръ, подымавшій вихри песку и мелкой пыли. Передавъ приказаніе готовиться къ выступленію, я поѣхалъ съ командиромъ обоза и однимъ изъ своихъ чиновниковъ разыскивать мѣсто для новой стоянки. Деревня, которая назначалась, по диспозиціи, для новаго бивака, находилась всего въ двухъ верстахъ, но состояла изъ пятишести маленькихъ разрушенныхъ фанзъ, а рядомъ съ этой деревней стояла кумирня и при ней чудная роща. Мы рѣшили поставить обозы въ этой рощѣ, чтобы укрыть ихъ отъ вѣтра, а о закрытомъ помѣщеніи нечего было и думать.

Едва я вернулся въ Штабъ корпуса, какъ меня потребовалъ къ себѣ командиръ корпуса.

— Я узналъ, что нашъ обозъ второго разряда выступилъ изъ Хунь-хэ-пу, бросивъ тамъ офицерскія вещи. Это преступленіе. Я приказалъ сейчасъ капитану П. немедленно ѣхать туда съ нѣсколькими двуколками и забрать все, что можно. Пожалуйста, поѣзжайте туда, выясните, что брошено и по чьему распоряженію и наблюдите, чтобы все было привезено сюда.

Снова сажусь въ сѣдло и ѣду къ югу. По дорогѣ нагоняю капитана П. съ двуколками.

При въѣздѣ въ Хунь-хэ-пу наталкиваюсь на батарею чужого корпуса. Наши части уже отошли къ сѣверу и занимали позиціи вдоль сѣвернаго берега рѣки Хунь-хэ.

Направляемся въ Импань, гдѣ помѣщался нашъ обозъ, но тамъ уже не было ни одной живой души.

Въ воздухѣ дымно и слышенъ запахъ гари.

Около стѣны, внутри двора, кучи золы потухшаго костра и остатки отъ сожженнаго имущества. Тутъ же валялись металлическія части

прачешной машины, которая никогда не употреблялась и только напрасно обременяла обозъ. У противоположной стѣны лежали сложенные въ кучу кули съ овсомъ и нѣсколько мѣшковъ съ высыпавшейся мукой; видно, что ихъ наспѣхъ и неумѣло подожгли, но огонь потухъ, не успѣвъ сожрать эту кучу. Мы рѣшили, чтобы не возвращаться порожнякомъ, захватить овесъ.

При мнѣ былъ конвой изъ конныхъ охотниковъ и они тоже не преминули воспользоваться этимъ овсомъ. Еще не успѣли мы нагрузить двуколки, какъ на сосѣднемъ дворѣ разорвалась шрапнель.

Капитанъ П. вскочилъ на лошадь и приказалъ двуколкамъ рысью выѣзжать, я же рѣшилъ остаться, чтобы обойти помѣщенія обозовъ и хозяйственныхъ управленій и сжечь оставленное имущество.

Для безопасности людей, я приказалъ конвою стать въ широкихъ воротахъ, за каменной стѣной Импани, а самъ рѣшилъ пойти съ однимъ изъ охотниковъ въ сосѣднюю импань, гдѣ стоялъ ометъ чумизной соломы и небольшой бунтъ жмыховыхъ круговъ.

Въ это время по сосѣдству разорвалась другая шрапнель. Оче видно, японцы начали обстрѣливать деревню Хунь-хэ-пу.

— Ребята, у кого есть при себѣ спички?

Выскакиваетъ одинъ охотникъ.

— Пойдемъ съ тобой поджечь солому и жмыхи.

— Слушаю ваше пр—во!

— Не боишься?

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—во, съ вами мы не боимся.

Быстро пройдя чрезъ дворъ импани, мы подошли къ омету и съ двухъ сторонъ подожгли его, а затѣмъ подложили нѣсколько охапокъ къ жмыхамъ.

Въ это время третья шрапнель разорвалась какъ разъ надъ дворомъ импани. Я почувствовалъ, какъ у меня вся кровь отхлынула отъ головы. Замеръ на мѣстѣ и охотникъ. Неужели конвой попалъ подъ шрапнель!..

— Ну, братецъ, ходу! Бѣгомъ! Къ лошадямъ!

Быстро перебѣгаемъ дворъ импани. Слава Богу, всѣ цѣлы, только испуганныя лошади прыгаютъ и вырываются изъ рукъ.

— Садисъ! Рысью, маршъ!

Въ это время четвертая по счету шрапнель разрывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы поджигали солому. Охотникъ-поджигатель снимаетъ папаху и начинаетъ истово креститься. Я слѣдую его примѣру, а за мной крестится и вся команда. Когда мы проѣзжали уже по улицѣ, еще одна шрапнель разорвалась во дворѣ импани, но мы были уже, сравнительно, въ безопасности, за кирпичной стѣной импани.

Послѣ этихъ пяти выстрѣловъ, японцы перенесли огонь на другой конецъ деревни и это былъ салютъ нашему отъѣзду. При выѣздѣ изъ деревни я замѣтилъ, на мѣстѣ стоянки дивизіоннаго обоза, цѣлый складъ оставленнаго имущества: тутъ были сухари, солома, жмыхи и мука. Быстро устроивъ громадные костры, мы на рысяхъ доѣхали до рѣки Хунь-хэ и двинулись въ обратный путь, въ Штабъ корпуса. Въ Восточную Импань я прибылъ къ вечеру и засталъ пріятный сюрпризъ: намъ отвели еще одну комнату и мой денщикъ успѣлъ захватить мнѣ мѣсто и даже разставить мою походную кровать. Послѣ ужина я расположился на полу, превративъ кровать въ столъ и сѣлъ писать свой дневникъ. Пережитыя за послѣдніе дни впечатлѣнія были такъ сильны, что явилась настоятельная потребность занести ихъ въ дневникъ. Я проработалъ до двухъ часовъ, пока не сгорѣла вся свѣча. Это были послѣднія страницы моего дневника...

На другой день, т. е. въ памятный для всей Россіи день 24-го февраля съ утра поднялся сильный вѣтеръ съ юга, разразившійся къ полудню въ настоящій ураганъ, который несъ на насъ тучи песку и пыли. И люди, и животныя прятались, куда могли. Трудно себѣ представить, что въ это время дѣлалось въ боевой линіи: наши несчастные солдаты должны были выдерживать отчаянныя атаки японцевъ, которые лѣзли на русскіе окопы, какъ бѣшеные. Огонь противника былъ убійственный, тогда какъ наши войска были для японцевъ совершенно безвредны, не будучи въ состояніи поражать ихъ своимъ огнемъ; приходилось стрѣлять съ закрытыми глазами, которые засыпало пескомъ. Одинаково и орудійный огонь былъ недѣйствителенъ, ибо артиллеристы не могли наблюдать за паденіемъ своихъ снарядовъ, а стало быть и не могли корректировать стрѣльбу. Мы только знали что къ юго-западу отъ Мукдена и около императорскихъ могилъ (на западъ отъ Мукдена) идутъ отчаянные бои и существуетъ опасеніе,

что японская армія прорвется на сѣверъ отъ Мукдена и захватитъ желѣзную дорогу.

Одновременно японскія колонны показались вблизи Фушунской вѣтки противъ сосѣдняго съ нами 17-го корпуса. Бой шелъ по всей линіи и зловѣщій ревъ стальныхъ жерлъ сливался въ сплошной гулъ.

Около шести часовъ командиръ корпуса поручилъ мнѣ проѣхать въ арьергардъ и освидѣтельствовать готовность къ уничтоженію всѣхъ нашихъ складовъ, находившихся на сѣверной сторонѣ Хунь-хэ.

Начальникъ Штаба предупредилъ меня, что, можетъ быть, Штабъ корпуса перейдетъ на другой бивакъ и если я къ этому времени не вернусь, то въ Восточной импани будетъ оставленъ мой постоянный конвойный казакъ съ запиской. Жалѣя свою лошадь, я, противъ обыкновенія, снялъ съ сѣдла весь грузъ, т. е. бурку, кобуры и переметныя сумы и совершенно налегкѣ поѣхалъ въ деревню Урехедза, въ двухъ верстахъ къ югу отъ Мукдена. Тамъ помѣщался нашъ корпусный продовольственный складъ, огромная хлѣбопекарня и склады четырехъ полковъ и шести батарей.

Я направился прежде всего въ интендантскій складъ, откуда послалъ за старшими командъ, оставленныхъ для охраны имущества. Когда они явились, я приказалъ имъ, основываясь на предписаніи командира корпуса, обложить все имущество соломой, съ тѣмъ, чтобы когда наступитъ послѣдній моментъ, облить все керосиномъ и какъ только покажется огонь въ интендантскомъ складѣ, тотчасъ же поджечь съ разныхъ сторонъ свои склады и явиться къ интендантскому складу, для образованія общей сборной команды. Считаю необходимымъ добавить, что команда хлѣбопековъ составляла двѣсти человѣкъ нижнихъ чиновъ при зауряд-прапорщикѣ.

Я объяснилъ начальникамъ командъ, что склады будутъ зажжены только тогда, когда японцы будутъ у насъ на носу, поэтому необходимо всѣмъ собраться въ одну команду, на случай, если придется вступить въ бой.

Узнавъ отъ смотрителя склада, что въ кумирнѣ, около склада, помѣстился Штабъ 35-ой дивизіи (чужого корпуса), я отправился къ начальнику этой дивизіи. Отъ него я узналъ, что онъ полу-

чилъ очень тревожное сообщенiе о прорывѣ японцевъ и указанiе на то, что рѣшено отступить къ Тьелину. Сообщивъ мнѣ объ этомъ по секрету, начальникъ дивизiи просилъ меня принять всѣ мѣры къ тому, чтобы склады не были зажжены раньше, чѣмъ отступятъ охотничьи команды, которыя должны прикрывать отступленiе. Сигналомъ для зажиганiя складовъ долженъ быть поджогъ охотниками деревяннаго моста, находящагося противъ Урехедзы.

О полученiи опредѣленнаго приказа объ отступленiи начальникъ дивизiи обѣщалъ меня увѣдомить.

При такой обстановкѣ нечего было и думать о возвращенiи въ Штабъ корпуса. Я прилегъ въ шалашѣ смотрителя склада на охабку соломы и пытался уснуть, но не могъ.

Около девяти часовъ къ юго-востоку отъ Урехедзы вдругъ затрещалъ пачечный огонь и началась усиленная орудiйная стрѣльба съ нашей стороны. Очевидно японцы атакуютъ наши позицiи. Я вышелъ изъ шалаша. Со стороны желѣзной дороги на небѣ показалось зарево. Это жгли громадные интендантскiе склады и запасы дровъ инженернаго вѣдомства, которые неизвѣстно для чего заготовлялись въ огромныхъ размѣрахъ въ теченiе всей зимы. Вскорѣ послышались раскаты орудiйныхъ выстрѣловъ и съ юго-западной стороны Мукдена. Я пошелъ по направленiю полковыхъ складовъ. Чины охраны бѣгаютъ, какъ растерянные.

— Чего вы, братцы, забѣгали?

— Что-жъ насъ тутъ однихъ оставили! Японецъ, сказываютъ, уже Мукденъ занялъ, а мы все тутъ сидимъ. Придутъ они и всѣхъ насъ переколятъ.

— Ты во снѣ, что ли видѣлъ, что японцы Мукденъ заняли?

— Никакъ нѣтъ, одинъ нашъ солдатикъ видѣлъ, какъ японская кавалерiя скакала въ Мукденъ, еще засвѣтло это было.

— Ахъ вы, дурачье! Своихъ казаковъ за японцевъ приняли! Я только что самъ изъ Мукдена сюда прiѣхалъ. Тамъ въ резервѣ у насъ цѣлый корпусъ стоитъ. Ты такого вздора не распускай, а держи языкъ за зубами. Знаешь, что въ военное время за такую брехню безъ суда разстрѣливаютъ!

Слова мои, видимо, произвели впечатлѣнiе. Я долженъ былъ при-

бѣгнуть къ этой невинной лжи, чтобы уничтожить деморализующее дѣйствіе пущенныхъ слуховъ объ японцахъ.

Нельзя особенно винить и команду. Оставленные при складѣ безъ надзора, въ моментъ генеральнаго боя, не зная и не понимая боевой обстановки и видя, что наши войска все отступаютъ, опасаясь, что наступающіе японцы сейчасъ придутъ сюда,—понятно, они не могли не волноваться, чувствуя себя и сейчасъ уже отрѣзанными отъ арміи.

Отступленіе отъ Мукдена.

Часовъ въ одиннадцать ночи ко мнѣ явился ординарецъ начальника 35-й дивизіи съ приглашеніемъ пожаловать къ нему.

Когда я пришелъ въ Штабъ дивизіи, генералъ сообщилъ мнѣ, что имъ полученъ приказъ объ отступленіи. Если не ошибаюсь, дивизія должна была начать отступленіе въ двѣнадцать часовъ ночи. Я тотчасъ же послалъ въ склады приказаніе готовить все къ сожженію. Смотрителю интендантскаго склада я посовѣтовалъ разбить бочки со спиртомъ и вылить спиртъ на бунты муки и жмыховъ. Въ сожалѣнію, это было сдѣлано уже тогда, когда началось отступленіе. Только что стали выбивать днищи бочекъ, какъ саранчей налетѣла куча солдатъ и бросилась къ бочкамъ; нѣкоторые припали ртомъ къ землѣ и съ жадностью глотали изъ ручьевъ текущій спиртъ, а одинъ такъ крѣпко схватился обѣими руками за бочку, что обладавшій феноменальной силой смотритель склада едва могъ оторвать его отъ бочки. Вѣроятно начальникъ дивизіи услыхалъ шумъ и ругань команды и послалъ своихъ казаковъ для водворенія порядка. Засвистали страшныя казачьи нагайки и вся саранча быстро исчезла въ сумракѣ ночи.

Началось отступленіе частей 35-ой дивизіи. Начальникъ дивизіи, верхомъ на конѣ, все время лично наблюдалъ за порядкомъ проходящихъ войскъ и дѣйствительно, войска проходили въ замѣчательномъ порядкѣ. Между прочимъ, я замѣтилъ одинъ фактъ, рѣзко бросившійся мнѣ въ глаза: въ пѣхотныхъ частяхъ, въ рукахъ у мно-

гихъ солдатъ, были ящики съ патронами которые они не успѣли разстрѣлять и несли обратно съ собою.

Этотъ фактъ я считаю необходимымъ отмѣтить, такъ какъ, обычно, при отступленіяхъ съ позицій, боевые патроны оставлялись тамъ же, несмотря на цѣлый рядъ самыхъ строгихъ приказаній—не бросать патроновъ, а уносить ихъ съ собою. Очевидно, въ 35-ой дивизіи понятіе о дисциплинѣ и чувство долга были развиты. Я даже не помню, кто былъ начальникомъ 35-ой дивизіи, но какъ безпристрастный свидѣтель замѣчательнаго порядка отступленія дивизіи при исключительной обстановкѣ ночного марша, я не могу не упомянуть объ этомъ. Начальникъ дивизіи уѣхалъ, пропустивъ мимо себя послѣдній полкъ своей дивизіи. Охотничьи команды дивизіи оставлены были на южномъ берегу Хунь-хэ и усиленнымъ ружейнымъ огнемъ прикрывали отступленіе.

Мы всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваемся къ стрѣльбѣ охотниковъ и уже различаемъ отвѣтные выстрѣлы японцевъ. Команда склада давно окончила всѣ приготовленія и нервничаетъ. Вотъ уже начался усиленный огонь съ японской стороны, а съ нашей—стрѣльба стала ослабѣвать: ясно, что японцы подходятъ, а наши охотники отступаютъ. Наконецъ, показались огни на деревянномъ мосту—это наши уже вступили на мостъ и его поджигаютъ.

— Ребята, поджигать складъ!—крикнулъ я.

Сразу съ разныхъ сторонъ появились огоньки и, одновременно, взвились огромные языки огня. Вслѣдъ за нашимъ складомъ вспыхнули костры въ разныхъ пунктахъ и мѣстность освѣтилась на далекое разстояніе отъ этихъ громадныхъ костровъ. Изъ складовъ ближайшихъ полковъ послышалась частая, какъ барабанная дробь, ружейная стрѣльба. Это рвались боевые патроны, которые находились въ складахъ вмѣстѣ съ имуществомъ.

Я послалъ одного изъ конныхъ охотниковъ въ хлѣбопекарню за командой, но оказалось, что она уже ушла; также спѣшно скрылись и остальныя команды.

Нечего дѣлать, приходится идти однимъ. Огибая складъ съ лѣвой стороны, мы замѣтили нѣсколько ящиковъ съ патронами, вѣроятно втихомолку брошенныхъ частями 35-ой дивизіи. Они правиль-

по разсудили, что если бросятъ ящики около склада, то патроны взорвутся отъ огня, между тѣмъ, нести дальше этотъ грузъ уже изнуреннымъ солдатамъ было, дѣйствительно, не подъ силу. Мы подобрали всѣ эти ящики и бросили ихъ въ костры.

Команда склада примкнула къ охотникамъ 35-ой дивизіи, а я съ конвоемъ взялъ на востокъ и направился къ Восточной Импани. Безсонная ночь, голодъ, усталость и сильное нервное напряженіе въ теченіе цѣлаго дня сказались: я едва сидѣлъ въ сѣдлѣ и предоставилъ умной лошади самой отыскивать дорогу. Подо мной былъ полукровный карабахъ, котораго я велъ съ собою изъ Оренбурга. Эта была рѣдкая по достоинству лошадь. За всю кампанію я ни разу не ударилъ ее нагайкой—такъ она слушалась моего голоса и шенкелей; достаточно было одинъ разъ проѣхать по дорогѣ, чтобы она ее запомнила; никогда ни предъ какимъ препятствіемъ она не останавливалась: ни рѣка, ни овраги ее не пугали. Для военно-походной жизни это былъ сущій кладъ.

Чрезъ часъ пути мы подъѣзжали къ Восточной Импани.

Но что за странность? Не слышно никакого шума и не видно бивачныхъ огней.

— Туда ли мы попали?

Я высказываю вслухъ свои сомнѣнія.

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—во, это нашъ бивакъ. Только что, должно быть всѣ ушли отсюда.

Дѣйствительно, предо мною ворота Импани. Въѣзжаемъ во дворъ и видимъ въ сторонѣ небольшой костеръ, около котораго чернѣютъ человѣческія фигуры.

— Стой, слѣзай!—командую я.

Въ это время отъ костра отдѣляется одна изъ фигуръ и быстро подходитъ ко мнѣ.

— Ваше пр—во, вамъ записка отъ начальника Штаба!

Это былъ мой постоянный конвойный казакъ, Смирновъ.

Взявъ отъ него записку, подхожу къ костру и съ изумленіемъ останавливаюсь въ нѣсколькихъ шагахъ: около костра сидѣли два японскихъ солдата...

Разглядѣвъ ихъ при свѣтѣ костра, я замѣтилъ свою ошибку: то

были два забайкальскихъ казака. Монгольскія физіономіи этихъ бурятъ, изъ которыхъ формировались забайкальскіе казачьи полки и желтый ихъ приборъ ввели меня въ заблужденіе. Мнѣ все-таки бросилось въ глаза и показалось страннымъ, что при моемъ появленіи у костра ни тотъ, ни другой не встали. Я это объяснилъ себѣ тѣмъ, что, вѣроятно, у забайкальскихъ казаковъ на чинопочитаніе не обращается вниманія и въ войскѣ широко развита демократизація, какъ въ большей части иррегулярныхъ войскъ.

Записка была очень лаконична: Штабъ переходитъ бивакомъ въ деревню NN (позабылъ названіе).

Днемъ я выѣхалъ въ арьергардъ настолько налегкѣ, что даже не захватилъ съ собой целлулоидной папки съ картой, которую, обычно, я имѣлъ при себѣ на шеѣ.

И люди и лошади сильно утомились. Кромѣ того, я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о мѣстѣ расположенія новаго бивака, поэтому рѣшилъ заночевать здѣсь, до разсвѣта. Желая воспользоваться однимъ изъ оставленныхъ домиковъ, я завернулъ за уголъ и къ моему удивленію, замѣтилъ въ одномъ изъ оконъ свѣтъ. Направляюсь спѣшно туда. Отворивъ дверь, я вижу какого-то очень красиваго молодого подполковника, одѣтаго въ мундиръ (это было большой рѣдкостью); онъ быстро шагалъ по комнатѣ, при свѣтѣ маленькаго огарка свѣчи. Видимо, онъ былъ озадаченъ моимъ неожиданнымъ появленіемъ. Знакомимся. Онъ отрекомендовался мнѣ командующимъ нижнеудинскимъ казачьимъ полкомъ и свое пребываніе на покинутомъ бивакѣ объяснилъ тѣмъ, что съ нѣсколькими офицерами и командой нижнихъ чиновъ онъ отсталъ отъ полка и остался здѣсь заночевать до разсвѣта, чтобы ѣхать вслѣдъ за полкомъ. Я объяснилъ ему причину моего появленія здѣсь.

— А гдѣ же, полковникъ, вашъ полкъ?

— Онъ пошелъ на сѣверъ, по Мандаринской дорогѣ.

— Полковникъ, нельзя ли попросить у васъ карту. Мнѣ надо поискать деревню NN. Туда перешелъ Штабъ нашего корпуса и я не знаю, гдѣ она расположена.

— У меня нѣтъ карты, но я знаю эту деревню: она находится на Мандаринской дорогѣ, верстахъ въ десяти отсюда.

Мнѣ показалось страннымъ, во-первыхъ, что у командира полка нѣтъ съ собой карты, а во вторыхъ—такое знаніе мѣстности, но я не придалъ этому тогда особеннаго значенія.

— Значитъ, намъ по дорогѣ. Тѣмъ лучше! Выѣдемъ вмѣстѣ. Въ углу на полу лежала охапка сѣна, на которое я умильно поглядывалъ, предвкушая всю прелесть сна.

Любезный полковникъ предложилъ мнѣ кружку холоднаго чая, которую я выпилъ съ наслажденіемъ.

Кликнувъ Смирнова, я приказалъ ему поискать на бивакѣ соломы для лошадей и разбудить меня, какъ только начнетъ свѣтать, но разбудить непремѣнно, если бы даже пришлось для этого поставить меня вверхъ ногами. Я бросился на сѣно и моментально заснулъ.

Энергичная тряска Смирнова заставила меня подняться.

Подполковникъ уже былъ на ногахъ и у домика стояла моя команда, въ составѣ шести конныхъ охотниковъ и казака Смирнова. Подполковникъ вдругъ засуетился и, попросивъ меня обождать двѣ-три минутки, куда-то скрылся. Меньше чѣмъ чрезъ двѣ минуты, онъ вновь появился и обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами, которыя я отлично запомнилъ буквально, хотя съ этого времени прошло уже пять лѣтъ:

— Вы, кажется, мнѣ сказали, что вы корпусный контролеръ 6-го Сибирскаго корпуса? Такъ вѣдь?

— Да.

— Мнѣ это необходимо знать, на всякій случай. Можетъ быть мнѣ придется сослаться на васъ, какъ на свидѣтеля. Я имѣю похвальную привычку, при уходѣ съ бивака, обыкновенно, обходить помѣщенія, чтобы посмотрѣть, не оставили ли чего-нибудь. *И вотъ то, чего я такъ тщетно добивался и не могъ получить,* я нашелъ сейчасъ въ помѣщеніи Штаба арміи.

Съ этими словами подполковникъ развернулъ предо мною бывшую въ его рукахъ полевую книжку, на которой я успѣлъ прочесть на обѣихъ страницахъ заглавія: диспозиція для отступленія второй арміи, диспозиція для отступленія третьей арміи. Я онѣмѣлъ отъ изумленія. Вѣдь это важнѣйшій и секретнѣйшій изъ всѣхъ военныхъ документовъ и можетъ быть въ рукахъ только нѣсколькихъ лицъ изъ высшаго

командного состава! Какимъ образомъ попала эта книжка въ руки подполковника—было для меня большой загадкой!?..

— Вы понимаете,—обратился ко мнѣ подполковникъ, что если я представлю эту книжку по начальству, то хозяинъ ея, чтобы сложить съ себя отвѣтственность, можетъ сказать, что я укралъ ее у него. Поэтому мнѣ, можетъ быть, придется сослаться на васъ, какъ на свидѣтеля, что эту книжку я нашелъ. Ну, теперь ѣдемте...

Я ничего не отвѣтилъ подполковнику, но рѣшилъ, что ни въ какомъ случаѣ, удостовѣрить факта находки имъ книжки я не могу. У меня гвоздемъ засѣла странная мысль: этотъ офицеръ—японскій шпіонъ. Но я никакъ не могъ отдать себѣ отчета, для чего, въ такомъ случаѣ, онъ разыгрывалъ всю эту комедію.

Чтобы выбраться на Мандаринскую дорогу, надо было выѣхать изъ Восточной Импани къ западу и, подъѣхавъ къ восточнымъ воротамъ Мукдена, свернуть вправо и ѣхать вдоль восточной Мукденской стѣны.

До восточныхъ воротъ было не болѣе полуверсты. Выѣхавъ рысью, я натолкнулся у воротъ на нѣсколько рядовъ арбъ, спѣшно вывозившихъ изъ Мукдена разные товары; тутъ же шли арбяные транспорты съ казеннымъ грузомъ, конвоируемые солдатами. Отъ нихъ узнаю, что часть города уже занята японцами и на улицахъ идетъ бой...

Дорога была такъ загромождена, что я рѣшилъ пересѣчь оврагъ, отдѣлявшій дорогу отъ городской стѣны и выѣхать на пѣшеходную тропинку, подъ самой стѣной. Когда я выбрался на эту тропинку и оглянулся, чтобы посмотрѣть, вся ли команда успѣла вытянуться на нее, я не нашелъ нижне-удинцевъ.

Зову казака Смирнова, ѣхавшаго въ хвостѣ. Тотъ на рысяхъ подъѣзжаетъ ко мнѣ.

— Гдѣ подполковникъ съ своими казаками?

— Въ Мукденъ, ваше пр—во, проѣхали.

— Какъ въ Мукденъ? Зачѣмъ? Вѣдь онъ долженъ былъ съ нами по Мандаринской дорогѣ ѣхать. Ты слышалъ, сейчасъ только говорили, что часть Мукдена уже занята японцами.

— Не могу знать. А только что, какъ онъ подъѣхалъ къ воротамъ, посмотрѣлъ на вашу сторону, да какъ вдаритъ лошадь нагайкой и ай-да въ ворота.

— Смирновъ! знаешь, вѣдь это былъ японскій шпіонъ!

— Можетъ статься, ваше пр—во. И то сказать, зачѣмъ ему было въ Мукденъ ѣхать?

— И его казаки—это тоже японцы.

— Такъ точно! Это были японцы!

— Ты почему же такъ думаешь?

— Я съ ними, ваше пр—во, у костра сидѣлъ. Извѣстно, наше дѣло казацкое: я сталъ ихъ разспрашивать про ихъ деревенскую жизнь, а они ровно никогда у насъ въ деревнѣ не были. Опять же меня все спрашивали, сколько у насъ въ корпусѣ войска, сколько пушекъ, да куда наши пошли, гдѣ стояли. А я почему это знаю, наше дѣло маленькое. Только вижу, что не казацкіе это разговоры, я и замолчалъ...

— Что же ты объ этомъ мнѣ ничего раньше не сказалъ?

— Не могу знать. Вы меня не спрашивали.

Только тутъ я сталъ анализировать всѣ мельчайшія подробности моей встрѣчи съ подполковникомъ и пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что это былъ японскій шпіонъ, но для чего онъ игралъ всю эту комедію? Единственное предположеніе—это боязнь съ его стороны, что я во главѣ семи человѣкъ конвоя, могъ его арестовать, но вѣдь послѣ того, какъ я уснулъ, онъ имѣлъ полную возможность уѣхать изъ Восточной Импани!

Уже впослѣдствіи я узналъ, что дѣйствительно, въ арміи есть японскій шпіонъ, бѣглый русскій ссыльный, который съ двумя японцами, въ формѣ забайкальскихъ казаковъ, появляется въ районѣ нашихъ армій.

Выѣхавъ на Мандаринскую дорогу, попадаю въ какую-то кашу изъ всевозможнаго вида повозокъ. Широкая дорога буквально вся запружена различными обозами, которые въ безпорядкѣ двигаются, къ сѣверу, перегоняя другъ друга. Брань, крики, ругань, щелканіе китайскихъ бичей и громыханіе колесъ о мерзлую землю производили впечатлѣніе движенія дикой орды. Такой же видъ имѣла монгольская орда, при нашествіи на Россію, подумалъ я.

По сторонамъ дороги въ безпорядкѣ двигались войска. Мнѣ приходилось постоянно лавировать между повозокъ. Въ одномъ мѣстѣ

дорога шла въ выемкѣ. Я съ командой проскочилъ съ боку, но одинъ охотникъ не успѣлъ этого сдѣлать и на него налетѣлъ зарядный ящикъ какого-то артиллерійскаго парка: несчастнаго смяло подъ тяжелую повозку, вмѣстѣ съ лошадью. Я услыхалъ крики и подъѣхалъ. Остановивъ ящикъ, мы осторожно вытащили солдата и оттянули въ сторону лошадь, съ переломленными ребрами. Ѣхавшему впереди фейерверкеру я приказалъ сбросить разный хламъ съ верхушки ящика и положить раненаго.

Фейерверкеръ отказался исполнить это, ссылаясь на то, что онъ отвѣчаетъ за имущество. Я былъ возмущенъ до глубины души этимъ отвѣтомъ и приказалъ двумъ своимъ конвойнымъ схватить два переднихъ выноса подъ уздцы, такъ-какъ фейерверкеръ хотѣлъ ѣхать дальше, а остальные охотники, по моему распоряженію, сбросили имущество съ ящика и положили на солому раненаго. Это имущество состояло изъ трехъ табуретокъ, доски отъ стола и нѣсколькихъ полѣньевъ дровъ!..

Я записалъ фамилію фейерверкера и № парковой бригады на запискѣ начальника Штаба, бывшей у меня въ карманѣ, но, къ сожалѣнію, потерялъ эту записку. При паркѣ не было ни одного офицера.

Нагоняю какого-то полковника ген. штаба, съ картой на шеѣ.

— Полковникъ, позвольте взглянуть на вашу карту. Мнѣ надо найти бивакъ Штаба нашего корпуса.

Вмѣстѣ съ полковникомъ мы стали разыскивать деревню, указанную въ запискѣ. Оказалось, что она находилась къ сѣверо-востоку отъ Восточной Импани. И тутъ мнѣ навралъ «командующій нижнеудинскимъ полкомъ»!

Приложивъ компасъ и замѣтивъ градусъ отклоненія стрѣлки, я рѣшилъ свернуть съ дороги и ѣхать по компасу.

Кое-гдѣ встрѣчаю двигающіеся обозы и строевыя части, но черезъ $^1/_2$ часа уже попадаю въ гористую мѣстность, гдѣ жизнь точно замерла. Ни звука. Переѣзая какую-то дорогу, наталкиваюсь на брошенную поломанную двуколку; около валяется китайскій, краснаго дерева, сундукъ, наполненный какими-то бумагами — навѣрно канцелярія какой-нибудь части.

На меня нашло какое-то отупѣніе. Я совершенно не понималъ

причины безпорядочнаго бѣгства обозовъ, не отдавалъ себѣ отчета поспѣшнаго движенія войсковыхъ частей къ сѣверу и совершенно безучастно отнесся къ находкѣ брошенной канцеляріи. Мнѣ не могло въ голову придти, что русская армія отступаетъ въ паникѣ. Я могъ допустить все, что угодно, но только не это. Тѣмъ не менѣе, я видѣлъ, что происходило что-то неладное.

Переѣхавъ одну сопку, мы попали на другую, затѣмъ на третью. Я сообразилъ, что мы перерѣзаемъ рядъ сопокъ и чтобы не утомлять лошадей, приказалъ спѣшиться. Пришлось перелѣзть еще три, или четыре сопки. Наконецъ предъ нами большое плоскогоріе.

Садимся на лошадей и ѣдемъ легкой рысцой.

Но что это! Свистъ пули справа. Вотъ еще и еще...

— Вѣроятно насъ за японскій разъѣздъ принимаютъ,—высказываю я вслухъ свое предположеніе.

— Никакъ нѣтъ, ваше пр-во, это японцы по насъ стрѣляютъ,—отвѣчаетъ мнѣ казакъ Смирновъ.

— Эхъ ты, а еще казакъ! И тебѣ начали мерещиться японцы!

— Никакъ нѣтъ! Это японецъ стрѣляетъ.

Соображеніе Смирнова поддерживается и охотниками.

— Стой, слѣзай! справа по одному на десять шаговъ дистанціи. Шагомъ маршъ!—командую я, чтобы наша кучка не представляла большой цѣли.

Свистъ пуль справа усилился.

Я вынимаю компасъ и провѣряю направленіе. Вѣрно. Но судя по времени, мы уже должны быть на бивакѣ, однако и намека нѣтъ на близость какой-нибудь деревни. Я чувствую, что начинаю терять увѣренность и спокойствіе духа. Это плохо! Если я и пропаду, то въ этомъ моя вина, но вѣдь я отвѣчаю за жизнь своего конвоя, который слѣпо слѣдуетъ за мной, вѣря въ меня. Непріятныя минуты я въ это время переживалъ...

Вдругъ засвистѣла пуля и шлепнулась около меня, за ней другая, третья.

— Что за чортъ! И спереди тоже стрѣляютъ!

Въ это время Смирновъ, шедшій за мной, крикнулъ.

— Ваше пр-во, вонъ японскій разъѣздъ скачетъ!

Командую: «стой!»

— Гдѣ ты видишь разъѣздъ?

Смирновъ подбѣгаетъ ко мнѣ и показываетъ на скачущаго справа отъ насъ всадника.

Садись! Рысью, маршъ!..

Ѣду на перерѣзъ всадника. Оказывается,—одинъ изъ ординарцевъ нашего Штаба.

Можно себѣ представить, какъ я обрадовался этой встрѣчѣ.

— Гдѣ Штабъ корпуса?

— На Мандаринской дорогѣ.

— Что ты врешь! Вѣдь Штабъ вышелъ вчера изъ Восточной Импани въ деревню NN.

— Такъ точно. Мы пошли туда, да дорогой насъ остановили: японецъ, вишь, прорвался и занялъ эту деревню. Штабъ и повернулъ тогда на Мандаринскую дорогу.

— Стало-быть это японцы насъ обстрѣливаютъ справа?

— Такъ точно, японцы.

— А кто-же стрѣляетъ спереди?

— Ваше пр-во, извольте поглядѣть на сопку—тамъ японскіе стрѣлки.

Итакъ, значитъ, я попалъ въ клинъ, окруженный японцами.

— Ты-то самъ откуда и куда ѣдешь?

— Капитанъ С-ъ послалъ меня за подмогой. Мы два орудія изъ огня тащимъ на лямкахъ, да японцы за нами гонятся. Солдатики выбились изъ силъ. Боимся, что придется бросить пушки.

— Далеко это отсюда?

— Нѣтъ, версты не будетъ.

— Ѣдемъ съ тобой къ капитану.

Повернувъ направо, крупной рысью ѣду съ конвоемъ на подмогу и чрезъ нѣсколько минутъ встрѣчаю С. съ двумя орудіями. Живо мои охотники впряглись въ лямки и потащили пушки. Японцы усилили огонь по насъ, но, къ счастью, никто не пострадалъ. Скоро мы поднялись на вершину горы. Въ это время вправо отъ насъ выѣхала какая-то батарея и открыла огонь по японцамъ, а мы начали спускаться и, такимъ образомъ, совсѣмъ скрылись отъ непріятельскаго огня.

Капитанъ С. разсказалъ мнѣ слѣдующее: когда командиру корпуса

донесли, что 6-ая артиллерійская бригада бросила нѣсколько орудій, онъ позвалъ капитана С. и приказалъ ему взять команду охотниковъ и во что-бы то ни стало вывезти брошенныя орудія изъ боя. Задача была не особенно пріятная, но скажу отъ себя, что выборъ командира корпуса была какъ нельзя болѣе удаченъ. Капитанъ С. былъ выдающійся во многихъ отношеніяхъ офицеръ ген. штаба и безусловно храбрецъ.

Взявъ команду, онъ отправился за орудіями и по дорогѣ встрѣтилъ фейерверкера, съ полной запряжкой на одно орудіе. Онъ остановилъ его и приказалъ слѣдовать за собою. Фейерверкеръ отказался. Тогда С. вынулъ револьверъ и только подъ угрозой, что онъ его пристрѣлитъ, фейерверкеръ поѣхалъ за нимъ. Когда С. уже подходилъ къ брошенной батареѣ, то на его глазахъ разыгралась тяжелая сцена: молодой артиллерійскій офицеръ, оставшійся совершенно одинъ при брошенныхъ орудіяхъ, видя свое отчаянное положеніе, вынулъ револьверъ и пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

С. захватилъ четыре орудія и, поручивъ два изъ нихъ командѣ казаковъ, съ остальными двумя остался самъ и везъ ихъ до встрѣчи со мною.

Со словъ С. я узналъ, что еще наканунѣ, какъ разъ въ то время, когда я прислушивался изъ Урехедзы къ усиленной канонадѣ на юго-востокѣ отъ Урехедзы, японцы прорвали нашу линію около Кіузаня. Объ этомъ Штабъ корпуса узналъ во время передвиженія на новый бивакъ, поэтому ему пришлось спѣшно повернуть на Мандаринскую дорогу.

Теперь для меня стало ясно безпорядочное бѣгство обозовъ и войсковыхъ частей, которыя попали подъ выстрѣлы прорвавшихся черезъ нашу линію японцевъ.

Во время мукденскаго сидѣнья главнокомандующій былъ озабоченъ устройствомъ колонныхъ путей, на случай отступленія. Для каждаго корпуса былъ свой колонный путь, который обозначался въ разныхъ пунктахъ вѣхами съ надписями. Но неожиданная перемѣна фронта всѣхъ армій и сосредоточеніе боя около Мукдена, а затѣмъ столь же неожиданное отступленіе со случайныхъ позицій, да еще въ ночное время, поставило всѣ войска, а особенно ихъ обозы, въ невозможное положеніе. Приходилось двигаться совершенно ощупью, безъ дорогъ, по пересѣченной мѣстности. Катастрофа была неизбѣжна

и никакихъ мѣръ къ предотвращенію ея принято не было. Въ особенно затруднительномъ положеніи очутились тяжелые обозы второго разряда, со своими пароконными 4-хъ колесными повозками и артиллерійскіе парки, имѣющіе запряжку въ шесть лошадей. Ночные марши, вообще, изобилуютъ неожиданностями, а наше отступленіе походило на бѣгство и всѣ громадные обозы одновременно были двинуты на сѣверъ къ Мандаринской дорогѣ. При отсутствіи дорогъ, въ овражистой мѣстности, темной ночью, въ полномъ безпорядкѣ, все это стремилось къ сѣверо-западу, по направленію къ Тьелину. Въ большей части обозовъ командный составъ исчезъ и обозные были предоставлены самимъ себѣ. Вся обстановка движенія располагала къ паникѣ. Японцы превосходно использовали этотъ психологическій моментъ. Какая-то японская батарея съ безумной отвагой бросилась къ отступающимъ русскимъ обозамъ и открыла по нимъ огонь шрапнелью.

Достаточно было нѣсколькихъ, хотя и далекихъ, разрывовъ непріятельской шрапнели, чтобы возбудить переполохъ въ обозахъ. Въ довершеніе всего, откуда-то появился скачущій офицеръ, съ крикомъ: «японская кавалерія скачетъ! Спасайся, кто можетъ!..» Вслѣдъ за нимъ пронеслись скачущія пары выпряженныхъ изъ зарядныхъ ящиковъ лошадей и нервно-возбужденное состояніе обозныхъ превратилось въ панику. Обозные начали рубить постромки и спасаться верхомъ, побросавъ повозки съ имуществомъ.

Случилось что-то небывалое, невѣроятное. Послѣ признанной всѣмъ міромъ стойкости и храбрости русскихъ войскъ — постыдное бѣгство подъ вліяніемъ паническаго страха! Померкла слава русскаго оружія! И кому же мы обязаны этимъ позоромъ? Подлому обозному сброду, къ числу котораго я причисляю и тотъ командный составъ, который преступно бѣжалъ, бросивъ ввѣренное ему имущество на произволъ судьбы.

Бросали все, бросали казенное имущество, бросали провіантъ и огнестрѣльные припасы, бросали офицерскія вещи, наконецъ, бросали повозки съ деньгами. И здѣсь ярко сказалась полная деморализація и отсутствіе дисциплины. Слыханное-ли дѣло, чтобы русскій солдатъ когда-либо ушелъ съ поста и оставилъ на произволъ судьбы ввѣренное его окарауливанію имущество? «Умри, но не смѣй самовольно покинуть своего поста!»—вотъ лозунгъ русскаго часового.

А здѣсь, во время этого несчастнаго отступленія, часовой, со всѣмъ карауломъ, бросаетъ денежный ящикъ и убѣгаетъ! Это показываетъ, насколько деморализованы были войска. При обозахъ были охраны изъ пѣхотныхъ строевыхъ частей; вмѣсто того, чтобы удержать нестроевую обозную команду, а въ случаѣ опасности, встать на защиту ввѣренныхъ ихъ охранѣ обозовъ, они первые, подъ вліяніемъ паники, обращались въ бѣгство. Одинъ полковникъ, увидавъ бѣгущую команду охраны, сталъ ихъ усовѣщевать, чтобы они вернулись, но когда онъ увидѣлъ, что слова не дѣйствуютъ, пригрозилъ револьверомъ, а потомъ привелъ свою угрозу въ исполненіе, сдѣлавъ выстрѣлъ. Вслѣдъ за тѣмъ два солдата подняли его на штыки, а третій выстрѣлилъ въ него изъ винтовки. Полковникъ упалъ, а солдаты скрылись. Нашлись какіе-то сострадательные, которые подняли раненаго и отнесли въ сторону отъ дороги, гдѣ его подобрали санитары. Полковникъ умеръ отъ полученныхъ имъ ранъ, а виновные разысканы не были.

Ходили у насъ въ арміи слухи, что сами нижніе чины разбивали, при отступленіи, денежные ящики и грабили деньги, ходили также слухи, что нѣкоторые командиры частей, предварительно перенеся деньги въ свой карманъ, искусственно устраивали пропажу денежныхъ ящиковъ при отступленіи. Паникой всѣ грѣхи и всѣ преступленія покрывались... Обвиняя обозы, главнымъ образомъ, командный составъ, я очень далекъ отъ огульнаго обвиненія и имѣю въ виду лишь нѣкоторые обозы нашего корпуса, но вмѣстѣ съ тѣмъ, приведу и два отрадныхъ факта. Денщикъ одного офицера, увидавъ, что обозный конюхъ, который везъ вещи его барина, собирается обрубить постромки лошади и удрать, обнажилъ шашку и подъ угрозой зарубить конюха. заставилъ его остаться при двуколкѣ, которая благополучно выбралась, въ концѣ концовъ, на Мандаринскую дорогу. Здѣсь, на какой-то рытвинѣ изъ двуколки вылетѣлъ чемоданъ офицера. Пока денщикъ подбиралъ его, конюхъ ударилъ по лошади и удралъ отъ денщика, выбросивши дорогой всѣ вещи. Денщикъ все подобралъ, нагрузилъ на себя и около 40 верстъ несъ на себѣ всѣ вещи, изнемогая отъ усталости. Въ Тьелинѣ онъ нашелъ своего офицера и сдавъ вещи, повинился въ томъ, что дорогой долженъ былъ бросить тюфякъ, который «несподручно» было нести вмѣстѣ съ прочими вещами...

Весь обозъ I разряда Штаба нашего корпуса былъ брошенъ обозными,

которые выпрягли лошадей и удрали на нихъ, но двуколка съ денежнымъ ящикомъ, въ которомъ было около 40,000 рублей, была вывезена въ цѣлости при содѣйствіи караула при ящикѣ, вслѣдствіе распорядительности унтеръ-офицера.

Я нѣсколько отвлекся въ сторону, но мнѣ придется еще разъ вернуться къ злополучному мукденскому отступленію нашихъ обозовъ. С. и я рѣшили вмѣстѣ двигаться до встрѣчи нашего Штаба. Когда мы выѣхали на Мандаринскую дорогу, солнце уже сильно припекало. Лошади едва ступали отъ усталости, меня неудержимо клонило ко сну и я едва держался на сѣдлѣ... Широкая Мандаринская дорога была вся запружена всевозможнаго вида повозками, которыя стучали и громыхали, прыгая по замерзшимъ колеямъ и кочкамъ. Путаница была невообразимая. Вмѣстѣ съ двуколками двигались транспорты вольнонаемныхъ китайскихъ арбъ, рядомъ шли вьючные мулы, мѣстами въ ихъ ряды врѣзались тяжело нагруженныя пароконныя повозки, ихъ перегоняли и ломали все встрѣчающееся на пути запряженные шестеркой парковые зарядные ящики. Крики, ругань, свистъ нагаекъ висѣли въ воздухѣ. По правой сторонѣ тяжело двигались гигантскія повозки понтонной роты, точно телѣги съ огромными черными гробами. Все это спѣшило на сѣверъ, перегоняя другъ друга и безпощадно нахлестывая несчастныхъ голодныхъ и замученныхъ животныхъ. Изнемогая отъ усталости, нѣкоторыя падали и тутъ же околѣвали. Оси и колеса перегруженныхъ повозокъ не выдерживали и ломались. И павшія животныя, и сломанныя повозки тутъ же бросались и загромождали дорогу сзади идущимъ и некому было распорядиться убрать это съ дороги. У всѣхъ была одна цѣль--поскорѣе дойти до Тьелина, гдѣ были готовы позиціи для отступающихъ армій и гдѣ предполагалась остановка полудикой орды, въ которую превратились наши обозы.

Въ перемежку съ обозами шли отдѣльные пѣшіе и конные солдаты, а по обѣимъ сторонамъ дороги двигались цѣлыя команды пѣшихъ и даже отдѣльныя части въ полномъ составѣ, которыя, Богъ вѣсть какимъ образомъ здѣсь очутились, вмѣсто того, чтобы быть въ арьергардѣ и задерживать наступленіе японцевъ.

Несмотря на какую-то апатію ко всему происходящему вокругъ, какое-то безразличное состояніе, близкое къ простраціи, я все-таки

не могъ не обратить вниманія на нѣкоторыя сцены, характеризующія состояніе отступавшихъ войскъ. Среди обозовъ, какъ я упоминалъ выше, царила паника, не вполнѣ улегшаяся и во время дневного движенія, при полной безопасности, но войска, выдержавшія цѣлый рядъ боевъ подъ Мукденомъ, были страшно утомлены и, вѣроятно, большинство изъ нихъ испытывало то же чувство полнаго безразличія, какъ и я, можетъ быть подъ вліяніемъ физическаго утомленія, а можетъ быть то было естественной реакціей послѣ страшно напряженнаго нервнаго состоянія. Видъ отступающихъ солдатъ былъ прямо ужасенъ. Тутъ были и босые, и обутые въ рваныя валенки, и въ опанкахъ, встрѣчались и такіе, у которыхъ одна нога была въ валенкѣ, а другая въ опанкѣ, или даже въ одной онучкѣ. У однихъ головы были покрыты тяжелыми папахами, другіе имѣли фуражки, а нѣкоторые повязали головы башлыками; въ костюмахъ такое же разнообразіе. Но почти ни у кого изъ солдатъ не было при себѣ ни вещевыхъ мѣшковъ, ни патронташей и патронныхъ сумокъ: все это они побросали дорогой, какъ излишнюю обременительную обузу. Даже винтовки были далеко не у всѣхъ. Многіе падали отъ усталости и тутъ же засыпали богатырскимъ сномъ. Я видѣлъ въ сторонѣ отъ дороги нѣсколько кучекъ небольшихъ командъ, спавшихъ мертвымъ сномъ. Спали на землѣ, спали на повозкахъ, спали сидя на козлахъ повозокъ, спали верхомъ на лошадяхъ. На моихъ глазахъ лошадь подъ однимъ коннымъ охотникомъ споткнулась, упала и осталась лежать; охотникъ, во время паденія лошади, свалился съ нея и тутъ же моментально уснулъ рядомъ.

Поручивъ орудія старшему фейерверкеру, мы съ частью моего конвоя довольно искусно лавировали между повозками, выѣзжая въ мѣстахъ скопленія обозовъ въ сторону отъ дороги, для чего приходилось перебираться черезъ глубокія канавы, идущія по обѣимъ сторонамъ дороги.

Стало уже смеркаться, когда мы, съ пригорка, замѣтили цѣлый рядъ строеній, принятыхъ нами за Тьелинъ. Возможность утолить голодъ и уснуть цридала намъ бодрости, но каково было наше разочарованіе, когда мы узнали, что это не Тьелинъ, а деревня Таву, отстоящая въ 30 верстахъ отъ Тьелина. На наше счастье, мы попали въ большую и богатую фанзу, гдѣ хозяинъ немного понималъ порусски. Онъ заявилъ намъ, что его помѣщеніе предназначено подъ

конвой главнокомандующаго, но мы твердо рѣшили остаться здѣсь на ночлегъ. Я далъ китайцу 10 рублей и просилъ его достать намъ чего-нибудь поѣсть, посуливъ ему всю сдачу оставить въ его пользу. Столько же я далъ своему казаку на фуражъ для лошадей и на довольствіе конвоя. По нашей просьбѣ, услужливый китаецъ принесъ намъ ведро воды и кусокъ холста вмѣсто полотенца и мы съ С. стали отмываться отъ толстаго слоя пыли и песку послѣ бывшаго 24-го числа тайфуна. У меня губы потрескались до крови, лицо все саднило, но я все-таки съ наслажденіемъ вымылся и, въ ожиданіи китайца, расположился въ его фанзѣ, вмѣстѣ съ его «мадамами» и дѣтьми. Вскорѣ китаецъ возвратился съ коробкой печеній, приготовленныхъ на бобовомъ маслѣ, заявляя, что ничего другого достать во всей деревнѣ нельзя. Онъ подалъ намъ чаю и мы, съѣвъ всю коробку, заявили китайцу, что сейчасъ ляжемъ спать. Китаецъ сначала протестовалъ, указывая на присутствіе «мадамъ», но затѣмъ согласился, когда я ему замѣтилъ, что къ нему могутъ придти солдаты и сдѣлать его семьѣ непріятности. Китаецъ согласился и мы улеглись, приказавъ конвою разбудить насъ, какъ только начнетъ свѣтать.

На разсвѣтѣ, пока обозы еще стояли на бивакахъ, мы выѣхали изъ Таву и скоро добрались до Тьелина. Здѣсь мы рѣшили ѣхать прямо въ гостиницу «Полтава». Въ ресторанѣ всѣ столики были заняты, но намъ удалось, благодаря любезности одной компаніи, получить мѣста за ихъ столомъ. Они же уступили намъ заказанныя ими порціи мяса, которое намъ подали безъ хлѣба: во всемъ Тьелинѣ нельзя было достать чернаго хлѣба, хотя тамъ были огромные интендантскіе склады и нѣсколько хлѣбопекарень. Я такъ былъ утомленъ, что едва съѣвъ свою порцію, тутъ же, за столомъ уснулъ, подперевъ голову руками. Сколько времени я проспалъ, я не знаю, но меня разбудили мои сослуживцы, которые пріѣхали съ обозомъ 2-го разряда и тоже, первымъ дѣломъ, направились въ ресторанъ. Справившись, накормленъ ли конвой и лошади, я отправился разыскивать себѣ помѣщеніе. Въ двухъ большихъ комнатахъ, служившихъ конторой гостиницы, на полу, въ повалку, спали офицеры. Пришлось осторожно пробираться между ними, чтобы не наступить на кого-нибудь. Со всѣхъ сторонъ раздавался могучій храпъ и носовой свистъ... На дворѣ гостиницы я встрѣтилъ одного изъ начальниковъ частей нашего корпуса, который предложилъ

мнѣ воспользоваться его постелью въ занятомъ имъ номерѣ. С. устроился на полу въ общей комнатѣ, и мнѣ стоило большого труда разбудить его. Мы отправились разыскивать нашъ Штабъ. Тьелинъ около станціи, представлялъ изъ себя огромный таборъ, гдѣ собрались остатки нашей арміи. Шумъ, гамъ и сутолока были невѣроятные. Мы узнали, что Штабъ размѣстился въ канцеляріи этапа, въ маленькомъ домикѣ близъ станціи. Войдя въ первую комнату, я наткнулся на ту же картину, какъ и въ конторѣ гостиницы: на полу по обѣимъ сторонамъ комнаты, офицеры Штаба спали въ повалку. Въ другой комнатѣ середину занималъ столъ, а полъ былъ устланъ спящими. Въ третьей комнатѣ помѣщался командиръ корпуса. Онъ уже всталъ и я сейчасъ же явился къ нему съ докладомъ. Старикъ выразилъ удовольствіе видѣть меня цѣлымъ и невредимымъ; въ Штабѣ были увѣрены, что я попадусь въ руки японцевъ, такъ какъ знали, что я оставался въ арьергардѣ и что мнѣ придется возвращаться по мѣстности, занятой японцами, вслѣдствіе образовавшагося прорыва у Кіузаня. Я разсказалъ командиру корпуса о ночевкѣ въ Вост.-Импани и высказалъ свои предположенія о томъ, что назвавшій себя командующимъ Нижне-удинскимъ полкомъ, вѣроятно, былъ японскій шпіонъ. Командиръ корпуса подтвердилъ правильность моего предположенія, указавъ, что объ этомъ шпіонѣ имѣются въ арміи секретныя свѣдѣнія.

Отъ него же я узналъ, что весь нашъ обозъ 1 разряда достался японцамъ и, такимъ образомъ, отъ нашего имущества осталось только то, что было на насъ. Мнѣ особенно жаль было моего дневника и фотографій различныхъ моментовъ боевъ и сценъ изъ боевой жизни. Впослѣдствіи оказалось, что мой денщикъ вывелъ изъ обоза двухъ моихъ лошадей, вьючную и верховую, а конюхъ выпрягъ изъ легкой американки верхового жеребца и удралъ на немъ неизвѣстно куда, бросивъ американку съ имуществомъ. Потомъ онъ явился въ Штабъ корпуса безъ лошади. Подозрѣваю, что онъ ее кому-нибудь продалъ, такъ какъ во время отступленія лошади цѣнились чуть не на вѣсъ золота.

Офицеры Штаба стали просыпаться и первою заботою было чего-нибудь поѣсть. На станціи въ буфетѣ еще вчера всѣ запасы были съѣдены, надежды на ресторанъ «Полтава» тоже очень слабыя, да и помѣщался онъ въ 2-хъ верстахъ отъ станціи. На наше

счастье появился корпусный интендантъ, который обѣщалъ накормить. Я отправился съ нимъ въ хлѣбопекарню, гдѣ мы захватили 2 коровая чернаго хлѣба, а потомъ онъ исчезъ и чрезъ нѣсколько минутъ вернулся съ жестянкой спирта, а сопровождавшій его солдатъ принесъ и разложилъ на столѣ большую соленую кэту, которая и видомъ и вкусомъ очень напоминала нѣжную малосольную семгу. Кто-то разбавилъ спиртъ водой, откуда-то появилась кружка и мы съ аппетитомъ принялись за чудный завтракъ. Скоро отъ огромной рыбы осталась только голова, да кожа; остатки короваевъ хлѣба болѣе предусмотрительные положили въ свои карманы. Послѣ завтрака мы стали обмѣниваться впечатлѣніями отъ пережитыхъ нѣсколькихъ дней. Я вынесъ убѣжденіе, что никто не отдавалъ себѣ отчета о случившемся, не представлялъ себѣ полной картины боевой обстановки послѣдняго момента и отступленія. Высказывались различныя предположенія, противорѣчащія другъ другу, иногда совершенно нелѣпыя, но никто не могъ дать яснаго опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: что случилось и почему получился такой хаосъ?

Достаточно сказать, что въ нашемъ Штабѣ неизвѣстно было, гдѣ находятся войска нашего корпуса. Мы только знали, что на югѣ идутъ арьергардные бои, но какія части принимаютъ участіе въ этихъ бояхъ, и кто ими распоряжается—никто не зналъ. Мало того, не было дано никакихъ диспозицій для разрозненныхъ частей и отрядовъ, и большая часть командировъ частей ввязалась въ бой по собственной иниціативѣ, признавая всю важность задержки наступленія японцевъ, для сохраненія отступающей въ безпорядкѣ арміи. Предполагалось, что наша армія займетъ Тьелинскія позиціи, очень хорошо укрѣпленныя и на этихъ позиціяхъ встрѣтитъ авангардъ изнуренныхъ послѣдними боями войскъ противника. Поэтому, несмотря на то, что прибывающія въ Тьелинъ части и отдѣльно слѣдующіе чины являлись голодными, смотрители магазиновъ отказывались выдавать имъ продукты безъ требованій, что вызвало сильнѣйшій ропотъ. Главный интендантъ сейчасъ же распорядился отпускать провіантъ и фуражъ по простымъ запискамъ, за подписью офицеровъ, ограничиваясь указаніемъ количества и названія части. Что дѣлалось около складовъ—трудно описать словами. Огромная

орава озвѣрѣлыхъ отъ голода людей осаждала склады и буквально рвала другъ у друга короваи хлѣба, сухари, крупу, соль. Громадныя скирды сѣна уничтожались въ нѣсколько минутъ.

Въ Тьелинѣ были большіе интендантскіе запасы и главный интендантъ успѣлъ вывезти по желѣзной дорогѣ на сѣверъ наиболѣе цѣнные грузы, воспользовавшись тѣми вагонами, которые были ему предоставлены. Часть вагоновъ была занята ранеными, а остальные свободные предназначены были подъ нагрузку артиллерійскаго имущества и огнестрѣльныхъ припасовъ. Я видѣлъ, какъ одинъ артиллерійскій офицеръ, капитанъ Д., въ отчаяніи бѣгалъ и искалъ свободныхъ вагоновъ для нагрузки орудій и лафетовъ склада и замѣтивъ, какъ въ два вагона какіе-то желѣзнодорожные агенты бережно нагружали столы, скамейки, шкафы и разную рухлядь, приказалъ своимъ солдатамъ выкинуть все это вонъ и нагрузить казенное имущество. Никакіе протесты желѣзнодорожниковъ не помогли. Конечно, надо отдать должное распорядительности капитана Д., но нельзя не удивляться тому, что въ такой моментъ и при такой обстановкѣ, когда каждый вагонъ на счету, не было никакого надзора за утилизаціей подвижного состава и много цѣннаго казеннаго груза было сожжено и даже просто оставлено въ пользованіе японцевъ, а ничего не стоющую рухлядь везли.

Здѣсь я считаю необходимымъ остановиться на одномъ фактѣ, иллюстрирующемъ дѣятельность завѣдующаго транспортами, полковника Ухачъ-Огоровича. Главный интендантъ, въ заботахъ объ отступающей арміи, послалъ на всѣ пункты дневокъ, къ сѣверу отъ Тьелина довольствіе для всей арміи, и кромѣ того, какъ я упомянулъ выше, послалъ на сѣверъ наиболѣе цѣнные, а также наиболѣе нужные предметы довольствія, а въ томъ числѣ и соль.

Ухачъ-Огоровичъ, на обязанности котораго, по должности начальника транспортовъ арміи, лежало лишь доставленіе перевозочныхъ средствъ, по предъявляемымъ ему требованіямъ, вошелъ въ роль интенданта арміи и, не доложивши генералу Губеру распоряженія генерала Куропаткина о доставкѣ соли на сѣверъ, нанялъ китайскія арбы и отправилъ изъ Тьелина въ Чантафу (на разстояніе 60 верстъ) 4712 пудовъ соли. За эту перевозку онъ заплатилъ по 15 руб. за пудъ, а всего 70680 руб. При средней нагрузкѣ 40 пудовъ

на арбу, было уплачено за каждую арбу по 600 руб. Если бы Ухачъ-Огоровичъ доложилъ главному интенданту желаніе Куропаткина, то услышалъ бы отъ интенданта, что имъ отправлено на сѣверъ 12.280 пудовъ соли по желѣзной дорогѣ и потому въ этой перевозкѣ надобности никакой не представлялось. Но тогда и не надо было бы нанимать транспорта, а Ухачъ-Огоровичу очень по душѣ были такія операціи. Хотя онъ въ свое оправданіе и указывалъ на то, что въ это время въ Тьелинѣ не было перевозочныхъ средствъ, но это лишь отговорка и притомъ невѣрная, такъ какъ въ это же время въ распоряженіи его были очень большія транспортныя средства, на что онъ самъ указываетъ въ своемъ печатномъ отчетѣ.

Изъ Тьелина я двинулся на другой день вмѣстѣ со Штабомъ корпуса и мы шли по опредѣленному маршруту, на основаніи диспозиціи. Послѣ продолжительнаго мукденскаго стоянія, гдѣ войска уже привыкли считать все оставленное китайцами имущество за свою собственность, эта скверная привычка проявилась во всей силѣ и во время отступленія, при стоянкахъ въ деревняхъ, гдѣ проживали китайцы. Были еще холода, но солдаты помѣщались на ночлегахъ на открытомъ воздухѣ и по приходѣ на стоянки сейчасъ же раскладывали костры, чтобы погрѣться и вскипятить воды для ужина и чая.

Командиръ корпуса отдалъ строжайшее распоряженіе о томъ, чтобы командиры частей покупали гаоляновую солому и фуражъ для лошадей, но во многихъ случаяхъ это не исполнялось и солдаты безсовѣстно растаскивали солому и сѣно. Въ какой-то деревушкѣ мы заняли фанзу и по просьбѣ хозяина китайца поставили около его склада соломы часового. Благодарный китаецъ помогъ намъ за это купить въ деревнѣ куръ, яицъ и фуражъ. Едва мы улеглись, какъ услыхали странный шумъ надъ головами, и крикъ китайца. Черезъ нѣсколько минутъ снова поднялась какая-то возня на крышѣ, затѣмъ насъ всѣхъ осыпало глиной и обнажилась крыша. Оказывается, что какіе-то солдаты влѣзли на крышу и начали снимать съ нея гаоляновую солому, которая служила крышей. Такъ какъ я лежалъ у дверей, поэтому я поспѣшилъ выскочить изъ фанзы, но увидалъ только пятки удиравшихъ солдатъ.

Въ другой разъ, тоже на какомъ-то бивакѣ, идя къ себѣ въ фанзу, я услышалъ отчаянные крики китайца, сзади фанзы. Поспѣшивъ

туда, я увидалъ дикую сцену, какъ два солдата избивали лежащаго китайца, а нѣсколько другихъ растаскивали штабель гаоляновой соломы. Я бросился на помощь китайцу, но солдаты убѣжали и скрылись въ темнотѣ. Тутъ же стоялъ офицеръ и безучастно смотрѣлъ на эту сцену. Я подошелъ къ нему вплотную и зажегъ спичку, чтобы разсмотрѣть его лицо.

— Поручикъ, какъ же вамъ не стыдно! На вашихъ глазахъ происходитъ мародерство и вы не остановите этихъ негодяевъ.

— А мнѣ какое дѣло? Это не моя рота.

На другой день я передалъ о видѣнной мною сценѣ командиру того полка, къ составу котораго принадлежалъ этотъ поручикъ.

Томительно скучно было отступленіе. Днемъ солнце сильно припекало, а ночью стояли морозы. Медленно, шагомъ двигался нашъ Штабъ, останавливаясь для обѣда и на ночлеги. Иногда, когда солнце сильно припекало, дѣлали привалъ въ какой-нибудь деревушкѣ и пили чай.

Одновременно съ нами изъ Тьелина выступилъ Штабъ 55 дивизіи и каждый разъ случалось такъ, что ихъ квартирьеры всегда вступали въ деревню, назначенную для ночлега, раньше нашихъ квартирьеровъ и занимали лучшія фанзы. Нашъ корпусный командиръ наконецъ обратилъ на это вниманіе и приказалъ нашимъ квартирьерамъ выѣхать значительно впередъ. Они, дѣйствительно, на первой же стоянкѣ выбрали лучшую фанзу, но когда мы въѣхали во дворъ и стали подходить къ фанзѣ, то всѣ должны были зажать носы отъ сильнаго запаха какой-то падали. Оказалось, что въ этомъ домѣ около мѣсяца тому назадъ умеръ старикъ китаецъ, который до нашего пріѣзда еще не былъ похороненъ. Это, по китайскому обычаю, особый почетъ покойнику.

Конечно, охотниковъ расположиться въ этой фанзѣ не нашлось и намъ опять пришлось размѣщаться въ оставшихся болѣе плохихъ фанзахъ, чѣмъ Штабъ дивизіи. Наши квартирьеры перестарались!

Не доходя 2-хъ переходовъ до большого города Кайюань, командиръ корпуса просилъ меня разыскать обозъ II разряда, при которомъ слѣдовало мое Управленіе и разузнать, неизвѣстно ли тамъ что-либо про денежный ящикъ Штаба, который находился при пропавшемъ обозѣ I разряда. До насъ дошли слухи, что ящикъ цѣлъ,

но присталъ къ какому-то обозу. По свѣдѣніямъ Штаба, обозъ 2-го разряда долженъ былъ находиться на высотѣ станціи Кайюань, но неизвѣстно, при станціи ли, или около города, находящагося въ 12 верстахъ отъ полотна желѣзной дороги.

Я выѣхалъ съ бивака на разсвѣтѣ, съ однимъ казакомъ и около 2 часовъ дня былъ подъ стѣнами Кайюаня. Этотъ городъ, какъ и всѣ большіе города Китая, окруженъ высокой, кирпичной стѣной и глубокимъ рвомъ.

Въ городъ можно попасть не иначе, какъ чрезъ ворота, расположеннныя по странамъ свѣта. Только для того, чтобы объѣхать городъ, вокругъ котораго было расположено много войсковыхъ частей и обозовъ, надо было употребить 5—6 часовъ времени. Я проѣхалъ прямо въ городъ, чтобы купить чего-нибудь съѣстного для себя и казака. На мое счастье, я наткнулся на какую-то булочную, около которой стояла большая толпа солдатъ, ожидая очереди, чтобы купить булокъ. Я успѣлъ захватить десятокъ и подѣлившись съ казакомъ, разсовалъ остальныя въ сѣдельныя кобуры. Въ городѣ же я купилъ два куска холста—одинъ долженъ былъ мнѣ служить носовымъ платкомъ, а другой—полотенцемъ: вѣдь послѣ ночевки въ Таву я ни разу не умывался.

Послѣ многочисленныхъ разспросовъ у встрѣчающихся нижнихъ чиновъ и офицеровъ, я, наконецъ, нашелъ Управленіе временнаго коменданта, но онъ мнѣ никакихъ свѣдѣній о нашемъ обозѣ дать не могъ. Нечего дѣлать, пришлось объѣзжать кругомъ всего города и разспрашивать всѣ обозы.

Поиски оказались тщетными. Уже вечерѣло. Я выѣхалъ на дорогу къ южнымъ воротамъ и отправился навстрѣчу Штабу. Въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ Кайюаня я, къ большой радости, встрѣтилъ Штабъ и съ нимъ дошелъ до бивака, къ востоку отъ города, иначе пришлось бы расположиться на ночь на открытомъ воздухѣ—перспектива не особенно пріятная, если принять во вниманіе, что во время отступленія были очень частые случаи покражи лошадей. Отъ начальника Штаба я узналъ, что нашъ обозъ 2-го разряда расположился гдѣ-то недалеко отъ станціи. Штабъ уже поужиналъ на послѣднемъ привалѣ, поэтому мнѣ пришлось ограничиться запасенной булочкой.

Рано утромъ, взявъ свѣжую лошадь и своего постояннаго казака, Смирнова, я отправился къ желѣзнодорожному полотну, но такъ какъ линія дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ крутой поворотъ, я рѣшилъ, для сокращенія пути, ѣхать напрямикъ, чрезъ горный хребетъ, съ тѣмъ, чтобы выѣхать къ полотну значительно сѣвернѣе станціи. Когда я перевалилъ горы, внизу, подо мною, раскинулась огромная равнина, пестрѣвшая биваками многочисленныхъ обозовъ. Объѣзжая биваки, я наткнулся на обозъ одного изъ нашихъ полковъ, гдѣ мнѣ сказали, что штабной обозъ уже выступилъ на сѣверъ, къ станціи Чантафу. Опять неудача, но по крайней мѣрѣ знаю точно мѣсто, гдѣ можно будетъ найти обозъ. Уже становилось темно и я былъ въ нерѣшимости, возвращаться ли мнѣ въ Штабъ, или заночевать здѣсь. Голодъ сильно давалъ себя знать и меня соблазняли ужиномъ, но я все-таки рѣшилъ ѣхать, особенно послѣ того, какъ я выпилъ чаю съ печеньемъ и заморилъ червячка. Какъ оказалось впослѣдствіи, мое рѣшеніе было весьма опрометчиво. Въ горахъ мы запутались и потеряли дорогу. Непріятное положеніе очутиться въ темную ночь, въ гористой незнакомой мѣстности, вдали отъ своихъ! Выручилъ компасъ. Подъ полой казака я зажегъ спичку, и опредѣливъ по стрѣлкѣ приблизительное направленіе, поѣхалъ на удачу. Намъ удалось спуститься съ горъ и мы выѣхали на дорогу, съ которой, по моему разсчету, долженъ былъ быть поворотъ на Кайюань. Вскорѣ мы въѣхали въ какую-то деревню, гдѣ, сверхъ обыкновенія, несмотря на поздній часъ, въ большой фанзѣ мелькали огни и оттуда раздавались голоса.

Версты черезъ двѣ дорога снова пошла въ горы. Очевидно, я проѣхалъ поворотъ на Кайюань. Снова какая-то деревня. Выглянула луна и при свѣтѣ ея я замѣтилъ фигуры двухъ китайцевъ, но не обратилъ никакого вниманія на то, что они съ ружьями, а если китаецъ съ ружьемъ, то его вѣрный признакъ, что онъ хунхузъ. Подъѣхавъ къ одному ихъ нихъ, я спрашиваю:

— Кайюань гдѣ? И показываю ему рукой направленіе.

— Путунда! т. е. не понимаю.

Меня этотъ отвѣтъ взорвалъ и я, схвативъ его за плечо, еще разъ задалъ ему тотъ же вопросъ. Онъ дернулъ плечомъ и со злостью крикнулъ мнѣ: «путунда»!

При сильно-возбужденномъ нервномъ состояніи упорство китайца, который не могъ не понимать названія огромнаго города, вывело меня изъ себя и я, не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, на отмашь ударилъ его кулакомъ по плечу. Онъ отскочилъ, что-то залопоталъ и схватился за ружье; къ нему подбѣжалъ другой китаецъ и появился откуда-то третій.

Смирновъ мнѣ крикнулъ:

— Ваше пр—ство, это хунхузы!

— Снимай винтовку!

Въ то же время я вынимаю револьверъ. Всѣ три китайца моментально куда-то исчезли.

Я думаю, что китайцы-хунхузы приняли насъ за разъѣздъ отъ русскихъ войскъ, которыя вступили въ деревню и потому они поспѣшили сократиться. Мой ударъ былъ нашимъ спасеніемъ. Не могъ же хунхузъ предполагать такое вызывающее съ моей стороны дѣйствіе безъ того, чтобы за моей спиной не было никого, кромѣ конвойнаго казака.

— Смирновъ, айда назадъ, а то зря пропадемъ здѣсь.

— Такъ точно, ваше пр-во, это, должно полагать, хунхузская деревня.

Мы повернули обратно и на рысяхъ скоро доѣхали до ранѣе встрѣченной нами деревни, но въ большой фанзѣ уже было темно.

Я рѣшилъ найти здѣсь проводника. Подъѣхавъ къ дверямъ фанзы, я слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться. Долго никто не откликался; наконецъ, я услышалъ нѣсколько голосовъ и чрезъ распахнувшіяся створки двери я увидѣлъ группу галдящихъ китайцевъ, съ фонариками въ рукахъ. Нѣкоторые что-то кричали, другіе съ любопытствомъ разглядывали меня. Я вынулъ изъ кошелька рублевую монету и показывая ее китайцамъ, сказалъ:

— Проводникъ, переводчикъ Кайюань!

Слово «переводчикъ» многимъ китайцамъ понятно. Переводчики, они же комиссіонеры, при посредствѣ которыхъ производились всѣ закупки, всегда хорошо наживались, получая хорошіе проценты съ обѣихъ сторонъ и многіе китайцы добивались этой почетной и выгодной профессіи. Изъ толпы сейчасъ же выдѣлился молодой китаецъ и, взявъ у меня монету, сказалъ:

— Шангоу капитана! пойдема Кайюань!

Такимъ образомъ, проводникъ былъ найденъ. Я сѣлъ на лошадь и поклонившись китайцамъ, поѣхалъ въ сопровожденіи проводника, который быстро зашагалъ по дорогѣ.

Скоро мы подъѣхали къ какой-то рѣкѣ. Проводникъ, сильно жестикулируя и показывая на свои ноги, объяснилъ мнѣ на смѣшанномъ китайско-русскомъ нарѣчіи, безбожно коверкая русскія слова, что вода въ рѣкѣ очень холодная и онъ боится заморозить ноги (дѣло было въ началѣ марта и ночью стояли холода), а надо переходить рѣку въ бродъ.

При этомъ заботливый китаецъ объяснилъ намъ жестами, что если мы возьмемъ влѣво, то вода будетъ намъ сверхъ головы, а надо брать правѣе, гдѣ глубина только по поясъ. Указавъ рукой дальнѣйшее направленіе нашего пути, китаецъ исчезъ, точно провалился сквозь землю. Я довѣрился инстинкту своей умной лошади и она смѣло пошла въ воду, осторожно ступая шагъ за шагомъ. Благополучно перебравшись на тотъ берегъ, мы двинулись далѣе и скоро набрели на дорогу. Хотя и было очень темно, но привыкшій къ темнотѣ глазъ замѣтилъ зубчатыя городскія стѣны, напоминавшія своимъ видомъ Московскій кремль.

Нашъ Штабъ помѣстился гдѣ-то къ востоку, въ одной изъ фанзъ, спрятанныхъ въ саду и въ темноту разыскать его было немыслимо. Скоро должно было свѣтать и поэтому я рѣшилъ направиться къ южнымъ воротамъ, откуда я съ Штабомъ шелъ на этотъ бивакъ. Немного помня дорогу, я полагалъ, что при свѣтѣ найду бивакъ. Но для того, чтобы доѣхать до южныхъ воротъ, надо было сдѣлать еще 4—5 верстъ, въ объѣздъ вокругъ города. Мой разсчетъ оправдался и когда мы добрались до южныхъ воротъ, уже показался огненный дискъ восходящаго солнца.

Прошло еще добрыхъ два часа, пока мы, наконецъ, разыскали нашъ бивакъ. Какъ я былъ пріятно удивленъ, когда послѣ сутокъ голодовки, нашелъ у себя на постели тарелку съ мясомъ, нѣсколько кусковъ чернаго хлѣба и фляжку съ водкой. Это позаботились обо мнѣ милые товарищи. Я подѣлился тѣмъ и другимъ съ казакомъ и уснулъ, какъ убитый.

На другой день я доложилъ командиру корпуса о результатахъ своей поѣздки и онъ приказалъ старшему адъютанту по хозяйственной части, капитану П., немедленно ѣхать въ обозъ 2-го разряда и, узнавъ при какой части находится денежный ящикъ, разыскать его и привезти во что бы то ни стало въ Штабъ корпуса.

Въ Кайюанѣ мы должны были оставаться еще сутки, и я предполагалъ далѣе двигаться со Штабомъ корпуса, но неожиданно для меня, около 4 часовъ дня, командиръ корпуса послалъ за мной ординарца. Иду къ генералу, недоумѣвая, зачѣмъ я ему понадобился.

— Вы, вѣроятно, знаете, что я приказалъ капитану П. во что бы то ни стало разыскать денежный ящикъ и привезти его въ Штабъ. Поѣзжайте вслѣдъ за П. и помогите ему въ розыскахъ. Какъ только найдете ящикъ, осмотрите его снаружи и приложите свою печать. Въ такомъ видѣ доставьте ящикъ въ обозъ 2-го разряда и безотлагательно произведите повѣрку денежныхъ суммъ и книгъ. Увѣренъ, что вы аккуратно исполните это.

— Разрѣшите, ваше высокопревосходительство, выѣхать завтра утромъ.

— Хорошо. Только отправляйтесь пораньше, чтобы нагнать П.

Отъ командира корпуса я пошелъ къ начальнику Штаба, чтобы узнать отъ него болѣе подробныя свѣдѣнія о злополучномъ ящикѣ и о томъ, гдѣ я могу найти П. Отъ начальника Штаба, я лишь узналъ, что П. направился для болѣе подробныхъ указаній въ обозъ 2-го разряда, а куда онъ оттуда направится—неизвѣстно.

Очень неутѣшительныя свѣдѣнія и очень неопредѣленная задача.

Надо спѣшить, чтобы перехватить П. въ обозѣ.

Накормивъ лошадей, я выѣхалъ вечеромъ, въ сопровожденіи 3-хъ казаковъ о дву-конь и направился чрезъ горы, чтобы сократить дорогу. Къ ночи я добрался до бивака обоза 2-го разряда, который уже перемѣнилъ стоянку и забрался въ какую-то раззоренную деревушку, въ сторонѣ отъ полотна желѣзной дороги.

Обычныхъ бивачныхъ огней не было, но замѣчательное зрѣніе и какое-то поразительное чутье моихъ казаковъ, помогли мнѣ найти стоянку. Командиръ обоза вмѣстѣ съ чинами моего Управленія помѣстился въ маленькой, развалившейся фанзѣ, безъ оконъ и дверей.

Оконное отверстіе было завѣшено полотнищемъ палатки и всѣ ютились въ повалку, на канѣ. Отъ нихъ я узналъ, что П. былъ утромъ, но уѣхалъ дальше, на сѣверъ, по дорогѣ, идущей рядомъ съ желѣзной дорогой. Кромѣ того мнѣ разсказали, что нашъ денежный ящикъ находится при обозѣ 2-го разряда Томскаго пѣхотнаго полка.

Втиснувшись кое-какъ на канъ, я заночевалъ здѣсь, чтобы на разсвѣтѣ ѣхать дальше. Утромъ рано, я двинулся въ путь, вдоль желѣзнодорожной линіи. Вскорѣ насъ нагналъ поѣздъ. Я долго не могъ придти въ себя отъ изумленія, при видѣ длинной ленты товарныхъ вагоновъ, облѣпленныхъ, какъ мухами, нижними чинами. Не только крыши и тормазныя площадки чернѣли отъ человѣческихъ фигуръ, но многіе ухитрились помѣститься на буферахъ и даже на вагонныхъ сцѣпкахъ; на нѣсколькихъ вагонахъ къ рамамъ привязаны были веревочныя петли, которыя служили воздушными качелями для нѣкоторыхъ смѣльчаковъ.

Что это? Усталость, или паническій страхъ нагналъ ихъ на поѣздъ?!

Вскорѣ по дорогѣ встрѣчается серьезное препятствіе: намъ преграждаетъ путь широкая и глубокая рѣка. Я не обратилъ вниманія на поворотъ дороги чрезъ полотно, гдѣ дорога ведетъ къ деревянному мосту, а возвращаться и дѣлать объѣздъ въ 5 верстъ не хочется. Надо попытаться переѣхать чрезъ желѣзнодорожный мостъ. Хотя пограничная стража, окарауливающая мостъ и предупреждаетъ о невозможности проѣзда, но мы спѣшиваемся и осторожно проводимъ своихъ лошадей по узенькой доскѣ, служащей для прохода мостовой стражи. Вскорѣ я добрался до ст. Котядань, гдѣ открыты временные интендантскіе склады. Отсюда я рѣшилъ начать производить розыски. На мое счастье, отъ смотрителя интендантскаго склада я узналъ, что здѣсь ночевалъ П. и, оставивъ свой конвой изъ 3-хъ человѣкъ, поѣхалъ съ поѣздомъ въ Гунджулинъ, гдѣ сосредоточено было много обозовъ.

Поручивъ передать ему по его возвращеніи, чтобы онъ дождался меня, я выѣхалъ съ однимъ казакомъ далѣе и сталъ объѣзжать всѣ обозы, которые размѣщались по обѣ стороны полотна на полосѣ въ 3—4 версты.

Къ вечеру я вернулся въ Котядань голодный и измученный, ничего не разузнавъ объ обозѣ.

Управленіе склада помѣщалось въ желѣзнодорожномъ домикѣ и для меня положили на полъ охапку сѣна.

Въ числѣ завѣдующихъ складами былъ одинъ зауряд-прапорщикъ, призванный изъ запаса. Онъ завѣдывалъ хозяйствомъ и приготовилъ намъ чудный борщъ, на который я съ жадностью набросился. Появилась водка и коньякъ. Прапорщикъ поглощалъ и то, и другое въ неимовѣрномъ количествѣ, такъ что я не могъ удержаться, чтобы не высказать своего удивленія.

— Однако, и здоровая же у васъ натура. Точно рюмка безъ дна.

— А какъ вы думаете, С. Я., сколько разъ въ сутки человѣкъ можетъ напиться?

— Два, ну съ трудомъ три раза.

— А я вчера 6 разъ напивался и вытрезвлялся. Вотъ какъ по нашему. Не вѣрите? Спросите ихъ,—сказалъ прапорщикъ, мотнувъ головой на своихъ товарищей.

Тѣ подтвердили этотъ фактъ.

Я посмотрѣлъ на колоссальную фигуру прапорщика, и подумалъ: вотъ ужъ правду говоритъ поговорка—«глупому сыну не въ помощь богатство». Сопьется онъ здѣсь, и чрезъ нѣсколько лѣтъ отъ этого гиганта останется только одно воспоминаніе.

Утромъ вернулся изъ Гунджулина капитанъ П. съ извѣстіемъ, что и тамъ объ обозѣ Томскаго полка свѣдѣній никакихъ не имѣется. Мы рѣшили раздѣлиться для поисковъ; онъ долженъ былъ ѣхать по лѣвой сторонѣ полотна, а я — по правой, а къ вечеру — возвращаться въ Котядань. Два дня мы потеряли въ безплодныхъ поискахъ. На третій день, оставивъ запасныхъ лошадей при складѣ, мы двинулись далѣе и наконецъ нашли обозъ I разряда Томскаго полка, гдѣ намъ сообщили, что приказомъ по дивизіи предписано всѣмъ обозамъ этой дивизіи сосредоточиться у деревни NN, но гдѣ находится этотъ пунктъ—указать намъ не могли.

Послѣ долгихъ разспросовъ, мы нашли эту деревню, въ которой дѣйствительно стояли обозы двухъ полковъ, но здѣсь мы узнали, что связь съ остальными обозами была порвана и врядъ-ли приказъ по дивизіи переданъ имъ.

На ночлеги намъ приходилось останавливаться въ покинутыхъ

китайцами полуразрушенныхъ фанзахъ, въ сторонѣ отъ дороги, и одинъ разъ, удалившись сильно въ сторону, мы подъѣхали къ заброшенной деревнѣ, отъ которой насъ отдѣляла извилистая рѣчка, съ болотистыми берегами. Какъ мы ни кружили, намъ никакъ не удавалось подъѣхать къ деревнѣ, точно она была заколдованная.

Наконецъ я рѣшился переѣхать рѣчку въ бродъ, но едва я въѣхалъ въ болото, какъ лошадь сразу, по брюхо, увязла всѣми четырьмя ногами. Я едва успѣлъ вскочить ей на крупъ и спрыгнуть назадъ, на твердое мѣсто. Освободившись отъ груза, лошадь, при нашей помощи, вылѣзла изъ топи. Долго мы ходили по разнымъ направленіямъ, вокругъ деревни, пока одному изъ казаковъ не удалось найти едва замѣтный слѣдъ, который велъ къ гати и не глубокому броду. Мой спутникъ высказалъ опасеніе за то, что это хунхузское гнѣздо, въ которомъ остаться ночевать опасно.

— Похоже на то, да что-же дѣлать? Вѣдь надо гдѣ-нибудь ночевать. Я, по крайней мѣрѣ, со своими казаками останусь здѣсь.

Это заявленіе заставило П. согласиться, ибо отдѣлившись отъ меня, онъ оставался всего самъ—4, да и кромѣ того близко не видно было никакого жилья, между тѣмъ уже было совсѣмъ темно.

Мы заняли первую попавшуюся фанзу, предварительно осмотрѣвъ расположеніе сосѣднихъ фанзъ и прилегающей мѣстности. Хотя мы и установили ночное дежурство, но долго не могли уснуть. Дѣйствительно, насъ могли ночью всѣхъ перерѣзать и никто не узналъ бы объ этомъ. Усталость, однако, взяла свое и мы преспокойно, безъ всякихъ приключеній, проспали до разсвѣта.

Утромъ двинулись дальше. На одномъ изъ биваковъ намъ сказали, что обозъ 2-го разряда Томскаго полка наканунѣ стоялъ здѣсь, но выступилъ съ разсвѣтомъ къ югу съ гуртомъ скота, который гнали въ полкъ. Мы тотчасъ же поѣхали обратно, удивляясь, какъ мы его могли пропустить. Цѣлый день мы производили розыски, и въ концѣ концовъ выяснилось, что насъ навели на слѣдъ обоза I-го разряда, который мы уже видѣли.

Нечего дѣлать, цѣлый день пропалъ и досаднѣе всего было то, что мы отошли къ югу.

На другой день рано утромъ мы опять выѣхали на сѣверъ. Проѣз-

жая въ полдень недалеко отъ какой-то деревушки, мы рѣшили остановиться тамъ для отдыха и попытаться достать что-нибудь для себя и лошадей. На наше счастье во дворѣ одной фанзы промелькнула синяя китайская кофта—значитъ есть жители.

На мой зовъ вышелъ китаецъ. Оскаливъ зубы и сложивъ руки ладонями внутрь, онъ началъ кивать головой, приговаривая:— «Шангоу, капитана, шибко шангоу»...

Какъ съ нимъ разговоришься, не зная по-китайски?

— Есть кушай? Спрашиваю я его, показывая пальцемъ въ ротъ.

Китаецъ продолжаетъ кланяться и улыбаться.

— Капитану надо шибко кушай, говорю я, поддѣлываясь подъ китайскій діалектъ.

Я подкрѣпляю свою рѣчь жестами, показывая пальцемъ на ротъ и дѣлаю губами движеніе, какъ будто ѣмъ. Ничего не помогаетъ.

Замѣтивъ валяющуюся на дворѣ скорлупу отъ яицъ, я поднялъ ее и показалъ китайцу. Китаецъ закивалъ головой и исчезъ. Черезъ нѣкоторое время онъ появляется и съ улыбкой подноситъ мнѣ въ полѣ халата набранную имъ скорлупу.

Мнѣ было и досадно, и смѣшно. Я взялъ двѣ скорлупы и сложивъ ихъ, какъ цѣлое яйцо, показалъ его китайцу, а потомъ поднесъ ко рту. Широкая улыбка и оскаленные зубы указывали на то, что онъ понялъ меня. Китаецъ скрылся и скоро вернулся, неся въ шапкѣ десятокъ яицъ.

Я разсудилъ, что если есть яйца, то должны быть и куры. Уплативъ китайцу серебряный рубль, я, въ его присутствіи далъ казаку Смирнову деньги и приказавъ ему найти куръ, послалъ его вмѣстѣ съ китайцемъ въ поиски. Черезъ нѣкоторое время Смирновъ принесъ 5 куръ. Мы сейчасъ же изъ 2-хъ куръ сварили супъ, но я не могъ съѣсть и нѣсколькихъ ложекъ супу—такъ онъ былъ противенъ безъ соли.

Тотъ же китаецъ добылъ намъ чумизной соломы для лошадей и мы, подкрѣпившись, поѣхали далѣе, везя съ собою, про запасъ, 3-хъ живыхъ куръ. Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ рѣже встрѣчали обозы, которые расположились довольно далеко отъ дороги. Проходящихъ войскъ совсѣмъ не было видно. О разыскиваемомъ

обозѣ никто ничего не зналъ. Мы попали подъ мелкій частый дождь, который мочилъ насъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а къ вечеру стало подмораживать и посыпалъ снѣгъ. Промокшее пальто заледенѣло. Уже становилось темно и надо было спѣшить на ночлегъ, чтобы укрыться отъ непогоды и обсушиться.

Кругомъ не видно было никакого жилья. Дорогу запорошило снѣгомъ, который сталъ падать густыми хлопьями.

Вдали, на бѣломъ фонѣ снѣжнаго савана, зачернѣли постройки. Сворачиваемъ съ пути и ѣдемъ цѣлиной, безпрерывно переползая какія-то канавы.

Изъ первой фанзы показывается свѣтъ отъ костра. Я слѣзаю съ лошади и иду къ костру, около котораго чернѣетъ фигура какого-то солдата.

— Кто здѣсь?

— Для маяка, ваше б—іе, присланъ.

И передо мной вытягивается фейерверкеръ артиллерійскаго парка. Въ это время какая-то темная фигура быстро отдѣляется отъ костра и исчезаетъ въ фанзѣ.

— Эй, кто тамъ?

Отвѣта никакого. Иду въ фанзу.

— Кто здѣсь? Выходи, а то стрѣлять буду!

Изъ фанзы вылѣзаетъ солдатъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь? Какой части?

— Я, ваше б—іе, обозный С—каго пѣхотнаго полка. Нашъ обозъ отсталъ отъ меня и я его здѣсь дожидаюсь.

— Ахъ, ты, негодяй! А покажи, что это у тебя за мѣшокъ!

— Это, ваше б—іе, фуражъ для лошадей.

Лѣзу въ мѣшокъ и вываливаю оттуда разныя китайскія вещи.

— Такъ вотъ какой у тебя фуражъ! Ты мародерствомъ здѣсь занимаешься вмѣсто того, чтобы быть при обозѣ. Вонъ отсюда сію же минуту, а то казаки тебя сейчасъ нагайками поподчуютъ!

Обозный моментально скрылся.

Это, къ сожалѣнію, былъ далеко не единичный случай, когда я наталкивался на мародеровъ и, долженъ сознаться, почти каждый разъ имъ приходилось попробовать нагайки моихъ казаковъ. Одинъ

разъ я встрѣтилъ цѣлую команду нижнихъ чиновъ одного изъ артиллерійскихъ парковъ, съ фейерверкеромъ во главѣ, которые на моихъ глазахъ расхищали сѣно у китайца, безпомощно бѣгавшаго отъ одного къ другому и тщетно вопившаго. Узнавъ отъ фейерверкера, что это дѣлается по приказанію командира парка, я пристыдилъ его и велѣлъ вернуть китайцу все награбленное.

— Я, ваше пр—ство, понимаю, что не слѣдуетъ брать у китайцевъ даромъ, да чтожъ я подѣлаю. Кормить лошадей надо, а командиръ парка денегъ не даетъ и приказываетъ брать все силкомъ.

— Ты, какъ фейерверкеръ, долженъ знать, что ты не только не долженъ исполнять незаконнаго приказанія, но обязанъ объ этомъ донести. Вѣдь ты знаешь, что за мародерство ты подлежишь военно-полевому суду. Явись командиру парка и скажи, что я приказалъ доложить ему объ этомъ, а также передай, что объ его распоряженіи мною будетъ сообщено Штабу вашего корпуса.

Прогнавъ обознаго, «отъ котораго отсталъ его обозъ», я догналъ П. у другой фанзы; хотя тамъ не было ни оконъ, ни дверей, но мы рѣшили остановиться здѣсь. Команда быстро натаскала въ фанзу гаоляновой соломы и сухого тростника и мы развели внутри фанзы два костра. Дымъ ѣстъ глаза, но все-таки пріятно согрѣться у пылающаго костра. Обледенѣлая кора начинаетъ таять и съ шинели течетъ вода и валитъ паръ отъ высыхающаго сукна.

Куры наши дорогой поколѣли, но это не помѣшало намъ сварить изъ нихъ чудный супъ съ солью, которую мой казакъ раздобылъ дорогой въ одномъ изъ обозовъ. Отпаривши пальто у костра, я улегся спать на уцѣлѣвшемъ канѣ. Отъ окна несло холодомъ, а ноги пріятно пригрѣвались огнемъ. Ночью я проснулся отъ сильнѣйшей боли въ плечахъ. Костеръ потухъ, а влажное пальто заиндевѣло и я схватилъ сильнѣйшій ревматизмъ, который и потомъ давалъ себя чувствовать. Долго пришлось мнѣ возиться надъ потухшимъ костромъ, но когда онъ снова запылалъ, уже забрезжило утро и надо было выѣзжать за поисками заколдованнаго ящика.

Дорогой у моего спутника расковалась лошадь и пришлось медленно подвигаться пѣшкомъ, до перваго встрѣчнаго бивака. Пройдя нѣсколько верстъ, мы замѣтили въ сторонѣ отъ дороги флагъ краснаго

креста и свернули туда. Тамъ нашелся кузнецъ, а пока онъ возился съ лошадью, смотритель госпиталя предложилъ намъ позавтракать. Мы, конечно, не заставляли себя упрашивать. Накормили и нашъ конвой, и лошадей.

Подвигаясь постепенно къ сѣверу, мы, наконецъ, добрались до Гунджулина, куда попали около 10 часовъ утра. Все видимое пространство вокругъ станціи было занято биваками войсковыхъ частей и огромнымъ количествомъ всевозможныхъ обозовъ. Мы съ капитаномъ П. рѣшили остановиться здѣсь и обшарить всѣ окрестности Гунджулина, такъ какъ сѣвернѣе этого пункта ни войскъ, ни обозовъ не было. П. отправился на этапъ и по знакомству досталъ 8 солдатскихъ порцій. Мы расположились подъ открытымъ небомъ, около этапа, и съ жадностью черпали деревянными ложками вкусныя щи изъ общей миски, заѣдая свѣжимъ черным̆ъ хлѣбомъ.

Оставивъ охрану у лошадей, мы разошлись, по намѣченнымъ районамъ, сговорившись сойтись къ 6 часамъ къ нашей стоянкѣ, около этапа.

Долго я бродилъ по своему району, но ничего опредѣленнаго узнать не могъ. Нѣкоторые начальники частей удивлялись моей наивности: они сами не только не знали, гдѣ находятся штабы ихъ дивизій и ихъ обозы, но даже не знали, куда дѣвались цѣлыя команды ввѣренныхъ имъ частей и нисколько этимъ не интересовались. Бросившись отъ Мукдена на сѣверъ, они шли и шли безостановочно, подгоняемые страхомъ и наконецъ добрели до Гунджулина, гдѣ ихъ задержали, не пустивъ дальше. Они на этомъ успокоились и сидѣли, дожидаясь, когда ихъ разыщутъ и укажутъ, куда идти и гдѣ расположиться. Но что меня больше всего непріятно поразило—это полное отсутствіе интереса къ тому, что дѣлается на югѣ, въ какомъ положеніи находятся наши арміи и каковы предположенія Главнаго Штаба арміи. Казалось бы такъ естественнымъ засыпать меня цѣлымъ рядомъ такихъ вопросовъ...

Уставши бродить по обозамъ, я свернулъ въ китайскую часть города, гдѣ было нѣсколько русскихъ лавокъ и ресторановъ, и зашелъ въ одинъ ресторанъ, гдѣ спросилъ стаканъ чаю. Меня предупредили, что чай могутъ дать только безъ сахара, котораго ни за какія деньги во всемъ Гунджулинѣ достать нельзя.

— Нѣтъ ли какихъ-нибудь конфетъ?

— Во всемъ городѣ вы не найдете ничего сладкаго.

— Ну дайте какихъ-нибудь печеній.

— И за сто рублей нигдѣ не найдете.

— Что же у васъ есть?

— Консервы, чай, махорка, фуражъ.

— Значитъ, хорошо расторговались?

— Да, слава Богу, бойко торговали. Жаль, что подвоза съ сѣвера нѣтъ. Вѣдь такого случая не скоро дождешься...

Позорное отступленіе нашей арміи для этихъ паразитовъ было не болѣе, какъ счастливымъ случаемъ къ ихъ обогащенію. А сколько такихъ же паразитовъ было въ рядахъ нашей арміи изъ числа войсковыхъ заготовителей!..

Выйдя изъ ресторана, я продолжалъ свои розыски и къ 6 часамъ вернулся къ этапу, совершенно измученный и физически, и нравственно. Понемногу стали возвращаться и остальные спутники съ такими же результатами, какъ и я.

Вдругъ я замѣтилъ бѣгущаго къ намъ казака Инджигитова. Сердце мое радостно забилось: если онъ бѣжитъ, значитъ вѣсти хорошія.

Дѣйствительно, мое предположеніе оправдалось. Инджигитовъ объяснилъ, что онъ нашелъ обозъ верстахъ въ 2-хъ отъ насъ. Я такъ обрадовался этой вѣсти, что сейчасъ же выдалъ ему въ награду 10 рублей.

Надо сейчасъ же сѣдлать лошадей и ѣхать!

Капитанъ П. возсталъ: «Поужинаемъ здѣсь, отдохнемъ хорошенько, а завтра выѣдемъ.»

— Если хотите, оставайтесь здѣсь, а я сейчасъ поѣду, сказалъ я П—ну и приказалъ сѣдлать лошадей.

П-ну пришлось подчиниться моему желанію.

Черезъ полчаса мы были уже въ обозѣ. Капитанъ П. и я предъявили оффиціальныя предписанія командира корпуса. Насъ допустили къ денежному ящику. Осмотрѣвъ его подробно снаружи и освидѣтельствовавъ печать Штаба, я сейчасъ же наложилъ свою печать, а капитанъ П. принялъ караулъ при ящикѣ подъ свою команду.

Въ обозѣ насъ всѣхъ накормили и мы расположились на ночлегъ въ фанзѣ командира обоза.

Мы пріѣхали какъ разъ во́-время, такъ какъ на слѣдующее утро обозъ долженъ былъ выступить къ югу, для соединенія съ остальными обозами ихъ дивизіи. Если бы я сдался на предложеніе П. остаться для отдыха на гунджулинскомъ этапѣ, то намъ пришлось бы опять искать ящикъ.

Рано утромъ мы выступили къ югу, имѣя пѣхотный караулъ при ящикѣ и шесть человѣкъ коннаго конвоя.

Держась грунтовой дороги, идущей по западной сторонѣ желѣзнодорожнаго полотна, мы подошли къ рѣкѣ; въ этомъ мѣстѣ желѣзная дорога идетъ очень высокой насыпью, съ перекинутымъ черезъ рѣку американскимъ желѣзнымъ мостомъ.

Здѣсь мы наткнулись на неожиданное препятствіе: деревянный мостъ, черезъ который мы должны были перебраться на ту сторону рѣки, былъ разобранъ, и на льду торчали только верхушки свай, а около берега образовалась полынья. Хотя мы знали, что на другой сторонѣ полотна имѣется другая дорога съ понтоннымъ мостомъ, но для того, чтобы на нее попасть, надо было вернуться назадъ къ переѣзду черезъ желѣзнодорожное полотно, т. е. сдѣлать лишнихъ 6 верстъ. Одинъ изъ конныхъ охотниковъ вздумалъ попробовать, нельзя ли пройти черезъ полынью, но едва его лошадь ступила въ воду, какъ онъ сразу окунулся въ воду съ головой. Мы всѣ бросились ему на помощь и вытащили и его, и лошадь. Надо было поскорѣе доѣхать до какого-нибудь бивака, чтобы обсушить охотника.

Я предложилъ втащить на рукахъ двуколку на насыпь и, перевадивъ черезъ полотно, ѣхать напрямикъ на восточную дорогу, къ мосту. Мое предложеніе было принято капитаномъ П. и мы, перелѣзая черезъ овраги и глубокій карьеръ, стали подыматься на насыпь. Мокрая, вязкая глина и сильная крутизна насыпи представляли довольно большое препятствіе, которое мы, впрочемъ, скоро одолѣли. Но на другой сторонѣ полотна насъ ожидала еще бо́льшая непріятность: у подошвы протекала небольшая рѣчка съ топкими берегами. Не останавливаться же передъ этимъ! Мои казаки поѣхали искать бродъ для двуколки и скоро нашли менѣе топкое мѣсто; команда живо

нарубила камышу и загатила, насколько возможно, топь для проѣзда двуколки, а на всякій случай, привязали къ ней арканы и безъ особыхъ приключеній вывезли двуколку. Наконецъ мы доѣхали до моста и, перебравшись черезъ рѣку, къ вечеру добрались до ст. Котядань, гдѣ и заночевали. На другой день мы прибыли на бивакъ нашего обоза 2-го разряда, который успѣлъ къ этому времени сильно продвинуться къ сѣверу и стоялъ недалеко отъ большого города Маймайкай. Это было 17-го числа, такъ что поиски ящика продолжались 10 сутокъ. Здѣсь я снялъ печати и приступилъ къ повѣркѣ денежныхъ суммъ и книгъ.

Налицо оказалось около 30.500 рублей наличными деньгами и около 21.000 рублей документами, т. е. въ томъ количествѣ, какъ это было выведено мною по книгамъ. Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ въ Штабъ корпуса.

Когда я доложилъ о результатахъ повѣрки командиру корпуса, онъ ужасно разсердился на то, что не было исполнено его приказаніе: держать въ денежномъ ящикѣ возможно меньше денегъ, а хранить свободныя суммы въ казначействѣ. Это приказаніе онъ подтвердилъ еще разъ, предъ отступленіемъ, но адъютантъ этого не исполнилъ.

Я понимаю гнѣвъ командира: вѣдь ему первому приходилось отвѣчать за пропажу 30.000 рублей.

Изъ Штаба корпуса я выѣхалъ въ обозъ 2-го разряда, въ свое Управленіе, предполагая, по возможности, на первой же стоянкѣ приступить къ опредѣленію потерь интендантскихъ запасовъ, уничтоженныхъ при отступленіи.

Свое Управленіе я разыскалъ въ маленькой деревнѣ Санфанпу, помѣщающимся въ крохотной фанзѣ съ однимъ каномъ. Въ виду необходимости приступить къ работамъ, я срочно испросилъ разрѣшеніе командира корпуса передвинуться всѣмъ Управленіямъ и обозу въ дер. Санлинпу, находившуюся всего въ 1 верстѣ сѣвернѣе; въ ней были большія фанзы и свободныя импани. Съ разрѣшенія командира корпуса мы передвинулись туда, но могли воспользоваться этой стоянкой въ теченіе двухъ сутокъ, такъ какъ получена была диспозиція по арміи о немедленномъ переходѣ учрежденій корпуса въ Маймайкай. Я отправился туда впередъ, чтобы найти приличное помѣщеніе,

но Штабъ 2-ой арміи уже занялъ все, что можно было захватить, и я съ большимъ трудомъ, при содѣйствіи помощника комиссара, занялъ небольшую фанзу, въ которой помѣстились: мое Управленіе, интендантство и почта. Тутъ же во дворѣ размѣстился и обозъ.

Кажется, если память мнѣ не измѣняетъ, въ дер. Санлинпу мы заняли очень хорошую фанзу, въ которой каны и очаги были въ полномъ порядкѣ; хотя очаги для топки помѣщаются въ сѣняхъ, но въ большихъ фанзахъ, для топки, имѣются отверстія подъ канами и внутри фанзы.

Желая натопить фанзу, командиръ обоза приказалъ принести гаоляна, но прежде чѣмъ положить его подъ канъ, велѣлъ денщику очистить входное отверстіе. Денщикъ началъ выгребать оттуда золу, потомъ сталъ вытаскивать разныя тряпки, а затѣмъ вытащилъ двѣ фунтовыхъ жестянки англійскаго пороху. Счастье наше, что мы не затопили канъ, безъ предварительной его очистки — двухъ фунтовъ пороху слишкомъ достаточно было, чтобы мы всѣ взлетѣли на воздухъ. Послѣ этой находки у насъ пропала всякая охота пользоваться вообще китайскими канами для отопленія фанзъ.

Во время стоянки въ Санлинпу я потребовалъ экстренно шнуровыя книги всѣхъ интендантскихъ учрежденій корпуса и въ теченіе 2-хъ сутокъ нами опредѣлены были потери всѣхъ интендантскихъ запасовъ продовольствія, находившихся въ складахъ, хлѣбопекарняхъ и магазинахъ корпуса. Потери нашего корпуса были очень незначительны по слѣдующимъ причинамъ:

во 1-хъ, нашъ корпусный интендантъ былъ высокой честности человѣкъ и всѣ заготовки производилъ черезъ комиссію при участіи Контроля, въ размѣрахъ самой крайней необходимости;

во 2-хъ, передъ отступленіемъ были приняты всѣ мѣры къ вывозу запасовъ на сѣверъ;

въ 3-хъ, прекращено было пополненіе складовъ изъ тыла и всѣ запасы выдавались въ войска безъ отказа.

Маймайкай—очень большой городъ, расположенный въ низинѣ. Благодаря этому, нѣкоторыя улицы совершенно не проѣзжи отъ глубокой вязкой грязи. Я такой грязи въ жизнь свою не видалъ. На одной изъ главныхъ улицъ грязь была такъ велика, что ослы погру-

жались въ нее со спинами, и при проѣздѣ высокой арбы получался довольно оригинальный видъ: огромная арба, а впереди ея двигающіяся по поверхности грязи шесть головъ, помахивающихъ длинными ушами.

Черезъ нѣсколько дней по нашемъ размѣщеніи въ Маймайкаѣ, насъ опять двинули на сѣверъ, въ дер. Тачіенъ, въ $1^1/_2$—2 верстахъ къ сѣверу отъ Маймайкая. Здѣсь мы размѣстились въ одиноко стоящей фанзѣ, а въ верстѣ отъ насъ расположились 2 госпиталя нашего корпуса.

На этой стоянкѣ мы встрѣтили праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья. Мы всѣ сидѣли за срочной работой, когда въ 11 часовъ къ намъ зашелъ командиръ обоза и мы вмѣстѣ отправились въ госпиталь къ заутрени. По возвращеніи домой, я былъ пріятно удивленъ, увидя пасхальный столъ, на которомъ красовалась пасха, куличъ, окорокъ ветчины, монополька и шампанское. Это все устроилъ сюрпризомъ нашъ командиръ обоза. Пасхальный столъ былъ приготовленъ и для команды нижнихъ чиновъ.

Я былъ очень признателенъ милѣйшему З. за то, что онъ далъ намъ возможность встрѣтить этотъ праздникъ такъ, какъ каждый изъ насъ привыкъ его встрѣчать у себя на дальней родинѣ.

Черезъ нѣсколько дней было получено распоряженіе о передвиженіи обоза и учрежденій къ сѣверу, въ дер. Имаченъ. Въ этой деревнѣ было всего три фанзы, изъ которыхъ одну занялъ госпиталь, другую—интендантство, а третья должна была служить для командира обоза и моего Управленія, но она была такъ мала, что я приказалъ разбить палатки, въ которыхъ мы и размѣстились.

На другой день я выѣхалъ въ Штабъ корпуса, занявшій большую импань въ дер. Улипудза, къ юго- западу отъ Маймайкая.

Сыпингайское сидѣнье.

Наша армія заняла сыпингайскія позиціи и спѣшно приступила къ ихъ укрѣпленію.

Въ виду того, что въ паникѣ, при отступленіи обозовъ, было брошено много повозокъ съ имуществомъ и пропало очень много лошадей, я спѣшно составилъ командиру корпуса докладъ о необходимости экстренно приступить къ опредѣленію всѣхъ потерь, но не желая возбуждать противъ себя нареканій, я просилъ о назначеніи съ этой цѣлью комиссіи изъ представителей войсковыхъ частей, но при непремѣнномъ моемъ участіи.

Командиръ корпуса охотно на это согласился, но въ виду моего личнаго участія, призналъ необходимымъ назначить предсѣдателемъ комиссіи генерала, а это было для него большимъ затрудненіемъ, такъ какъ по моимъ соображеніямъ, занятія комиссіи должны были продолжаться $1^1/_2$—2 мѣсяца. Придавая особо важное значеніе этой комиссіи и признавая необходимымъ оставить первенствующую роль за собою, какъ лицомъ, совершенно не заинтересованнымъ, я предложилъ командиру корпуса назначить предсѣдателемъ прикомандированнаго къ корпусу генералъ-маіора Л., который не несъ никакихъ обязанностей и не любилъ утруждать себя какой-либо работой. Командиръ корпуса на это согласился и отдалъ приказъ о назначеніи комиссіи.

Мы съ генераломъ Л. стали искать помѣщеніе для работъ комиссіи. Въ трехъ верстахъ отъ Штаба я нашелъ деревню, гдѣ стояла рота пѣхоты. Тамъ была одна очень помѣстительная фанза, стоявшая особнякомъ и при ней небольшой садикъ. Генералу Л. это помѣщеніе было не по душѣ, такъ какъ ему надо было каждый день ѣздить сюда два раза, но я заявилъ ему, что рѣшилъ устроиться здѣсь. Пославъ распоряженіе членамъ комиссіи, я выписалъ въ помощь двухъ своихъ сослуживцевъ и мы принялись за работу. Въ моемъ распоряженіи было достаточно матеріала, т. е. актовъ о наличіи имущества въ частяхъ предъ отступленіемъ, слѣдовательно надо было сопоставить эти данныя съ донесеніями частей о потеряхъ, а затѣмъ произвести фактическую повѣрку наличія.

Въ первомъ же засѣданіи комиссіи я предложилъ ограничиться повѣркою и опредѣленіемъ убытковъ отъ потери предметовъ интендантскаго довольствія, т. е., запасовъ продовольствія, повозокъ, лошадей и обмундированія, исходя изъ того соображенія, что имущество инженерное, артиллерійское и медицинское, въ отпускѣ котораго части не заинтересованы, врядъ ли будетъ показано утеряннымъ въ преувеличенномъ размѣрѣ. Комиссія согласилась съ моимъ предложеніемъ.

На другой же день послѣ нашего прибытія въ деревню, роту увели, и мы остались одни, что представило большое неудобство для довольствія и намъ приходилось ѣздить въ Штабъ для обѣда и ужина.

Черезъ нѣсколько дней и Штабъ корпуса передвинулся на 2 версты дальше, къ югу отъ Маймайкая, въ дер. Кадидья. Я поѣхалъ на новый бивакъ Штаба, помѣстившагося въ огромной импани. Тамъ была очень большая фанза, около 15 саженей длиною. Часть этой фанзы предназначалась для нашей столовой. По моему предложенію, комиссія перебралась въ эту фанзу. Вскорѣ члены комиссіи одинъ за другимъ уѣхали въ свои части и вся работа осталась на мнѣ и моихъ сослуживцахъ, какъ этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать.

Предсѣдатель комиссіи, генералъ Л., уѣхалъ въ Харбинъ и я спокойно работалъ безъ всякой помѣхи.

Занявъ Сыпингайскія позиціи, наши войска, наученныя тяжелымъ опытомъ, отнеслись серьезно къ ихъ изученію. Вся впереди лежащая мѣстность была снята на карту, измѣрены разстоянія и въ окопахъ для стрѣлковъ были поставлены дощечки съ указаніемъ разстояній до разныхъ отдѣльныхъ пунктовъ и установки высоты прицѣла для стрѣльбы. Артиллеристы также тщательно изучили позиціи и на своихъ картахъ отмѣтили разстоянія.

Впереди нашихъ позицій былъ расположенъ цѣлый рядъ деревень и вся мѣстность была покрыта посѣвами предательскаго гаоляна, доходившими до самыхъ окоповъ. Густой гаолянъ, достигающій такой высоты, что въ немъ можетъ съ головой спрятаться всадникъ, могъ превосходно маскировать наступленіе японскихъ стрѣлковъ, а деревни—служить имъ укрытіемъ для резервовъ и маскировать батареи. Это было принято въ соображеніе Штабомъ арміи, откуда былъ

полученъ приказъ: немедленно приступить къ очищенію впереди лежащей мѣстности отъ построекъ, посѣвовъ гаоляна и кукурузы и отъ деревьевъ.

Узнавъ объ этомъ, я возбудилъ вопросъ о необходимости участія Контроля при оцѣнкѣ и уплатѣ денегъ владѣльцамъ за уничтоженное имущество.

Штабъ арміи, позабывъ, при отдачѣ этого приказанія о существованіи Контроля, поспѣшилъ исправить свою ошибку и отдалъ дополнительное распоряженіе о пополненіи состава оцѣночныхъ комиссій представителями отъ Контроля.

Насколько полезно было участіе Контроля въ такихъ комиссіяхъ, усматривается изъ того, что комиссія безъ меня уже произвела оцѣнку одной деревни, а когда при моемъ участіи были вновь переоцѣнены всѣ постройки этой и еще другихъ пяти деревень, то весь расходъ за сносъ всѣхъ шести деревень оказался меньшимъ, чѣмъ первоначальная оцѣнка одной первой деревни. Я достигъ этого тѣмъ, что предложилъ китайцамъ воспользоваться деревяннымъ строительнымъ матеріаломъ и для безпрепятственнаго вывоза его на сѣверъ выдавалъ имъ пропускныя записки, которыя заблаговременно были изготовлены по моему распоряженію. Эта мѣра сильно понизила вознагражденіе за сносъ построекъ. То же средство было пущено въ ходъ при вырубкѣ деревьевъ, но такъ какъ намъ нуженъ былъ лѣсъ для постройки мостовъ и укрѣпленія позицій, то я предложилъ покупать срубленныя деревья и передавать ихъ въ распоряженіе саперъ. Обо всѣхъ этихъ операціяхъ на мѣстѣ составлялись акты и деньги уплачивались владѣльцамъ подъ расписки.

Ни одна операція не была произведена иначе, какъ въ присутствіи китайскихъ чиновниковъ и мѣстныхъ китайскихъ властей (старшинъ). Каждый день къ 7-ми часамъ утра, ко мнѣ въ фанзу являлся китайскій чиновникъ съ переводчикомъ, и мы выѣзжали на позиціи, гдѣ насъ ожидала комиссія отъ каждаго боевого участка. Эти ежедневныя поѣздки были очень утомительны. Съ ранняго утра приходилось разъѣзжать подъ палящимъ солнцемъ и возвращаться домой только къ ночи. Для защиты лошадей отъ солнечныхъ лучей мы надѣвали имъ на головы соломенныя остроконечныя шляпы, совер-

шенно такія же, какъ и у нашихъ переводчиковъ, и наша кавалькада имѣла довольно оригинальный видъ. Съ болью въ сердцѣ вспоминаю я эти поѣздки: сколько тяжелыхъ сценъ пришлось мнѣ видѣть въ это время. Мы, опираясь на военную силу, выгоняли насильно мирныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ жителей изъ деревень и разрушали ихъ жилища, не имѣя на то никакого права. Это было грубѣйшее нарушеніе основныхъ принциповъ международнаго права.

Столѣтніе старики и старухи, обливаясь слезами, ползали на колѣняхъ и цѣловали мои ноги, умоляя о томъ, чтобы ихъ оставили на мѣстѣ и позволили спокойно умереть въ своей фанзѣ.

Черезъ переводчиковъ я объяснялъ имъ, что все равно черезъ нѣсколько дней придутъ японцы и начнутъ стрѣлять въ насъ, а мы въ нихъ и всѣ китайцы, которые останутся въ деревнѣ, будутъ убиты, а деревня будетъ сожжена и разрушена. Эти доводы ихъ не убѣждали и опи твердили одно и то же: «мы хотимъ умереть въ нашихъ фанзахъ, гдѣ мы родились и выросли».

Большинство китайцевъ молча, безъ протеста, подходили къ казначею, получали деньги и выдавали расписки, но сколько злобы виднѣлось на этихъ, на вицъ спокойныхъ и безстрастныхъ лицахъ; лишь едва уловимые огоньки, которые вспыхивали въ ихъ глазахъ, указывали на ихъ безсильную ненависть и безмолвный протестъ противъ грубаго насилія.

Главой семьи у китайцевъ всегда считается лицо мужескаго пола, хотя бы онъ былъ младшимъ по возрасту и вотъ, въ числѣ получавшихъ деньги, подходитъ мальчуганъ лѣтъ 13—14; мнѣ бросилась въ глаза наружность мальчугана и его осанистый видъ. Получивъ деньги и не провѣривъ ихъ, онъ зажалъ пачку въ кулакъ и молча подошелъ ко мнѣ для подписи расписки, но едва онъ взялъ перо въ руки, какъ у него брызнули изъ глазъ ручьи слезъ; онъ быстро отеръ ихъ рукою, но крупныя слезы продолжали катиться одна за другою. Я почувствовалъ, что у меня что-то защекотало въ горлѣ. Я схватилъ мальчугана и посадивъ рядомъ съ собой на фанзу, сталъ его гладить по головѣ, пока онъ не успокоился. Среди собравшихся китайцевъ, до тѣхъ поръ стоявшихъ молча, началось лопотаніе.

Я спросилъ черезъ переводчика, кто этотъ мальчикъ и о чемъ онъ

плачетъ, и узналъ слѣдующее: это сынъ самаго богатаго, самаго умнаго и самаго добраго китайца, къ которому вся деревня относилась съ большимъ уваженіемъ. Онъ жилъ на югѣ и велъ торговлю, но русскіе его убили, принявъ за японца, и весь его товаръ пропалъ; семья перебралась сюда, къ сѣверу, гдѣ у нихъ была старая фанза, въ которой жила старшая дочь. Послѣ этой драмы жена китайца умерла съ горя и остались три дочери, да сынъ—этотъ мальчуганъ; тѣ сто рублей, которые онъ получилъ за сносъ ихъ фанзы, составляли весь капиталъ семьи послѣ большого богатства. Сколько такихъ, душу раздирающихъ драмъ въ семьяхъ беззащитныхъ, миролюбивыхъ китайцевъ было вызвано этой ужасной войной! Сколько разоренныхъ семей и сколько невинно загубленныхъ жизней!..

Сколько совершенно ненужной жестокости было произведено русскими солдатами и совершенно безсознательно. Вѣдь русскій человѣкъ по натурѣ добръ, но легко превращается въ кровожаднаго звѣря, благодаря своей некультурности. Для солдата китаецъ былъ не человѣкъ, а такъ, что то похожее на человѣка, и никто не старался вразумить его, что не только китайцы такіе же люди, какъ и мы, но они хозяева, а мы непрошенные гости.

Не мало китайскихъ душъ было загублено только потому, что мы не понимали ихъ языка, а они не понимали насъ. Послѣ неудачнаго боя подъ Сандепу и занятія позицій на сѣверномъ берегу Шахэ, китайцамъ было объявлено черезъ переводчика, чтобы они не смѣли переходить на южную сторону Шахэ, т. е. на японскую сторону. Или переводчикъ недостаточно понятно объявилъ объ этомъ жителямъ, или не всѣ это слышали, но только нѣкоторые изъ китайцевъ перебирались по льду на южную сторону. Наши патрульные ловили ихъ, и размозживъ голову прикладомъ ружья, спускали въ прорубь...

Не лучше поступали казаки, которыхъ отправляли съ линіи окоповъ въ качествѣ конвойныхъ, при китайцахъ-сигнальщикахъ.

Является казакъ въ Штабъ съ запиской.

— А гдѣ же китайцы?

— Ваше благородіе, на дорогѣ остались.

— Что же, убѣжали они отъ тебя?

— Сохрани Богъ, ваше благородіе, рази можно арестованнаго выпустить.

— Гдѣ же твои арестованные?

— Померли дорогой...

Это означало, что казакъ самъ расправился съ пойманными шпіонами.

Я долженъ сдѣлать оговорку, что самъ очевидцемъ указанныхъ фактовъ не былъ, но слышалъ объ этомъ въ Штабѣ корпуса. О всѣхъ этихъ жестокостяхъ знали и закрывали на нихъ глаза, объясняя это «военными обстоятельствами».

Во время обхода фанзъ, для осмотра, я разъ вошелъ въ пустую фанзу, въ которой лежала молодая китаянка съ страшно худымъ лицомъ и едва слышно стонала. Около фанзы стоялъ приготовленный гигантскій гробъ.

Черезъ переводчика я узналъ, что въ этотъ день больную хотѣли класть въ гробъ, и только пріѣздъ нашей комиссіи помѣшалъ этому.

— Вѣдь больная еще не умерла. Какъ же ее, живую, въ гробъ класть?

— Она уже два раза лежала въ гробу. Когда докторъ не можетъ вылечить больного, его кладутъ въ гробъ и держатъ тамъ день и ночь. Если больному станетъ лучше, его вынимаютъ изъ гроба, а если онъ не можетъ поправиться, то онъ непремѣнно умретъ въ гробу...

Оригинальный и дикій способъ леченія умирающихъ.

Послѣ сноса фанзъ, приступили къ очисткѣ позицій отъ посѣвовъ гаоляна и когда большая часть полей уже была уничтожена, получено было распоряженіе Штаба о томъ, чтобы только намѣтить, какія поля должны быть уничтожены и приступить къ ихъ снятію, съ наступленіемъ японцевъ. Непонятная и притомъ несвоевременная экономія!..

Составленіе актовъ, съ указаніемъ фамилій владѣльцевъ, какъ я и предвидѣлъ заранѣе, оказалось весьма полезнымъ въ будущемъ, при разсчетахъ съ китайцами за понесенные ими убытки отъ потравъ, порчи имущества и разрушенія фанзъ, когда владѣльцы, уже получивъ вознагражденіе отъ комиссіи, вторично предъявляли претензіи.

Но то были китайцы и съ ихъ стороны понятно было желаніе получить еще что-нибудь съ русскихъ, но какъ назвать поступокъ

одного офицера, который предъявилъ въ Штабъ корпуса требованіе о выдачѣ ему авансомъ 12.000 рублей на уплату за экспропріированный лѣсъ для постройки мостовъ, когда большая часть этого лѣса была куплена комиссіею?.. Предварительно выдачи денегъ, я потребовалъ отъ этого офицера вѣдомость деревьямъ, съ указаніемъ фамилій владѣльцевъ, и свѣдѣнія, на какія надобности лѣсъ былъ израсходованъ. Благодаря упомянутымъ актамъ и замѣткамъ въ моей записной книжкѣ по наблюденію за постройкой мостовъ, я призналъ необходимымъ отпустить для разсчетовъ съ китайцами всего 2.000 рублей, такъ какъ, по моимъ свѣдѣніямъ, большая часть лѣса была оплачена и при томъ по цѣнамъ, въ 2—3 раза низшимъ, чѣмъ было указано въ разсчетѣ этого офицера.

Для присутствованія при уплатахъ я командировалъ своего сослуживца и въ общемъ пришлось уплатить немного болѣе 1500 рублей, вмѣсто 12.000 рублей!..

Оцѣнка фанзъ и посѣвовъ отняла у меня порядочно времени и прервала работы по выясненію убытковъ при отступленіи. Многія части хотѣли воспользоваться случаемъ и получить съ казны возможно больше, я же задался цѣлью, во 1-хъ опредѣлить дѣйствительное количество брошеннаго, уничтоженнаго и пропавшаго имущества и во 2-хъ, выяснить, при какихъ обстоятельствахъ произошла утеря и какъ были утилизированы перевозочныя средства.

При опредѣленіи размѣровъ убытковъ отъ хозяйственныхъ заготовокъ частей мнѣ пришлось по денежнымъ журналамъ, книжкамъ фуражировъ и артельщиковъ опредѣлять наличіе запасовъ къ моменту отступленія и выяснить среднія покупныя цѣны.

Многія части показали наличіе въ значительно большемъ размѣрѣ, а стоимость опредѣлили по предѣльнымъ цѣнамъ.

Нѣкоторыя части указали на такія заготовки, на производство которыхъ не было никакого распоряженія и расходы не были проведены по журналу, а одна часть потребовала возмѣщенія ей стоимости такихъ пропавшихъ вещей, которыя были пожертвованы, т. е. получены даромъ.

Два полка потребовали деньги за холщевые мѣшки, которые они получили безденежно отъ инженернаго вѣдомства для устрой-

ства земляныхъ прикрытій, при чемъ ими каждый мѣшокъ былъ оцѣненъ по 65 копеекъ.

Нѣкоторыя требованія были явно недобросовѣстны и завѣдывающіе хозяйствомъ, конечно, должны были соглашаться съ тѣмъ, что это была или «случайная ошибка», или недоразумѣніе со стороны дѣлопроизводителя и отказывались отъ предъявленныхъ требованій, но одинъ завѣдывающій хозяйствомъ, когда я составилъ при немъ разсчетъ и доказалъ ему фиктивность его требованія, возразилъ:

— Вы составили разсчетъ по книжкамъ фуражира. А если бы вамъ этихъ книжекъ не представили?

— Я бы потребовалъ ихъ отъ вашей части.

— А мы бы отвѣтили вамъ, что всѣ книжки пропали при отступленіи и вы должны были бы принять мой разсчетъ.

— Ошибаетесь, капитанъ. Во-первыхъ, книжки могли пропасть только вмѣстѣ со всей канцеляріей, гдѣ онѣ хранятся, или съ фуражиромъ, у котораго находилась послѣдняя книжка, но ни того, ни другого, къ счастью, не было; во-вторыхъ, предъявляя требованіе къ казнѣ, вы должны обосновать это требованіе и подкрѣпить его документально.

Ретивый капитанъ все-таки никакъ не соглашался уничтожить свой фиктивный разсчетъ и я вынужденъ былъ потребовать для этого командира части, который въ оправданіе упорства капитана, сослался на его неопытность и горячность и поспѣшилъ согласиться съ моимъ разсчетомъ.

Тарусскій полкъ отказался отъ возмѣщенія убытковъ по уничтоженію своихъ богатыхъ запасовъ, ссылаясь на то, что полкъ располагаетъ достаточными хозяйственными суммами, чтобы принять убытки на свой счетъ. Это былъ единственный полкъ, который отказался отъ возмѣщенія убытковъ изъ средствъ казны.

Оффиціальныя объясненія частей, потерявшихъ часть обозовъ и имущества при отступленіи, сводились къ тому, что приходилось отступать ночью, безъ дорогъ и что часть обоза была брошена вслѣдствіе паники. Всѣ объясненія были подвергнуты тщательному анализу въ засѣданіяхъ комиссіи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ комиссія пришла къ опредѣленному выводу о недостаточной распорядительности на-

чальствующихъ лицъ при отступленіи и неправильной утилизаціи обозовъ.

Между прочимъ, не могу умолчать о случаѣ уничтоженія въ 2-хъ полкахъ всѣхъ револьверовъ для музыкантовъ. Изъ объясненій полковъ выяснилось, что интендантство не отпустило кобуръ для ношенія ихъ при портупеѣ, а потому револьверы все время лежали безъ употребленія и музыкантская команда во все время войны была, значитъ, безоружна. Конечно, отсутствіе кобуръ, которыя могли быть сшиты полковыми шорниками, комиссія не признала уважительною причиною къ уничтоженію револьверовъ.

Спрашивается, для чего полки получили это вооруженіе музыкантскихъ командъ, стоющее, однако, большихъ денегъ? Да и вообще вполнѣ своевременно возбудить вопросъ, насколько необходимы теперь въ войсковыхъ частяхъ музыкантскія команды въ военное время. Прежде, когда полкъ шелъ въ атаку сомкнутой колонной, съ развернутымъ знаменемъ и подъ музыку, это было понятно, но теперь такія атаки немыслимы и на войнѣ музыкантскіе хоры были во всѣхъ отношеніяхъ лишней и дорого стоющей обузой. Превратите въ военное время музыкантовъ въ строевыхъ чиновъ, или хотя бы возложите на нихъ обязанности санитаровъ и на каждый корпусъ число штыковъ увеличится на нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ эту кампанію музыканты находились въ тылу и были только лишними ртами.

Потеряли также свое значеніе и знамена, которыя во время этой войны хранились въ тылу и въ бояхъ не бывали.

Разбирая объясненія частей, комиссія обратила особенное вниманіе на обстановку, при которой погибъ весь обозъ одного изъ полевыхъ госпиталей. Главный врачъ бросилъ весь обозъ на произволъ судьбы; его примѣру послѣдовалъ смотритель госпиталя, а нижніе чины, оставшись безъ командваго состава, ушли, побросавъ всѣ повозки, а въ томъ числѣ и двуколку съ денежнымъ ящикомъ, хотя ящикъ представлялъ изъ себя небольшую шкатулку, которую можно было взять подъ мышку. И это при наличіи воинскаго караула при денежномъ ящикѣ! Комиссія, признавъ главнаго врача отвѣтственнымъ за утерю всего имущества, постановила отнести весь убытокъ казны на его личный счетъ, независимо отъ возбужденія

уголовнаго преслѣдованія противъ виновныхъ лицъ. По докладу командира корпуса, постановленіе комиссіи было утверждено командующимъ войсками арміи, но не приводилось въ исполненіе до 1908 г., когда, по представленію генерала Гершельмана,[1]) военный Совѣтъ постановилъ принять эти убытки на счетъ казны. Для меня совершенно непонятно такое постановленіе военнаго Совѣта, своею властью отмѣнившаго распоряженіе командующаго арміею, которому, по положенію полевого Управленія войскъ, предоставлены права военнаго Совѣта. Также непонятно, почему не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія противъ главнаго врача и другихъ виновныхъ лицъ. Вотъ въ чемъ кроется главная причина тѣхъ многочисленныхъ панамъ, которыя въ изобиліи открываются сенаторскими ревизіями—это въ полной безнаказанности преступниковъ.

Офицерамъ, которые потеряли свое имущество при брошенныхъ обозахъ, выдали отъ казны пособіе, при чемъ нѣкоторые недобросовѣстные офицеры показали пропавшими такія вещи, которыхъ у нихъ вовсе не было, или ложно показали потери вещей, которыя они вывезли въ сохранности. Въ числѣ такихъ господъ былъ одинъ парковый штабъ-офицеръ, который заблаговременно уѣхалъ на сѣверъ, увезя въ экипажѣ всѣ свои вещи. Его подчиненный въ глаза ему сказалъ, что это мошенничество, а онъ съ улыбкою отвѣтилъ, что только дуракъ не пользуется случаемъ.

Едва я окончилъ работы по выясненію убытковъ отъ потерь при отступленіи, какъ, по предписанію Штаба арміи, на меня возложено было такое-же порученіе для отдѣльнаго отряда генерала Грекова, стоящаго авангардомъ въ г. Цулюшу. Хотя этотъ отрядъ не входилъ въ составъ нашего корпуса, но я не имѣлъ права не подчиняться распоряженію Штаба арміи и собрался въ авангардъ. Отъ дождей дорога сдѣлалась совершенно не проѣзжею и мнѣ жаль было мучить своихъ верховыхъ лошадей, а такъ какъ мои обозныя давно стояли безъ работы, поэтому я приказалъ запречь двуколку парою и поѣхалъ къ югу. Разстояніе до Цулюшу было, кажется, около 25 верстъ, но я ѣхалъ цѣлый день и только къ ночи добрался до авангарда. На другой день

[1]) Командующаго войсками московскаго военнаго округа.

утромъ я былъ у генерала Грекова и, передавъ ему распоряженіе Штаба арміи, высказался, что вѣроятно казачьи полки, обладая большими хозяйственными суммами (свыше 100.000 рублей въ полку), согласятся принять всѣ убытки на свой счетъ. Генералъ Грековъ на это согласился и я, довольный такими результатами, а также и тѣмъ, что освободился отъ непріятной и тяжелой работы, въ тотъ же день выѣхалъ обратно и поздно ночью вернулся во-свояси.

Начался періодъ дождей. Кругомъ невылазная грязь. Огромная фанза, въ которой я помѣщался, сдѣлалась настоящимъ сборищемъ офицерства, благо тутъ-же помѣщалась и столовая. Понемногу фанза начала заполняться новыми жильцами и скоро всѣ цзяни (часть фанзы между двумя поперечными балками) были заняты, напоминая номера гостиницы, отдѣленные другъ отъ друга палаточными полотнищами.

Я позабылъ сказать о томъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ нашъ корпусъ наконецъ прибылъ корпусный транспортъ, который, какъ я уже упоминалъ раньше, формировался въ Томскѣ. Для пріема прибывшаго обоза была назначена комиссія при моемъ участіи и, окончивъ съ выясненіемъ убытковъ, я отправился на пріемку обоза. Повозки были изготовлены невозможно плохо, изъ сырого дерева и многія части были сдѣланы изъ ольхи и сосны, вмѣсто березы, а колеса совершенно никуда не годились. Только для того, чтобы привести эти двуколки въ сносный видъ, по нашему разсчету необходимо было, при даровой рабочей силѣ, израсходовать въ среднемъ по 6 рублей на двуколку. Я говорю про обозъ, который только что былъ изготовленъ и еще ни разу не былъ въ употребленіи. Поставщикъ, изготовлявшій обозъ, былъ изъ привиллегированныхъ и когда комиссія при округѣ забраковала всѣ повозки, то по распоряженію Штаба округа была назначена вторая комиссія, не такая строгая. И эти никуда негодныя двуколки были приняты и отправлены въ дѣйствующую армію!

Я немедленно донесъ объ этомъ по своему начальству и указалъ на необходимость удержать залогъ поставщика, но, кажется, округъ поспѣшилъ выдать поставщику всѣ деньги и возвратить его залогъ...

Между прочимъ, считаю необходимымъ для болѣе полной иллюстраціи добавить, что 100 паръ колесъ, яко-бы посланныхъ отдѣльно

отъ кузововъ, вовсе не были получены отъ желѣзной дороги, благодаря чему 100 двуколокъ не работало и 100 лошадей даромъ стояло на фуражномъ довольствіи, а это составляло около 20.000 рублей излишняго расхода.

Мимо нашей фанзы постоянно проходили команды нижнихъ чиновъ, присланныхъ изъ Россіи на укомплектованіе убыли въ войсковыхъ частяхъ. Въ это же время прибывали новыя части 2-хъ корпусовъ и наши арміи были вполнѣ готовы къ предстоящему бою. Генералъ Линевичъ объявилъ: «Сыпингая не отдамъ» и всѣ вѣрили, что «папаша», какъ называли у насъ новаго главнокомандующаго, не позволитъ войскамъ отступить. Духъ арміи былъ поднятъ, и всѣ были готовы къ рѣшительному бою.

Войска чувствовали и сознавали, что подъ Сыпингаемъ русская армія должна вернуть свои утерянные лавры и выйти побѣдительницей. На Сыпингайскихъ позиціяхъ стояли войска, одухотворенныя желаніемъ разбить противника во что бы то ни стало. Будучи стороннимъ и совершенно безпристрастнымъ наблюдателемъ, я утверждаю, что Сыпингайская армія по духу была неизмѣримо выше Мукденской арміи, и чувствовалось, что за это время въ арміи выросло то, чего не доставало ей до сихъ поръ—идейности. Теперь всѣ сознавали необходимость побѣды, какъ бы дорого она ни обошлась. Выросъ духъ арміи.

Когда у насъ пронесся слухъ о томъ, что предполагается вступить въ переговоры о мирѣ, никто не хотѣлъ этому вѣрить—настолько всѣ были увѣрены въ своихъ силахъ и въ готовности продолжать войну. Но вотъ, по войскамъ объявленъ приказъ о перемиріи. Съ жадностью всѣ читаютъ газеты и особенно набрасываются на свѣдѣнія изъ Японіи: тамъ страна не желаетъ мира на условіяхъ портсмутскаго договора и есть надежда, что этотъ договоръ не будетъ ратификованъ. Составляются даже пари. Но по мѣрѣ приближенія срока ратификаціи, надежда на продолженіе войны таяла. Продолжительная неопредѣленность положенія и долгое бездѣйствіе привели къ тому, что когда, наконецъ, было объявлено о мирѣ, многіе вздохнули съ облегченіемъ. Слава Богу, конецъ тяжелой войнѣ, конецъ бойнѣ! Мнѣ приходилось бесѣдовать съ солдатами и всѣ въ одинъ голосъ

говорили, что имъ стыдно будетъ вернуться въ деревню, что бабы заплюютъ имъ глаза, будутъ смѣяться надъ вояками, которые «то и дѣло, что все отъ японцевъ бѣгали»...

Изъ газетъ и писемъ мы видѣли, что у насъ дома разгорается внутренняя война и что для возвращающихся войскъ готовится далеко не теплая встрѣча.

Хотя миръ и былъ объявленъ, но войска продолжали стоять на прежнихъ мѣстахъ. Становилось очень холодно и на бивакахъ приступили къ устройству временныхъ шалашей изъ гаоляновой соломы, прикрытыхъ сверху палаточными полотнищами. Въ огромной фанзѣ я сидѣлъ за работой въ валенкахъ и теплыхъ перчаткахъ, но все-таки руки мерзли. Для своей команды нижнихъ чиновъ я купилъ мѣстные мѣха, которыми приказалъ подбить ихъ мундиры. Чтобы отопить всю фанзу, надо было поставить не меньше 8-ми печей, но прочіе квартиранты отказались участвовать въ такомъ большомъ расходѣ, особенно имѣя въ виду, что каждый день слѣдовало ожидать приказа о передвиженіи на сѣверъ. Нечего дѣлать, пришлось мерзнуть.

Для зимней стоянки нашего корпуса былъ отведенъ районъ къ западу отъ станціи Мейшадзы, Китайской Восточной желѣзной дороги и туда была послана комиссія и представители отъ всѣхъ частей, съ рабочими командами, для приспособленія фанзъ для зимнихъ квартиръ и устройства землянокъ. Самую захудалую деревню, подъ названіемъ «Лидяуопа» отвели подъ Штабъ корпуса, благодаря тому, что она находилась около станціи, гдѣ пограничной стражей былъ переданъ въ распоряженіе командира корпуса небольшой домикъ въ 4 комнаты.

Я поручилъ одному изъ своихъ сотрудниковъ, не стѣсняясь расходами, за мой счетъ приспособить отведенную для насъ фанзу, устроить печи и пріобрѣсти непремѣнно лампы. Предстояла большая работа и я озабоченъ былъ устройствомъ соотвѣтствующей обстановки.

Войска продолжали стоять на мѣстѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая приказа о выступленіи, а высшее начальство ждало, когда будутъ совсѣмъ готовы зимнія помѣщенія.

Наконецъ изъ Штаба арміи былъ полученъ приказъ, съ указаніемъ времени выступленія. Но прежде, чѣмъ двинуться на зимнія стоянки, приказано было удовлетворить претензіи всѣхъ китайцевъ,

по районамъ, распредѣленнымъ между всѣми корпусами. Съ этой цѣлью была назначена комиссія. И вотъ опять, съ ранняго утра, пришлось объѣзжать всѣ деревни и селенія, входящія въ отведенный намъ районъ, площадью около 150 квадратныхъ верстъ. Въ устраненіе возможности предъявленія къ нашему правительству требованій дипломатическимъ путемъ о вознагражденіи китайцевъ, я во всѣхъ случаяхъ составлялъ протоколы, съ отмѣтками китайскихъ чиновниковъ и мѣстныхъ властей о полномъ удовлетвореніи населенія.

Въ одной деревнѣ китайцы потребовали уплаты имъ 60.000 рублей. Въ виду несоотвѣтствія этой суммы дѣйствительнымъ убыткамъ, я предложилъ комиссіи, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ деревни, произвести подробную оцѣнку каждой поврежденной фанзы, имущества и садовъ и по самому точному подсчету претензія подлежала удовлетворенію въ суммѣ 8000 рублей. Такъ какъ китайцы на этотъ разсчетъ не соглашались, между тѣмъ чрезъ сутки мы должны были выступить на зимнія стоянки, то я чрезъ переводчика объявилъ имъ, что деньги будутъ отданы тифанъ-гуану (китайскому окружному начальнику), а это равносильно было тому, что китайцы этихъ денегъ не получили-бы и половины. Они недолго размышляли предъ поставленной имъ дилеммой и согласились на мой разсчетъ. Всего было уплачено около 35.000 рублей. Командиръ корпуса согласился на мое предложеніе—отнести этотъ расходъ на счетъ хозяйственныхъ суммъ, такъ какъ, по существу, онъ никоимъ образомъ не могъ быть принятъ на счетъ казны.

Войска должны были идти походнымъ порядкомъ, съ производствомъ маневровъ. Какъ разъ наступилъ сильный морозъ съ вьюгой. Нечего сказать, хороши были маневры! Высшее начальство или позабыло, или не знало, что большая часть солдатъ были одѣты въ лѣтніе костюмы и прикрыты подбитыми вѣтромъ старыми шинелями.

Зимнія стоянки послѣ заключенія мира.

Войска получали все довольствіе отъ полевого интендантства всегда вд-время и надлежащаго качества, но все то, что доставлялось изъ Россіи, приходило съ очень большимъ опозданіемъ и дурного качества. Такъ было съ зимнимъ платьемъ въ первый годъ, такъ случилось и на второй годъ. Наступили холода, а солдаты ходили въ лѣтнихъ брюкахъ... Нѣкоторые командиры распорядились перешить старыя шинели на штаны, но ихъ выдавали тѣмъ чинамъ, которые назначались въ караулъ. Сшили штаны также изъ портяночнаго сукна въ тѣхъ частяхъ, гдѣ оно уцѣлѣло послѣ мукденскаго погрома. Кстати объ этомъ сукнѣ. Чтобы предохранить войска отъ замораживанія ногъ, изъ Россіи было потребовано сѣрое сукно для портянокъ. Казалось бы для всѣхъ понятнымъ, что солдату, обутому въ кожаный сапогъ, слѣдуетъ дать такой матеріалъ для портянокъ, чтобы обутая въ него нога могла свободно влѣзать въ сапогъ, почему для портянокъ обычно употребляется тонкое и мягкое сукно, между тѣмъ, изъ Россіи прислали толстое и жесткое сѣрое сукно, за которое, какъ говорили, было уплачено свыше милліона рублей; ни одинъ солдатъ этими портянками не воспользовался—нога не лѣзла въ сапогъ.

Нашъ Штабъ совершилъ переѣздъ по желѣзной дорогѣ. На станціи Мейшадзы насъ встрѣтили квартирьеры и проводили до деревни. Я былъ очень пріятно удивленъ, когда вошелъ въ свою фанзу: въ углу топилась печь, на столѣ стоялъ кипящій самоваръ, а вся комната освѣщалась большой висячей лампой подъ абажуромъ. Давно мнѣ не приходилось быть въ такой уютной обстановкѣ.

Впереди предстояла огромная и спѣшная работа. Въ первую очередь надо было произвести сплошную во всѣхъ частяхъ ревизію денежныхъ книгъ и опредѣлить состояніе хозяйственныхъ и экономическихъ суммъ, а затѣмъ провѣрить свидѣтельства о пришедшемъ въ негодность имуществѣ. Далѣе, необходимо было понемногу ликвидировать имущество демобилизуемыхъ частей и расформировываемыхъ учрежденій и заведеній и произвести ревизію разныхъ видовъ отчетности, поступившей отъ частей корпуса въ мое Управленіе.

Войска размѣстились довольно хорошо: большая часть заняла приспособленныя для зимняго помѣщенія китайскія фанзы, а для остальныхъ командъ были выстроены теплыя землянки. Нашъ Штабъ, какъ я уже упомянулъ выше, занялъ дер. Лидяуопу, состоявшую изъ нѣсколькихъ полуразвалившихся фанзъ.

Несмотря на цѣлый мѣсяцъ работы, подъ руководствомъ корпуснаго инженера, эти помѣщенія оказались никуда негодными, и на отопленіе ихъ пришлось израсходовать огромныя деньги, сверхъ отпуска отъ казны по нормѣ.

По ратификаціи мирнаго договора слѣдовало сейчасъ же приступить къ демобилизаціи дѣйствующихъ частей и расформированію резервныхъ войскъ, управленій и учрежденій, сформированныхъ на время военныхъ дѣйствій.

Къ сожалѣнію, плана демобилизаціи и расформированія своевременно составлено не было. Больше того, въ положеніе о полевомъ управленіи войскъ совсѣмъ не вошла статья о демобилизаціи, и это составляетъ огромный пробѣлъ въ указанномъ положеніи. Я очень далекъ отъ обвиненія Штаба главнокомандующаго въ отсутствіи подробно выработаннаго плана: можетъ быть, благодаря сосредоточенію милліонной арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій, удаленномъ отъ метрополіи на 7000 верстъ и отсутствію достаточныхъ перевозочныхъ средствъ это и представлялось особенно труднымъ и сложнымъ, тѣмъ не менѣе, демобилизація производилась не съ достаточной поспѣшностью и эта медленность, не вполнѣ оправдываемая, стоила огромныхъ непроизводительныхъ для казны расходовъ. Необходимо было прежде всего расформировать тѣ штабы, управленія и заведенія, которые были сформированы на время военныхъ дѣйствій и по окончаніи войны являлись совершенно излишними. Затѣмъ, слѣдовало уничтожить огромные обозы, продовольственные транспорты, конно-охотничьи и конно-ординарческія команды и довести штатъ обозныхъ, упряжныхъ и строевыхъ лошадей въ войсковыхъ частяхъ до мирнаго времени. Одновременно надлежало уволить всѣхъ призванныхъ изъ запаса офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Штабъ главнокомандующаго ограничился пока распоряженіемъ о сокращеніи обозовъ и уничтоженіи конно-охотничьихъ командъ,

предоставивъ опредѣленіе количества обозныхъ лошадей, подлежащихъ оставленію для потребностей войскъ и установленіе срока продажи остальныхъ лошадей усмотрѣнію командировъ корпусовъ.

Пока мы стояли подъ Сыпингаемъ, конечно, возможно было бы продать часть лошадей въ районѣ между Маймайкаемъ и Цулюшу и цѣны на лошадей въ этомъ районѣ были очень хорошія, но мое предложеніе о безотлагательномъ расформированіи конно-охотничьихъ полковъ съ ихъ обозами, вьючныхъ транспортовъ и ординарческихъ командъ не было принято, а это составляло 960 лошадей только въ одномъ нашемъ корпусѣ. И вотъ, мы потянулись къ сѣверу, на зимнія стоянки, ведя за собою массу совершенно ненужныхъ лошадей, содержаніе которыхъ стоило очень большихъ денегъ.

По приходѣ на зимнія стоянки, командиръ корпуса приказалъ оставить въ каждомъ полку по 100 лошадей въ обозахъ для перевозки продовольственныхъ запасовъ, а остальныхъ продать. По существующимъ законамъ, продажа должна была производиться съ аукціоннаго торга, но я, въ интересахъ казны, принужденъ былъ отказаться отъ этого порядка продажи казеннаго имущества. Китайцы не понимали, да и не хотѣли понимать процессуальной стороны аукціонной продажи. Китаецъ, желавшій купить лошадь, назначалъ свою цѣну и возмущался тѣмъ, что ему не отдавали лошадь сразу, а допускали другихъ китайцевъ торговаться.

Отступившись отъ аукціона, такой китаецъ ждалъ, когда намѣченную имъ лошадь пріобрѣталъ кто-нибудь другой и тутъ же, на нашихъ глазахъ перекупалъ ее, съ надбавкой отъ 25—30 рублей.

Иногда бывали и такія курьезныя сцены: китаецъ, назначивъ цѣну и не имѣя другихъ конкурентовъ, самъ начиналъ быстро набавлять цѣну, и случалось, что заявивъ первоначально 30—40 рублей, этотъ же покупщикъ самъ себѣ набивалъ цѣну до 100 рублей. Когда на торги являлся китайскій офицеръ, или чиновникъ, ни одинъ китаецъ не только не имѣлъ права раньше этихъ лицъ купить лошади, но не смѣлъ выступать ихъ конкурентомъ. По моему докладу, командиръ корпуса разрѣшилъ продажу по вольной цѣнѣ, но непремѣнно или

въ присутствіи представителя отъ Контроля, или по предварительному согласію Контроля.

Впослѣдствіи этотъ порядокъ продажи былъ санкціонированъ главнокомандующимъ. Не говоря уже про то, что китайцы смотрѣли на аукціонъ, какъ на недобросовѣстное съ ихъ точки зрѣнія, дѣйствіе, аукціонная продажа всѣхъ лошадей вѣроятно отняла бы 3—4 мѣсяца времени.

Въ виду того, что въ сравнительно незначительномъ районѣ всѣ рынки были наводнены лошадьми, цѣны на нихъ упали въ среднемъ до 25 рублей за голову. Явились въ армію разныя темныя личности, желавшія скупить лошадей огульно, по низкой цѣнѣ. Одинъ ветеринарный врачъ, состоявшій на положеніи привиллегированнаго подрядчика по перевозкѣ грузовъ, явился въ нашъ корпусъ и предложилъ купить лошадей по 15 рублей за голову! Полкъ, къ которому онъ обратился съ этимъ «выгоднымъ» предложеніемъ, направилъ его ко мнѣ, но я отказался вступить съ нимъ въ какія-либо личныя сношенія — настолько я былъ возмущенъ циничнымъ предложеніемъ этого субъекта. Узнавъ, что скупщики гонятъ пріобрѣтенныя ими большія партіи въ Харбинъ и въ Куанчендзы, откуда, какъ я слышалъ, они перегоняли лошадей въ японскую армію, я сообщилъ въ части, что цѣны должны подняться и предложилъ воздержаться, временно, дальнѣйшей продажей. Мои предположенія оправдались и цѣны поднялись до 40—45 рублей. Я думаю, что раціональнѣе было бы передать хотя часть лошадей въ распоряженіе переселенческаго управленія, для выдачи ихъ переселенцамъ, въ счетъ денежнаго отъ казны отпуска на первоначальное обзаведеніе. Содержаніе лошадей въ громадныхъ степяхъ Монголіи стоило бы очень дешево, а въ зимнее время можно было бы для довольствія лошадей использовать тѣ милліонныя заготовки сѣна, которое такъ и пропало безвозвратно, оставшись въ Монголіи. Это была одна изъ неудачныхъ операцій интендантства, о которой у насъ очень много говорили въ арміи.

Наши обозы—это одно изъ больныхъ мѣстъ военной организаціи арміи и вопросу объ обозахъ необходимо удѣлить серьезное вниманіе.

Когда у насъ будетъ составленъ полный отчетъ о расходахъ на русско-японскую войну, тогда только мы увидимъ, въ какой колос-

сальной цифрѣ выразился расходъ на содержаніе обозовъ, и я утвердительно говорю, что при болѣе разумномъ и хозяйственномъ распоряженіи обозными средствами этотъ расходъ возможно было бы сильно сократить. Я приведу только нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе справедливости сказаннаго.

Я уже упоминалъ, что когда мы получили двуколки корпуснаго продовольственнаго транспорта, то 100 паръ колесъ гдѣ-то застряли въ пути, вслѣдствіе чего 100 двуколокъ не могли быть пущены въ обращеніе, а 100 лошадей къ нимъ все время стояли въ транспортѣ и получали фуражъ.

Полевая переносная хлѣбопекарня, при спѣшномъ отступленіи, не успѣла разобрать печи и выступила съ пустымъ обозомъ. По приходѣ на зимнія стоянки, хлѣбопекарня работала на печахъ, сложенныхъ изъ кирпичей, а при ней состоялъ обозъ изъ 160 лошадей, которымъ нечего было дѣлать.

Этапъ на разъѣздѣ № 75 обслуживался ротой 16-го корпуса. Около этапа помѣщался складъ 8-го корпуса и тутъ же находилась хлѣбопекарня этого корпуса, поэтому казалось бы, что указанная рота могла бы получать печеный хлѣбъ и прочіе предметы довольствія отъ 8-го корпуса, но никто этимъ не озаботился, поэтому рота, для полученія довольствія изъ своего корпуса, должна была держать обозъ изъ 27 лошадей.

При болѣе стянутомъ расположеніи корпуса на зимнихъ стоянкахъ работы продовольственнаго транспорта сократились и корпусъ могъ бы обслуживаться своими дивизіонными транспортами, но несмотря на это, огромный продовольственный транспортъ продолжалъ состоять при корпусѣ. Только послѣ представленія мною свѣдѣній о ничтожности его работы, командиръ корпуса отдалъ распоряженіе объ его расформированіи.

Во время этой войны мы какъ бы позабыли объ основной задачѣ войсковыхъ обозовъ—служить перевозочнымъ средствомъ при движеніи арміи походнымъ порядкомъ; въ дѣйствительности, кромѣ отступленія отъ Ляояна и Мукдена, армія другихъ большихъ походныхъ движеній не совершала, а войсковые обозы все время заняты

были перевозками различнаго рода хозяйственныхъ заготовокъ, производимыхъ попеченіемъ войскъ.

Особыя и весьма тяжелыя условія послѣдней войны и неподготовленность къ ней можетъ быть и заставили интендантство привлечь къ заготовкамъ сами войска, но дѣйствительная обстановка далеко не была столь угрожающею, чтобы можно было вполнѣ оправдать эту мѣру, давшую очень много отрицательныхъ результатовъ. Многочисленные войсковые обозы были использованы для различныхъ заготовокъ, а во время отступленія отъ Мукдена войска пользовались этими обозами для сохраненія своихъ продовольственныхъ запасовъ, заготовленныхъ собственнымъ попеченіемъ, бросая въ то же время гораздо болѣе цѣнное казенное имущество только потому, что въ его заготовкѣ они участія не принимали и кромѣ того они знали, что, на основаніи свидѣтельствъ, они все равно получатъ новое имущество.

Для того, чтобы привлечь войска къ заготовкамъ, предѣльныя цѣны устанавливались очень высокія и войска видѣли возможность обогащаться при заготовкахъ собственнымъ попеченіемъ, но благодаря отсутствію планомѣрности и сильной конкуренціи между войсковыми заготовителями, главнымъ образомъ при покупкѣ фуража, рыночныя цѣны на этотъ предметъ продовольствія все время подымались, сообразно чему увеличивались и предѣльныя цѣны, т. е., расходъ казны на фуражное довольствіе.

Я уже упоминалъ о томъ, что въ среднемъ каждая лошадь дала экономіи около 250 рублей, иначе говоря, на довольствіе каждой лошади казна отпустила лишнихъ около 250 рублей. Вотъ главнѣйшіе отрицательные результаты съ финансовой точки зрѣнія привлеченія войскъ къ заготовкамъ.

Съ стратегической точки зрѣнія вредные результаты выражаются въ томъ, что часть отвлекалась отъ своихъ прямыхъ задачъ, какъ боевой единицы, въ сторону хозяйственныхъ заготовокъ. Командиры полковъ, ротъ и батарей дѣлили свои заботы между окопами и тыломъ, а въ боевое время такое раздвоеніе заботъ и обязанностей не только не допустимо, но и преступно.

Въ настоящее время, когда современная техника дала въ распоряженіе человѣка могучія средства передвиженія и транспортированія

грузовъ при помощи автомобилей, требующихъ значительно меньшихъ затратъ на тяговую силу и отличающихся значительно большею подвижностью сравнительно съ лошадиными обозами, надо совершенно отказаться отъ лошадиной силы и ввести обозы съ механическими двигателями. Объявленіе конкурса на постройку механическаго двигателя для войскъ облегчитъ эту задачу для военнаго вѣдомства.

Мнѣ кажется, достаточно привести слѣдующія данныя, взятыя изъ отчета Ух.-Огоровича, чтобы убѣдиться, насколько серьезнымъ представляется возбуждаемый мною вопросъ.

На перевозку продовольственныхъ грузовъ Управленіемъ транспортовъ арміи было израсходовано около 16.000.000 рублей, при чемъ въ эту сумму вошли расходы на сформированіе транспортовъ.

По разсчету Ух.-Огоровича, представленному имъ при докладѣ генералу Куропаткину, на составъ арміи изъ 264.736 человѣкъ и 73.985 лошадей, для подъема 10-ти дневной дачи, требовалось 10679 арбъ, подъемной силой въ 40 пудовъ каждая, съ запряжкой изъ 4-хъ животныхъ. Если принять въ соображеніе, что продовольственные грузы составляютъ 43,4% отъ общаго количества груза (56,6% составляетъ зерновой фуражъ), то оказывается, что для подъема продовольствія на 264736 человѣкъ требовалось 18439 животныхъ, или 1 животное на 14 человѣкъ. При наличіи, сверхъ того, корпусныхъ продовольственныхъ транспортовъ, дивизіонныхъ и полковыхъ обозовъ, можно съ достаточнымъ вѣроятіемъ опредѣлить, что одно животное предназначалось для перевозки продовольствія на 7 человѣкъ.

Въ дѣйствительности, въ казенныхъ транспортахъ работало 51000 животныхъ, которыми за всю кампанію перевезено было около 6.000.000 пудовъ груза.

По даннымъ отчета Ух.-Огоровича за время до 1 января 1905 года казенными транспортами было перевезено всего—3.209.990 пудовъ и сдѣлано 79.710.139 пудо-верстъ.

Эксплоатаціонные расходы по этой перевозкѣ составили 4.393.336 р. 55 к., слѣдовательно перевозка грузовъ казенными транспортами обошлась по 5,51 коп. съ пудо-версты, или по 1 р. 10 к. съ пуда на одинъ переходъ въ 20 верстъ.

Если къ этому добавить огромный расходъ на сформированіе

транспортовъ, въ суммѣ 6.725.000 рублей, то стоимость перевозки должна увеличиться больше чѣмъ вдвое.

По тѣмъ же отчетнымъ даннымъ можно было сдѣлать очень интересный выводъ о работѣ казеннаго транспорта: въ среднемъ за время до 1 января 1905 года, каждымъ животнымъ было перевезено всего 119 пудовъ, а на 1 арбу приходится, въ сутки, отъ $1^1/_2$ до 3-хъ пудовъ, при среднемъ провозѣ одного пуда на разстояніе въ 25 верстъ.

Вольнонаемными транспортами за все время кампаніи было перевезено 2.339.180 пудовъ, которыми сдѣлано 118.054.692 пудоверсты и за перевозку этого груза уплачено 4.183.855 р.

При невозможно высокихъ цѣнахъ, по которымъ Ух.-Огоровичъ платилъ за перевозки вольнонаемнымъ, все-же перевозка 1 пудоверсты обошлась въ 3,22 коп., или по 64,5 коп. за провозъ одного пуда на разстояніе перехода въ 20 верстъ.

Колоссальный расходъ въ 16,000,000 рублей на перевозку около 200.000,000 пудо-верстъ грузовъ не можетъ не обратить на себя особаго вниманія.

Помимо финансовой стороны дѣла, необходимо остановиться еще и на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Сформированіе транспортовъ отвлекло отъ арміи 747 офицеровъ, врачей, классныхъ чиновниковъ и зауряд-прапорщиковъ, и 22.017 нижнихъ чиновъ, кромѣ 11472 человѣкъ вольнонаемныхъ погонщиковъ, а это составляетъ почти цѣлый корпусъ.

2) При затруднительности довольствія арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій сформированіе этихъ транспортовъ вызвало необходимость, сверхъ боевыхъ силъ арміи, принять на себя заботу о довольствіи этого корпуса изъ 33500 человѣкъ и 51000 животныхъ, для которыхъ потребовалось зернового фуража 3.063,152 пуда и сѣна 3.341,620 пудовъ. Заготовка и перевозка этого фуража производилась тѣми же транспортными средствами и если сопоставить количество перевезенныхъ транспортами грузовъ для арміи съ количествомъ фуража, израсходованнаго самимъ транспортомъ, то ясно, что если бы транспортированіе производилось не лошадьми, а механической силой,— транспортныя средства могли бы быть уменьшены на половину, при сохраненіи всѣхъ остальныхъ условій, т. е. подъема не болѣе 40 пу-

довъ на повозку и невозможно плохой утилизаціи транспортныхъ средствъ.

3) Часть транспортовъ должна была находиться въ бездѣйствіи, въ готовности выступить, при первомъ движеніи арміи. Въ это время расходъ на фуражное довольствіе производился въ томъ же размѣрѣ, тогда какъ при механическихъ двигателяхъ этого расхода не было бы.

4) Увеличеніе потребности въ фуражѣ на 6.500,000 пудовъ конечно должно было сильно поднять цѣну на фуражъ, а это, въ свою очередь, отразилось на поднятіи предѣльныхъ цѣнъ и вызвало излишніе милліонные расходы на фуражное довольствіе арміи.

По распоряженію Государственнаго Контролера, необходимо было выяснить состояніе экономическихъ и хозяйственныхъ суммъ войсковыхъ частей на 1 ноября 1905 года. Но многія части по своимъ книгамъ эти остатки выводили неправильно, спрятавъ значительныя суммы или въ числѣ переходящихъ суммъ, или въ счетѣ разныхъ капиталовъ, поэтому предстояло провѣрить правильность всѣхъ записей денежныхъ книгъ, постатейно, а попутно и произвести ревизію всѣхъ оборотовъ, по существу. Эта огромная работа, вызвавшая сильное напряженіе силъ, была окончена въ срокъ и дала очень интересные результаты.

При повѣркѣ книгъ попутно мною опредѣленъ былъ излишекъ отпуска отъ казны около 78.000 рублей и остатокъ аванса, не возвращенный въ казну и неправильно показанный израсходованнымъ въ размѣрѣ 35,000 рублей, такъ что, благодаря только повѣркѣ книгъ, мною было предъявлено требованіе о возвратѣ въ казну около 123,000 рублей.

По окончаніи повѣрки, мною была составлена вѣдомость, въ которой я вывелъ для каждой строевой части корпуса свободный остатокъ хозяйственныхъ суммъ, и расходы, которые были произведены изъ нихъ на такія потребности, на которыя денежнаго отъ казны отпуска не положено. Затѣмъ, я опредѣлилъ средній чистый доходъ каждой части отъ фуражнаго довольствія одной лошади и %-ное отношеніе чистаго дохода къ денежному отпуску на фуражахъ.

По даннымъ этой вѣдомости можно было составить вполнѣ безошибочное мнѣніе о томъ, какъ велось хозяйство въ каждой части

и въ чемъ выражались заботы объ улучшеніи быта нижнихъ чиновъ. Хозяйственныя суммы достигали въ нѣкоторыхъ частяхъ до 100,000 рублей и всего по 8 полкамъ, 14 батареямъ и одному саперному баталіону было получено сбереженія на 1 ноября 1905 года нѣсколько свыше милліона рублей. Если изъ этой суммы исключить около 475,000 рублей, израсходованныхъ на улучшеніе быта нижнихъ чиновъ и стоимость хозяйственныхъ запасовъ на 100,000 рублей, утерянныхъ при отступленіи отъ Мукдена, то остатки свободныхъ экономическихъ суммъ составляли свыше 510,000 рублей.

Въ болѣе значительной суммѣ слѣдуетъ считать остатки отъ прочихъ 23 учрежденій и заведеній, какъ напримѣръ: 6 артиллерійскихъ парковъ, 2 дивизіонныхъ транспорта, 4 корпусныхъ транспорта, 4 полевыхъ подвижныхъ госпиталя, полевая хлѣбопекарня и др.

Исходя изъ того соображенія, что огромныя экономическія свободныя суммы образовались въ войскахъ главнымъ образомъ вслѣдствіе слишкомъ высокихъ предѣльныхъ цѣнъ, по которымъ войскамъ отпускались фуражныя деньги и, принимая во вниманіе огромныя затраты на войну, я еще въ началѣ 1905 года представилъ по начальству свои соображенія о перечисленіи нѣкоторой части этихъ огромныхъ остатковъ отъ экономіи войсковыхъ частей въ распоряженіе казны.

Кромѣ того, имѣя въ виду, что изъ государственнаго казначейства были произведены громадные расходы на сформированіе штабовъ, управленій, учрежденій и резервныхъ частей на время военныхъ дѣйствій, по окончаніи которыхъ они подлежали расформированію, я высказался за то, что всѣ хозяйственныя суммы и все имущество должно поступить полностью въ государственные доходы.

Къ сожалѣнію, на мои соображенія своевременно не было обращено надлежащаго вниманія и уже спустя довольно продолжительный промежутокъ времени объ этомъ былъ возбужденъ вопросъ, но благопріятный моментъ былъ упущенъ.

По положенію о полевомъ управленіи войскъ, всѣ потери во время боевъ и приведеніе матеріальнаго имущества въ негодность во время кампаніи устанавливаются свидѣтельствами, выдаваемыми начальниками дивизій и лицами одинаковой съ ними власти и по утверж-

деніи этихъ свидѣтельствъ командирами корпусовъ, обращаются къ исполненію, т. е. каждая часть, основываясь на такомъ свидѣтельствѣ, предъявляетъ требованіе объ отпускѣ ей денегъ или предметовъ натурою. Зная, что такія свидѣтельства составляются далеко не всегда въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью и, обычно, никѣмъ не повѣряются, я сталъ разсматривать ихъ въ канцеляріи Штаба корпуса и когда нашелъ нѣсколько такихъ свидѣтельствъ, уже утвержденныхъ командиромъ корпуса, то доложилъ ему о неправильности ихъ составленія. Генералъ Соболевъ отнесся къ моему докладу очень серьезно и приказалъ всѣ безъ исключенія свидѣтельства представлять на его утвержденіе не иначе, какъ съ моимъ заключеніемъ. Это была очень большая и сложная работа, которую я взялъ на себя, но я видѣлъ въ этомъ возможность предупредить огромные для казны расходы. И дѣйствительно, сколько такихъ свидѣтельствъ осталось безъ утвержденія, благодаря моимъ протестамъ! Достаточно указать на то, что иногда части, не получая новаго отпуска предметовъ, на основаніи утвержденныхъ свидѣтельствъ, на то же самое имущество составляли новыя свидѣтельства и такимъ образомъ предъявляли по два раза требованія на одинъ и тотъ же предметъ. Иногда составлялись свидѣтельства безъ достаточныхъ къ тому основаній. Для примѣра могу привести слѣдующіе характерные случаи:

Одинъ полкъ купилъ гуртъ скота. Дорогой нѣсколько воловъ пало отъ чумы. Вмѣсто того, чтобы зарыть павшую скотину и осмотрѣть весь гуртъ, выдѣливши подозрительныхъ,—съ павшихъ животныхъ снимаютъ шкуру и навѣшиваютъ ихъ на здоровыхъ. Дальше—еще падаетъ нѣсколько штукъ; со шкурами ихъ поступаютъ такъ же. И вотъ, изъ деревни Имаченъ, гдѣ стояло мое Управленіе, видятъ, что движется стадо какихъ-то невѣдомыхъ животныхъ. Когда командиръ обоза, подойдя ближе, узналъ въ чемъ дѣло, онъ приказалъ немедленно остановить гуртъ и вызвалъ ветеринарнаго врача. Изъ всего гурта оказалось здоровыхъ нѣсколько штукъ, да и тѣхъ поспѣшили зарѣзать и скормить солдатамъ, пока эти волы не пали отъ чумы. На этотъ павшій гуртъ было составлено свидѣтельство, которое подписалъ начальникъ дивизіи, утвердилъ командиръ корпуса и предписалъ къ исполненію интендантъ арміи. Когда это свидѣтель-

ство, вмѣстѣ съ требованіемъ денегъ отъ интендантства, кажется тысячъ на шесть, попало ко мнѣ, я вызвалъ командира полка и предложилъ ему отказаться отъ своего требованія.

— Помилуйте, я требую правильно. Свидѣтельство утверждено и вы не имѣете права его опротестовывать.

— Съ формальной стороны вы, полковникъ, правы, но мнѣ извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ у васъ въ полку палъ скотъ и потому я не нахожу возможнымъ эту потерю принять на счетъ казны.

— Я не понимаю, С. Я., чего вы хотите. Вѣдь въ свидѣтельствѣ есть предписаніе интенданта арміи о выдачѣ полку денегъ и онъ отвѣчаетъ за правильность выдачи, а не Контроль.

— Повторяю, полковникъ, что формально вы правы, и я протестовать не имѣю основаній, но все-таки я предлагаю вамъ отказаться отъ требованія, иначе я подниму дѣло о падежѣ гурта отъ чумы и преступномъ отношеніи полка, благодаря чему чума могла распространиться на всю армію. Выбирайте то, или другое.

Полковникъ заблагоразсудилъ отказаться отъ требованія и по моему предложенію сообщилъ мнѣ объ этомъ оффиціально.

Одна артиллерійская бригада, желая получить новую конскую амуницію, составила свидѣтельство о томъ, что состоящая въ батареяхъ конская амуниція пришла въ негодное состояніе послѣ боевъ и по условіямъ тяжелой военно-походной обстановки. Это свидѣтельство было, по утвержденіи, представлено командиру корпуса. Я опротестовалъ его и командиръ корпуса возвратилъ свидѣтельство, признавъ его не подлежащимъ утвержденію.

Предоставляю спеціалистамъ опредѣлить, въ какой суммѣ исчисляется стоимость конской амуниціи для шести батарей восьми орудійнаго состава—этотъ расходъ былъ бы произведенъ изъ казны, если бы свидѣтельство было утверждено командиромъ корпуса.

Послѣ ряда пораженій и безпорядочнаго бѣгства отъ Мукдена, русская армія совершенно преобразилась на Сыпингайскихъ позиціяхъ и можно было съ увѣренностью сказать, что подъ Сыпингаемъ русскія войска вернули бы утерянные лавры, но портсмутскій договоръ лишилъ насъ этой возможности и съ тяжелымъ чувствомъ войска

бросили свои боевыя позицiи и перешли на зимнiя стоянки. Война окончена, и всѣ стремились скорѣе покинуть эту проклятую страну и хотя тяжело было возвращаться на родину, но еще тяжелѣе было оставаться здѣсь, гдѣ все такъ живо напоминало страшный ударъ, нанесенный ловкой рукой маленькаго хитраго азiата русскому колоссу...

Въ угнетенномъ состоянiи, истерзанная морально и обреченная на продолжительное бездѣйствiе, миллiонная армiя была тѣмъ горючимъ матерiаломъ, который легко могъ вспыхнуть и загорѣться сильнымъ и продолжительнымъ пламенемъ... Необходимо было, какъ можно скорѣе, отправить на родину запасныхъ, которые считали, что съ окончанiемъ войны и ихъ воинскiя обязательства предъ Царемъ и Отечествомъ прекращались и съ этого времени они считали себя свободными. Это былъ опасный въ армiи элементъ.

— Зачѣмъ, насъ держатъ здѣсь? Вѣдь война кончена! Мы совсѣмъ лишнiе и только даромъ ѣдимъ казенный хлѣбъ! Отпустите насъ на родину, намъ каждый день дорогъ!»... Вотъ что говорили запасные чины въ нашемъ корпусѣ, а ихъ было у насъ около 27,000 человѣкъ. И они были глубоко правы. Внутренне я не могъ не соглашаться съ основательностью ихъ соображенiй: оторванные отъ сохи и семей, для которыхъ они были кормильцами, эти сорокалѣтнiе бородачи стремились обратно домой, чтобы успѣть привести въ порядокъ разстроенное хозяйство и съ весны опять приняться за тяжелый трудъ хлѣбопашца.

Но пока Штабъ главнокомандующаго что-то подготовлялъ, что-то вырабатывалъ, гигантская политическая волна, всколыхнувшая всю Россiю, докатилась и до дальней Манчжурiи. Желѣзнодорожная и почтовая забастовки совершенно отрѣзали насъ отъ Россiи и мы обречены были на мучительное по безвѣстности происходящихъ событiй продолжительное бездѣйствiе.

Вотъ тутъ то со всей силой сказалось отсутствiе связи и духовнаго единенiя между командны мъ составомъ и нижними чинами, которые въ этотъ опасный моментъ были предоставлены самимъ себѣ.

Высшее начальство признало необходимымъ занять солдатъ, но это была дѣтская попытка. Ввели строевыя и гимнастическiя за-

нятія, которыя производились, въ большинствѣ случаевъ, подъ надзоромъ унтеръ-офицеровъ или заурядъ-прапорщиковъ. Сами нижніе чины смѣялись надъ тѣмъ, что ихъ, бородачей, заставляютъ, какъ маленькихъ дѣтей, прыгать черезъ веревочку. На эти занятія уходило 2—3 часа, а остальное время опять солдаты оставались одни, и никто не заботился о томъ, чтобы дать имъ духовную пищу. Въ предупрежденіе развитія пьянства, торговля водкой въ районѣ расположенія войскъ была запрещена и вслѣдъ за этимъ начала быстро развиваться тайная продажа; отлучка солдатамъ изъ района расположенія своей части, безъ отпускного билета, была воспрещена и отлучки въ ночное время сдѣлались обычнымъ явленіемъ; для поимки пьяныхъ и безбилетныхъ стали посылать патрули, но это вызвало только неудовольствіе среди солдатъ, какъ новый нарядъ, и конечно патрули никогда не находили жертвъ...

Начальство думало, что этими мѣрами можно было ввести порядокъ и успокоеніе и поднять воинскій духъ въ деморализованныхъ войскахъ, но никто не подумалъ стать на психологическую точку зрѣнія. Въ томъ состояніи, въ которомъ находились нижніе чины, особенно запасные, надо было взглянуть на нихъ, какъ на людей и установить человѣческія съ ними отношенія. Надо было войти въ духовное съ ними общеніе, дать имъ разумное объясненіе всего происходящаго въ Россіи и разъяснить имъ затруднительность положенія высшаго командного состава арміи, связаннаго въ своихъ дѣйствіяхъ забастовкою и другими причинами.

Я былъ очень строгъ и требователенъ къ чинамъ своей команды во время кампаніи и нерѣдко они отбывали наказаніе подъ арестомъ, или на часахъ, но я всегда относился къ нимъ по человѣчески, входилъ въ ихъ нужды и иногда бесѣдовалъ съ ними и эти маленькіе людишки нерѣдко обращались ко мнѣ съ разными недоумѣнными вопросами. Иногда они ставили меня въ затруднительное положеніе, такъ какъ я всегда помнилъ, что они солдаты русской арміи, которая крѣпка дисциплиной и любовью къ царю и отечеству... За то, когда они, отправляясь въ Россію, прощались со мной, они въ безыскусственныхъ простыхъ выраженіяхъ высказали свои чувства ко мнѣ. Со слезами на глазахъ разставались они со мною, растрогался и я въ эту

минуту. Только тогда я понялъ, насколько чутка душа русскаго солдата, и что можно съ нимъ сдѣлать при человѣчномъ къ нему отношеніи.

До насъ стали доходить тревожные слухи изъ Россіи. Вслѣдъ за извѣстіемъ объ объявленіи конституціи, прошелъ слухъ о томъ, что въ Москвѣ объявлено временное правительство, упоминались даже имена лицъ, вошедшихъ въ его составъ, говорили про Учредительное Собраніе. Каждый останавливался на тѣхъ слухахъ, которые были для него пріятнѣе. Среди нижнихъ чиновъ замѣчалось какое-то броженіе.

Кто-то пустилъ слухъ, что въ Россіи революція и поэтому запасныхъ не отправляютъ, чтобы они не примкнули къ народу. Этому слуху повѣрили и вотъ, какъ-то утромъ, къ домику командира корпуса является цѣлый баталіонъ запасныхъ Кр. пѣх. полка и, черезъ своихъ уполномоченныхъ, заявляетъ командиру корпуса требованіе о томъ, чтобы ихъ отправили на родину. Ген. Соболевъ объявилъ имъ, что по случаю забастовки на желѣзныхъ дорогахъ и отсутствію вагоновъ отправка запасныхъ не можетъ быть произведена. Когда уполномоченные заявили, что начальникъ разъѣзда обѣщалъ имъ дать вагоны и задержка лишь въ разрѣшеніи начальства, то командиръ корпуса объявилъ, что онъ разрѣшаетъ имъ ѣхать хоть завтра и онъ самъ явится прощаться съ ними. Обрадованные запасные вернулись въ свой полкъ и на другой день дѣйствительно собрались на разъѣздѣ, но не нашли ни вагоновъ, ни начальника разъѣзда.

День ото дня запасные стали развязнѣе въ своихъ отношеніяхъ съ офицерами, перестали отдавать имъ честь, не исполняли ихъ приказаній, и все это проходило безнаказанно. У лошадей одного изъ высшихъ чиновъ корпуса ночью отрѣзали хвосты, у другого разломали колесо экипажа... Наконецъ начались открытыя угрозы—перебить всѣхъ офицеровъ. У запасныхъ отобрали ружья подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ надо отправлять въ Россію и, закупоривъ ихъ въ ящики, отправили въ Харбинскій складъ.

Въ саперномъ баталіонѣ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, устроили шествіе съ красными флагами и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Когда объ этомъ узналъ командиръ корпуса, онъ приказалъ

немедленно произвести дознаніе и арестовать зачинщиковъ, но баталіонъ никого не выдалъ. Не надѣясь на дисциплинированность войскъ своего корпуса, ген. Соболевъ, исправлявшій въ то время обязанность командующаго арміею, вызвалъ изъ другого корпуса казачій полкъ и казачью батарею, которымъ былъ отданъ приказъ начать бомбардировку деревни, занятой баталіономъ. Такъ какъ распоряженіе было отдано по телефону, а телефонныя станціи обслуживались саперами, поэтому о такомъ распоряженіи сейчасъ же дали знать въ баталіонъ. Тамъ рѣшили, по жребію, избрать отъ роты по 2 чина и выдать ихъ, какъ зачинщиковъ. Придя къ такому рѣшенію, баталіонъ обратился къ своему командиру съ просьбой остановить по дорогѣ казаковъ и это просьба была исполнена.

По распоряженію командира корпуса казаковъ угостили обѣдомъ и казачьи офицеры за обѣдомъ выражали свое неудовольствіе, что имъ «не пришлось поработать». Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку, что не присутствуя на обѣдѣ, я лично этого не слыхалъ, но объ этомъ мнѣ говорили въ Штабѣ корпуса. На дознаніи «зачинщики» заявили, что они причисляютъ себя къ «мыслящимъ пролетаріямъ» и потому они должны были выразить свое сочувствіе происходящему въ Россіи революціонному движенію.

Когда желѣзнодорожная забастовка окончилась и явилась возможность отправить запасныхъ нижнихъ чиновъ 1-ой очереди, приказомъ по войскамъ была объявлена очередь отправки. Отъ какого-то полка явилась къ командиру корпуса депутація и показывая на свои сѣрые штаны, сшитые изъ старыхъ шинелей, заявила, что въ этихъ арестантскихъ штанахъ они домой не пойдутъ, на посмѣшище деревни, и потому требуютъ, чтобы имъ дали «форменное платье, по закону». Это было въ концѣ декабря мѣсяца. Командующій корпусомъ приказалъ немедленно образовать комиссію, при моемъ участіи, и закупить необходимое количество зимнихъ штановъ, полушубковъ и валенокъ. На другой день по полученіи этого распоряженія, мы выѣхали на сѣверъ.

На станціи Мейшадзы я едва протискался въ единственный классный вагонъ, входящій въ составъ поѣзда; въ этомъ вагонѣ было свободное отдѣленіе, въ которомъ помѣщался нижній чинъ. Узнавъ отъ него, что онъ

охраняетъ отдѣленіе для какого-то офицера изъ штаба 2-ой арміи, который долженъ сѣсть въ поѣздъ на ст. Бухай, я счелъ себя въ правѣ занять одно изъ шести мѣстъ этого отдѣленія. Моему примѣру послѣдовали офицеры, стоявшіе въ коридорѣ, и не только всѣ мѣста были заняты, но двое ухитрились помѣститься на полу, а солдатъ долженъ былъ уйти на площадку вагона. На слѣдующей остановкѣ коридоръ вагона настолько заполнился офицерствомъ, что съ трудомъ можно было открыть вагонную дверь. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, въ сидячемъ положеніи, мы проѣхали всю ночь и были счастливы, что удалось достать такія хорошія мѣста: коридорная публика сидѣла всю ночь на корточкахъ, или на трубѣ для отопленія, а нѣкоторые лежали въ растяжку на полу и это были болѣе счастливые.

По пріѣздѣ въ Харбинъ, мы бросились искать подрядчиковъ и нашли двухъ, которые обязались выставить намъ въ недѣльный срокъ потребное количество платья. Въ помѣщеніи подрядчика мы открыли складъ, куда намъ стали свозить предметы обмундированія и всѣ—съ клеймами интендантства. По закону, мы не имѣли права покупать этихъ вещей, которыя подлежали конфискаціи, но, съ другой стороны, необходимо было одѣть запасныхъ на дорогу. За разрѣшеніемъ своего недоумѣнія я обратился къ главному интенданту, который сказалъ мнѣ, что ему извѣстно о продажѣ на рынкахъ Харбина казенныхъ солдатскихъ вещей, но что же дѣлать? положеніе таково, что надо ихъ покупать, чтобы одѣть запасныхъ.

Чѣмъ же объяснить появленіе этого товара на харбинскихъ базарахъ? Когда главнокомандующимъ былъ отданъ приказъ о расформированіи нѣкоторыхъ учрежденій и заведеній и отправкѣ въ Россію всѣхъ ратниковъ ополченія и запасныхъ 1-ой очереди, находившихся въ этихъ учрежденіяхъ, то ихъ начальники поспѣшили исполнить это распоряженіе и въ 2—3 дня, ликвидировавъ все имущество, направили нижнихъ чиновъ въ Харбинъ. Здѣсь на этапѣ собиралось 10—15 тысячъ человѣкъ, которые по недѣлямъ ждали очереди отправки ихъ въ Россію. Вся эта орава ничего не дѣлающихъ людей, отбывшихъ кампанію въ тыловыхъ учрежденіяхъ, т. е. не испытавшихъ всѣхъ трудностей военно-боевой жизни, но вкусившихъ

всѣ ея отрицательныя стороны, почувствовала себя на свободѣ, безъ какого бы то ни было надзора, и эти люди, въ такой обстановкѣ, безъ борьбы отдались порывамъ низменныхъ страстей и бросились въ омутъ разврата.

Всѣ сбереженія, сдѣланныя за время войны, скоро перешли изъ ихъ кармановъ къ владѣльцамъ разныхъ вертеповъ, а когда карманы опустѣли, на рынкахъ стали появляться разные предметы обмундированія, которые владѣльцы ихъ продавали за безцѣнокъ. Эти безсовѣстные люди, оставшись въ рваномъ холодномъ платьѣ, являлись къ коменданту этапа и дерзко требовали выдачи имъ теплаго платья; командантъ обычно удовлетворялъ ихъ требованія, а они, получивъ новое платье, несли и его на базаръ, и снова являлись къ коменданту за новымъ платьемъ. Ходили у насъ слухи, что различное интендантское имущество можно было дешево купить изъ вагоновъ и изъ складовъ въ Харбинѣ, и хотя я не имѣю фактовъ, подтверждающихъ эти слухи, но думаю, что это правда. Новый начальникъ тыла, ген.-лейтенантъ Ивановъ, отдалъ распоряженіе о розыскѣ складовъ интендантскихъ вещей у частныхъ лицъ и полиція арестовала купленныя нами вещи. Пришлось обратиться къ начальнику тыла и, объяснивъ ему необходимость снаряженія запасныхъ теплымъ платьемъ, просить его распоряженія о снятіи ареста. Генералъ Ивановъ не только исполнилъ нашу просьбу, но и оказалъ содѣйствіе къ полученію вагоновъ для отправки теплаго платья въ корпусъ.

Вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, доходившихъ до 40 град. на Хинганскомъ перевалѣ желѣзнодорожное движеніе прекратилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась и доставка предметовъ продовольствія съ запада. Опасаясь голода, главный интендантъ телеграммой предложилъ всѣмъ корпусамъ немедленно озаботиться заготовленіемъ предметовъ довольствія въ мѣсячной пропорціи, собственнымъ попеченіемъ войскъ.

Командиръ корпуса возложилъ это на нашу комиссію, и мы должны были закупить 10,000 пудовъ рыбы кэты, 6,000 пудовъ сахару и 3,000 пудовъ крупы. Комиссіи удалось законтрактовать поставку этихъ предметовъ по рыночной цѣнѣ, которая потомъ значительно поднялась. При пріемѣ кэты 60% бочекъ вскрывалось, но когда кэта была

доставлена въ корпусный складъ и сложена на открытомъ мѣстѣ, отъ сильнаго весенняго солнца разсолъ сталъ таять и вытекать, отъ чего нѣжная рыба стала портиться. Вскорѣ продовольственный кризисъ миновалъ и съ сѣвера начался усиленный привозъ мороженаго мяса. Въ это же время было отдано распоряженіе о томъ, чтобы кэту давать въ пищу не болѣе одного раза въ недѣлю, по случаю нѣсколькихъ заболѣваній цынгою.

Вѣроятно болѣе половины купленной нами кэты пропало. Остановившись на этомъ фактѣ, я считаю необходимымъ отмѣтить, что на устройство складовъ не всегда обращалось надлежащее вниманіе, такъ напримѣръ: въ Гунджулинѣ было уничтожено огромное количество бобовыхъ жмыховъ, которые были сложены въ низкомъ мѣстѣ, безъ подстилки и вешней водой ихъ затопило; они начали гнить и отвратительнымъ запахомъ заражали воздухъ. Жестянки съ консервированнымъ мясомъ завода Шидловскаго, которыя должны храниться въ холодномъ мѣстѣ, лежали подъ палящимъ солнцемъ, и много этого мяса оказалось испорченнымъ, благодаря небрежному ихъ храненію.

Хотя Штабомъ войскъ и былъ составленъ планъ перевозки, но его нельзя было выполнить, за недостаткомъ подвижного состава, вслѣдствіе чего было предписано корпусамъ оборудовать теплушки собственнымъ попеченіемъ. Эта работа была поручена комиссіи, въ составъ которой я былъ назначенъ. Мы принялись энергично за дѣло. Ни досокъ установленнаго размѣра, ни войлоковъ достать было нельзя. Вмѣсто поперечнаго настила мы сдѣлали продольный, а войлокъ замѣнили китайскими ватными одѣялами. Работы были окончены раньше срока и оборудованіе обошлось почти въ $1^1/_2$ раза дешевле, чѣмъ въ другихъ корпусахъ.

Съ отправленіемъ запасныхъ нижнихъ чиновъ въ числѣ 26500 человѣкъ, въ нашемъ корпусѣ оставалось всего 15000 человѣкъ, поэтому дальнѣйшее существованіе корпуса со всѣми его штабами, управленіями и заведеніями, съ военно-административной точки зрѣнія, было безцѣльно, между тѣмъ это вызывало большіе и совершенно непроизводительные для казны расходы, поэтому въ началѣ декабря мѣсяца я вошелъ съ представленіемъ о расформированіи нашего корпуса.

Такъ какъ мое представленіе осталось безъ движенія, то въ началѣ февраля, когда запасные были отправлены въ Россію, я возобновилъ свое представленіе и 9-го февраля командующимъ войсками Дальняго Востока, генераломъ Гродековымъ, былъ отданъ приказъ о расформированіи 6-го Сибирскаго корпуса по тому плану, который былъ изложенъ въ моемъ представленіи. На расформированіе былъ данъ 18-ти дневный срокъ и я долженъ былъ использовать этотъ краткій срокъ для своихъ ревизіонныхъ цѣлей.

Мнѣ необходимо было опредѣлить по денежнымъ журналамъ наличіе денежныхъ суммъ во всѣхъ расформировываемыхъ и демобилизуемыхъ частяхъ и управленіяхъ, провѣрить правильность статей журнала и сличить остатки съ квитанціями казначейства. По моему докладу командиръ корпуса отдалъ приказъ о томъ, чтобы всѣ деньги были сданы этими частями и учрежденіями въ казначейства, а квитанціи съ денежными журналами—представлены мнѣ на ревизію.

Не всѣ командиры частей исполнили этотъ приказъ: одинъ командиръ уѣхалъ, не сдавши ни одной копейки въ казначейство, а командиры парковыхъ бригадъ заявили, что деньги нужны будутъ имъ по возвращеніи въ Россію, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ настолько безтактенъ, что просилъ моего разрѣшенія оставить въ своемъ распоряженіи тѣ 5,000 рублей, которые онъ незаконно взялъ отъ парковъ, какъ бы для хозяйственныхъ нуждъ управленія.

Я думаю, что не сдѣлаю крупной ошибки, если скажу, что по всѣмъ арміямъ такихъ суммъ должно было поступить свыше 12.000,000 рублей, но сколько въ дѣйствительности оставалось ко времени расформированія наличныхъ денежныхъ суммъ и сколько поступило въ казначейство—никто не зналъ и не интересовался этимъ. Прошло уже 5 лѣтъ, многіе вышли въ отставку, а до этого вопроса такъ и не добрались до сихъ поръ. При ревизіи одного изъ интендантскихъ заведеній я призналъ подлежащими возврату къ казну, какъ неправильно выведенный расходъ, 2—2½ тысячи, хорошо не помню. Завѣдывающій этимъ заведеніемъ сдѣлалъ на моемъ актѣ надпись о томъ, что онъ съ моимъ выводомъ согласенъ и обязуется внести деньги въ казначейство, но ограничился этой надписью, денегъ же не внесъ и до сихъ поръ. Другой начальникъ такого же

заведенія, узнавъ, что я произвожу строгую ревизію, поспѣшилъ уѣхать изъ Манчжуріи, захвативъ съ собой книги и деньги.

Конечно, такіе случаи не имѣли бы мѣста, если бы положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ былъ установленъ порядокъ расформированія и демобилизаціи и если бы права Полевого Контроля были расширены.

Моя почти двухлѣтняя служба въ Полевомъ Контролѣ привела меня къ убѣжденію въ необходимости и въ мирное время отдѣльнаго Контроля въ войскахъ, которому должно быть предоставлено широкое право фактической ревизіи. Это не только мое личное мнѣніе, но мнѣніе многихъ высшихъ военныхъ чиновъ бывшихъ манчжурскихъ армій.

По расформированіи корпуса я оставался еще около 10-ти дней, вмѣстѣ съ хозяйственной частью Штаба, для окончанія дѣлъ, и наконецъ, выѣхалъ въ Харбинъ съ полнымъ сундукомъ дѣлъ и документовъ. Здѣсь я узналъ, что черезъ нѣсколько дней отправляется первый экспрессъ въ Россію и поспѣшилъ запастись билетомъ. Скорѣй, скорѣй въ Россію изъ этой проклятой страны и отъ этого страшнаго кошмара, въ которомъ я находился почти два года!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Мобилизація 1

Осмотръ матеріальной части выступающихъ въ походъ частей. Негодная конская амуниція. Лошади по военно-конской повинности. Боевая подготовка и заботы командировъ частей.

Отъ Москвы до Мукдена 9

Выступленіе эшелона. Типичный денщикъ. Орелъ. Сызранскій мостъ. Омскъ. Заводъ Шидловскаго для соленаго мяса. Продовольственные пункты. Дѣвицы-офицеры. До Иркутска. Отъ Иркутска до Байкала. Переѣздъ черезъ Байкалъ. Поѣздной шулеръ. Чита. За границей русскихъ владѣній. На станціи Манчжурія. Самоубійство. Рѣка Нонна. Великъ Богъ земли русской! Харбинъ. Китайская характеристика политической позиціи Китая. Студентъ-санитаръ. Боевые офицеры.

Первые дни подъ Мукденомъ. 41

Прибытіе въ Мукденъ. Временный бивакъ. Кумирня. Городъ. Поѣздка въ Тьелинъ. Ночевка въ Мукденѣ. Розыскъ Штаба корпуса. Этапъ въ Байтапу. Штабъ 17 корпуса. Бивакъ Штаба въ Пендіанза. Поѣздка въ свое Управленіе. Боевыя позиціи корпуса. Сигнальщики-китайцы. Довольствіе солдатъ.

Октябрьскіе бои 67

Выѣздъ на передовыя позиціи. Встрѣча частей послѣ боя. Перевязочный пунктъ. Общая обстановка боя. Первыя начальныя ре-

СТРАН.

визіонныя дѣйствія. Смѣна командира обоза. Дѣятельность корпуснаго интенданта. Перемѣны бивака Штаба. Выселеніе китайцевъ. 50 китайцевъ на волоскѣ отъ смерти. 10-ти минутный судъ и казнь. Смѣлая развѣдка. Активное участіе въ ночномъ бою и взятіе деревни Безымянной.

Мукденское сидѣніе. 86

Передвиженіе корпуса въ центръ арміи. Собираніе запасовъ и хищническое ихъ расходованіе. Войсковыя заготовки. Доходы войсковыхъ частей. Японская прокламація на бумажномъ змѣѣ. Поддѣльныя русскія кредитки. Теплое обмундированіе нижнихъ чиновъ. Наступленіе зимы. Устройство зимнихъ помѣщеній. Путиловская сопка. Комиссія въ Тьелинѣ по закупкѣ лошадей. Встрѣча съ психически больнымъ офицеромъ. Укрѣпленіе позицій. Ревизія внутренняго хозяйства войскъ. Санитарное состояніе и довольствіе войскъ. Ожиданіе наступленія. Праздникъ въ Хунь-хэ-пу. Эпизодъ на мосту черезъ Хунь-хэ. На осадной батареѣ и въ боевыхъ окопахъ. Отвальная въ Штабѣ Корпуса. Знаменитые продовольственные транспорты Ухачъ-Огоровича. Тревожные слухи объ Артурѣ. Впечатлѣніе въ арміи отъ сдачи крѣпости. Рождественская елка. Поѣздка въ другой корпусъ, къ брату. Китайское лобное мѣсто. Развороченная могила. Переходъ въ Сяочипертунь.

Бои на Шахэ и подъ Мукденомъ. 129

Подготовленіе къ наступленію и демонстраціи японцевъ. Тайфунъ. Маскировка японцами обходнаго движенія. Наблюденіе за обстрѣломъ Новгородской сопки. Японцы стрѣляютъ одиннадцатидюймовыми снарядами! Испугъ послѣ опасности. Артиллерійское состязаніе. Въ передовыхъ окопахъ. Несчастный случай съ штабсъ-капитаномъ Д. Слухи объ отступленіи. Ревизіонныя дѣйствія Контроля на случай отступленія. Снова на передовыхъ позиціяхъ. Опять ушелъ отъ смерти! На осадной батареѣ. Преждевременный приказъ объ отступленіи и противодѣйствіе генерала Соболева. Запоздалая отмѣна приказа. Отчаянныя усилія японцевъ прорвать центръ. Распоряженіе 22-го февраля объ отступленіи. Въ послѣдній разъ въ передовыхъ окопахъ. Сахэпу послѣ обстрѣла японцами. Настроеніе войскъ. Въ арьергардѣ при отступленіи. Поджогъ складовъ. Нелѣпое распоряженіе ротнаго командира. На бивакѣ Штаба. Подъ огнемъ шрапнелей. Тайфунъ. 24-е февраля. Снова въ арьергардѣ.

СТРАН.

Отступленіе . 153

Отступленіе 35-ой дивизіи. Уничтоженіе складовъ. Возвращеніе на брошенный бивакъ. Загадочный случай—секретнѣйшій изъ документовъ въ чужихъ рукахъ! Поиски Штаба по компасу. Въ районѣ, занятомъ японцами, подъ ружейнымъ огнемъ непріятеля. Вывозъ изъ огня двухъ орудій. Картина отступленія по Мандаринской дорогѣ. Вмѣсто Тьелина деревня Таву. Ночевка. Тьелинъ и гостиница «Полтава». Соединеніе со Штабомъ корпуса. Извѣстіе о потерѣ денежнаго ящика и всего обоза. Дальнѣйшее движеніе со Штабомъ. Мародерство. Поиски обоза II разряда. Городъ Кайюянь. Плутаніе въ горахъ. Хунхузская деревня. Возвращеніе въ Штабъ. Затруднительная задача—разыскать денежный ящикъ. Станція Котядань. Объѣздъ всѣхъ отступающихъ обозовъ. Ложные слѣды. Ночевка въ брошенныхъ фанзахъ. Эпизоды во время поисковъ. Гунджулинъ. Ура! ящикъ найденъ. Обратное путешествіе. Неожиданное препятствіе. Возвращеніе въ обозъ II разряда и ревизія денежныхъ суммъ. Движеніе со своимъ Управленіемъ. Предупрежденный полетъ на воздухъ черезъ крышу. Ревизіонныя работы во время передвиженія. Остановка подъ Маймайкаемъ.

Сыпингайское сидѣніе 191

Назначеніе комиссіи для выясненія убытковъ при отступленіи. Очищеніе позиціи отъ построекъ и посѣвовъ. Мирные китайцы и «военныя обстоятельства». Опредѣленіе и провѣрка убытковъ частей отъ боевъ и отступленій; преступная небрежность главнаго врача, бросившаго весь обозъ съ денежнымъ ящикомъ. Прибытіе корпуснаго продовольственнаго транспорта. Боевое состояніе арміи и слухи о мирѣ. Временные шалаши для прикрытія отъ холодовъ. Удовлетвореніе китайцевъ за убытки отъ мародерства.

Зимнія стоянки послѣ заключенія мира 205

Стоянка Штаба корпуса около станціи Мейшадзы. Отсутствіе въ войскахъ зимняго платья. Передѣлка шинелей на штаны. Продажа лошадей. Паденіе цѣнъ. Неправильно понятый китайцами аукціонъ. Нераспорядительность начальствующихъ лицъ. Общее заключеніе о расходахъ на содержаніе лошадей и финансовые результаты продажи.

Ревизія внутренняго хозяйства войскъ и опредѣленіе экономическихъ суммъ. Результаты ревизіи. Соображенія о назначеніи экономическихъ суммъ.

Строевыя и гимнастическія занятія въ войскахъ и отсутствіе духовной пищи. Желѣзнодорожная забастовка. Тревожные слухи изъ Россіи. Реагированіе арміи. Моральное состояніе запасныхъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ арміи. Революціонное движеніе въ саперномъ баталіонѣ. Озлобленность запасныхъ нижнихъ чиновъ и ихъ отношеніе къ офицерскому составу.

Харбинскій этапъ и грабежи. Комиссія по заготовкѣ зимняго платья. Покупка краденыхъ интендантскихъ вещей. Опасенія голода въ арміи и спѣшная заготовка продовольствія.

Оборудованіе вагоновъ-теплушекъ средствами войскъ и отправленіе запасныхъ І-й очереди. Расформированіе корпуса. Отношеніе нѣкоторыхъ начальниковъ частей къ требованію о внесеніи экономическихъ суммъ въ казначейство. Возвращеніе домой.

нятія въ войскахъ и отсутствіе
жная забастовка. Тревожные
арміи. Моральное состояніе за-
къ чиновъ арміи. Революціонное
Донѣ. Озлобленность запасныхъ
ніе къ офицерскому составу.
Комиссія по заготовкѣ зимняго
тендантскихъ вещей. Опасенія
товка продовольствія.
пекъ средствами войскъ и отпра-
асформированіе корпуса. Отно-
частей къ требованію о внесе-
начейство. Возвращеніе домой.

Mag. [illegible]
2—
5898/660

1500216487

22 > 65